

А. КОНАН ДОЙЛ
Г. К. ЧЕСТЕРТОН
Э. А. ПО
Э. УОЛЛЕС

М. АЛЕКСАНДР • НАТ ПИНКЕРТОН • БИК КАРТЕР • Э. ГАБОРИО

ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
КЛАССИЧЕСКОГО
ДЕТЕКТИВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АСТ

Гилберт Кийт Честертон
Эдгар Аллан По
Артур Конан Дойл
Эдгар Ричард Горацио Уоллес
Морис Леблан
Ник Картер
Нат Пинкертон
Эмиль Габорио
Елена Лесовикова

**Золотая коллекция классического
детектива (сборник)**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17838921

Золотая коллекция классического детектива: сборник: Клуб семейного досуга; Харьков; 2013

ISBN 978-966-14-5009-6

Аннотация

Подарок всем любителям детектива!

Здесь есть истории на любой вкус: классические, динамичные, приключенческие! Их авторы – признанные мастера детективного жанра – А. Конан Дойл, Э. А. По, Г. К. Честертон, Э. Габорио и др.

Вас ждет встреча с любимыми персонажами – обаятельным Арсеном Люпенем и хладнокровным Ником Картером, прославленным Шерлоком Холмсом и скромным отцом Брауном, бесстрашным Натом Пинкертоном и другими.

Здесь собраны только лучшие детективы с непредсказуемым финалом! Дерзкие ограбления и рискованные авантюры, покушения из-за угла и поединки лицом к лицу, запутанные головоломки и их блестящие решения – эти истории держат в напряжении до последней страницы!

Содержание

Артур Конан Дойл	5
Мой друг, убийца	7
Долина Ужаса	19
Часть 1	19
Глава 1	19
Глава 2	24
Глава 3	29
Глава 4	34
Глава 5	40
Глава 6	47
Глава 7	54
Часть 2	63
Глава 1	63
Глава 2	68
Глава 3	78
Глава 4	87
Глава 5	93
Глава 6	100
Глава 7	106
Эпилог	111
Гилберт Кийт Честертон	113
Сапфировый крест	115
Таинственный сад	128
Грехи принца Сарадина	141
Конец ознакомительного фрагмента.	143

**Артур Конан Дойл, Гилберт Кийт
Честертон, Эдгар Аллан По,
Эдгар Уоллес, Морис Леблан, Нат
Пинкертон, Ник Картер, Эмиль Габорио
Золотая коллекция
классического детектива
(сборник)**

© DepositPhotos.com / Valery Sibrikov, kvkirillov, Nutta pong
Maksonsong, pejo, Dragan Nikolic, обложка, 2013

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском
языке, 2013

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и
художественное оформление, 2013

Артур Конан Дойл

Сэр Артур Игнатиус Конан Дойл – шотландский и английский врач и писатель. Артур Конан Дойл родился в Эдинбурге 22 мая 1859 года в семье художника. В 1881 году он окончил медицинский факультет Эдинбургского университета и как корабельный врач совершил путешествие в Африку.

Вернувшись на родину, он занялся медицинской практикой в одном из районов Лондона. Защитил диссертацию, стал доктором медицины. Постепенно начал писать рассказы и очерки в местные журналы.

Героем его рассказов под именем сыщика-любителя Шерлока Холмса стал преподаватель Эдинбургского университета Джозеф Белл, который любил поразить воображение студентов своей чрезмерной наблюдательностью и умением с помощью «дедуктивного метода» разобраться в самых сложных и запутанных проблемах. Правда, первая повесть осталась незамеченной, зато следующая – «Знак четырех» (1890) – принесла автору популярность. В начале 90-х годов XIX века один за другим выходят сборники рассказов «Приключения Шерлока Холмса», «Воспоминания о Шерлоке Холмсе», «Возвращение Шерлока Холмса».

Читатели требовали от автора все новых и новых произведений о любимом герое, но Конан Дойл понимал, что фантазия его постепенно угасает, и написал несколько произведений с другими главными героями – бригадиром Жераром и профессором Челенджером.

Дойл много путешествовал, плавал судовым врачом в Арктику на китобойном судне, в Южную и Западную Африку, служил полевым хирургом во время англо-бурской войны.

В последние годы жизни Конан Дойл увлекся спиритизмом и даже издал двухтомный труд «История спиритизма» (1926).

Умер Конан Дойл в 1930 году в возрасте 71 года. Он сам написал свою эпитафию:

*Я выполнил свою простую задачу,
Если дал хотя бы час радости
Мальчику, который уже наполовину мужчина,
Или мужчине – еще наполовину мальчику.*

Мой друг, убийца

– Доктор, четыреста восемьдесят первому номеру лучше не становится, – укоризненно произнес старший надзиратель, заглянув в приоткрытую дверь моего кабинета.

– Ну и черт с ним, – ответил я, не отрывая глаз от газеты.

– А шестьдесят первый жалуется, что у него болит горло. Может, поможете?

– В этом шестьдесят первом уже столько лекарств, что по нему фармакопею изучать можно, – сказал я. – Он сам как ходячая аптека. А горло у него здоровее вашего.

– Так, а седьмой и сто восьмой? Это хроники, – продолжил надзиратель, бросив взгляд на синий листок бумаги. – И двадцать восьмой вчера на работу не вышел, сказал, что, когда поднимает тяжести, у него в боку колет. Я бы хотел, чтобы вы его осмотрели, доктор, если можно. А у восемьдесят первого – это тот, который Джона Адамсона на бриге «Коринфянин» убил, – ночью какой-то приступ был. Он до утра орал как сумасшедший.

– Ну хорошо, хорошо, осмотрю его попозже. – Небрежно отбросив газету, я потянулся за кофейником. – Надеюсь, это все?

Надзиратель просунул голову чуть дальше в комнату.

– Прошу прощения, доктор, – перешел на доверительный тон офицер, – но мне показалось, что у восемьдесят второго что-то вроде простуды намечается, так что у вас есть хороший повод заглянуть к нему и перебраться парой словечек.

Моя рука с чашкой кофе замерла в воздухе на полдороге ко рту. Я изумленно возрился на серьезное лицо надзирателя.

– Повод? – произнес я. – У меня есть хороший повод? Что вы несете, Мак-Ферсон? Я, когда не смотрю за заключенными, весь день, как проклятый, бегаю по больным, вечером возвращаюсь уставший как собака, а вы подыскиваете мне лишний повод работать еще больше?

– Вам это понравится, доктор, – уже показалось из-за стены плечо надзирателя Мак-Ферсона. – Этого человека стоит послушать, если, конечно, вам удастся его разговорить. Вообще-то он парень не болтливый. Или вы не знаете, кто такой восемьдесят второй?

– Нет, не знаю. И знать не хочу! – отрезал я, полагая, что мне в качестве знаменитости подсовывают какого-нибудь местного бандита.

– Это Мэлони, – многозначительно произнес надсмотрщик. – Тот самый, который сдал своих сообщников после убийств в Блюменсдайке.

– Не может быть! – воскликнул я, в изумлении опуская чашку. Я слышал об этой серии ужасных убийств и читал о них в одном из лондонских журналов задолго до того, как попал в Австралию. Мне тут же вспомнилось, что эти зверские преступления своей жестокостью затмили даже злодеяния Берка и Хейя¹ и что самый безжалостный член банды спасся от виселицы только тем, что согласился свидетельствовать против своих сообщников на суде. – Вы уверены, что это он? – спросил я.

– О, можете не сомневаться. Просто раскачайте его немного, и он уж вас удивит, будьте уверены. С таким человеком, как этот Мэлони, стоит познакомиться поближе. До определенной степени, конечно, – лицо надсмотрщика расплылось в довольной улыбке, он коротко кивнул и скрылся за дверью, оставив меня заканчивать завтрак и размышлять над услышанным.

Должность медика при австралийской тюрьме завидной не назовешь. Возможно, где-нибудь в Мельбурне или Сиднее такая работа еще может показаться сносной, но такому

¹ Уильям Берк и Уильям Хей в 1827–1828 гг. в Эдинбурге, Великобритания, убили 16 человек с целью продать их тела для анатомирования.

небольшому городу, как Перт, завлечь почти ничем, да и немногие его прелести уже давно исчерпались и обрыдли. Климат здесь был отвратительный, общество – и того хуже. Жизнь местных обитателей была неразрывно связана с животноводством; так что все разговоры здесь сводились к обсуждению цен, болезней и вопросов разведения овец и коров. Я, как человек пришлый, ни тех, ни других не держал, и новые средства избавления от паразитов, лечение парши и другие подобные темы меня совершенно не интересовали, поэтому я оказался в некоторой интеллектуальной изоляции и был страшно рад чему угодно, что могло хоть как-то развеять однообразие моего существования. Убийца Мэлони по крайней мере был личностью неординарной, выделялся на общем фоне и мог стать для меня глотком свежего воздуха в рутине повседневности. Я решил, что воспользуюсь советом надсмотрщика и познакомлюсь с ним. Итак, во время обычного утреннего обхода я остановился у двери с соответствующим номером, повернул в замке ключ и вошел в камеру.

Заклоченный лежал на нарах в расслабленной позе, но при моем появлении тут же поднялся, спустил на пол длинные ноги и устремил на меня дерзкий, но настороженный взгляд, не предвещавший легкой беседы. С бледным скуластым лицом, рыжеватыми волосами и серо-голубыми кошачьими глазами, мускулистый и высокий, он тем не менее производил впечатление человека, обладающего каким-то физическим недостатком из-за слишком низко опущенных плеч. Какой-нибудь прохожий, встретив Мэлони на улице, принял бы его за обычного respectable мужчину довольно привлекательной наружности. Даже в уродливой арестантской робе этой гнилой тюрьмы он держался с определенным достоинством, что отличало его от остального сброда соседних камер.

– На здоровье я не жаловался, – вместо приветствия грубо произнес он. Этот хриловатый резкий голос живо напомнил мне, что передо мной сидит гроза Лена-вэлли и Блюменсдайка, самый безжалостный головорез из тех, которые когда-либо грабили фермы или перерезали глотки их обитателям.

– Я знаю, – ответил я. – Но надзиратель Мак-Ферсон сказал, что у вас простуда, вот я и решил к вам зайти.

– А не пошли бы вы к черту вместе со своим Мак-Ферсоном! – закричал вдруг заключенный в неожиданном приступе ярости. – Ах да, – добавил он уже чуть спокойнее, – теперь давайте, бегите строчить доклад коменданту. Ну? Добавьте мне еще полгода или сколько там полагается... Вперед!

– Я не собираюсь писать на вас доклад, – миролюбиво возразил я.

– Восемь квадратных футов, – он, похоже, пропустил мимо ушей мои слова и снова начал впадать в ярость: – Восемь квадратных футов, и даже тут я не могу жить спокойно! Обязательно найдется какая-нибудь гнида, которой, видишь ли, хочется поговорить, поглазеть... Да чтоб вас всех разорвало! – Он поднял над головой руки и затряс сжатыми кулаками, сопровождая свой жест потоком отборных ругательств.

– Странное у вас представление о гостеприимстве, – изо всех сил стараясь оставаться спокойным, произнес я первое, что мне пришло в голову.

К моему удивлению, он тут же замолчал и уставился на меня широко раскрытыми глазами. В том, что он так яростно отстаивал, а именно в его праве относиться к этой камере как к собственному жилью, я вроде бы не усомнился, и это, похоже, стало для него совершенной неожиданностью.

– Прощу меня извинить, – смущенно произнес он. – Я немного погорячился. Присаживайтесь, – указал он на грубую скамью, которая служила ему продолжением ложа.

В сильном недоумении от столь внезапной перемены я сел. Не уверен, что Мэлони в подобном спокойном состоянии располагал к себе больше. Кровожадный убийца на какое-то время исчез, но теперь неожиданно мягкий голос и подобострастная манера указывали

на доносчика, который ради того, чтобы спасти свою шкуру, с легким сердцем отправил на виселицу тех, с кем совершал свои страшные преступления.

– В груди боли есть? – спросил я, напуская на себя деловой вид.

– Да бросьте вы, доктор... Бросьте! – улыбнулся он, обнажая два ряда белых зубов, и уселся на край лежака. – Вас же сюда привела вовсе не забота о моем драгоценном здоровье. Можете не прикидываться. Вы пришли посмотреть на Вулфа Тона Мэлони, фальшивомонетчика, убийцу, грабителя и стукача. Вы ведь так меня себе представляете, да? Ну вот он я, во всей красе. Как видите, не такой уж и страшный.

Он помолчал, как будто ожидая от меня какого-то ответа, но, поскольку я молчал, повторил еще пару раз:

– Не такой уж я страшный... А что мне оставалось делать? – вдруг возмутился он, его сатанинское нутро снова дало о себе знать. – Все равно нас всех должны были вздернуть. Всех до одного. От того, что я их сдал и этим спас себя, они лучше не стали. В этом мире каждый сам за себя, а уж дьявол выберет, кому повезет больше. У вас табаку жевательного не найдется, доктор?

Он набросился на кусок «барретта», который я ему протянул, как голодный дикий зверь. Табак, похоже, несколько успокоил его нервы, поскольку он уселся поудобнее и снова заговорил извиняющимся голосом.

– Представьте себя на моем месте, доктор, – сказал он. – Любой бы тут немного тронулся. Меня на этот раз на шесть месяцев упекли за драку, и знаете что? Когда этот срок выйдет, я буду очень жалеть. Здесь мне спокойно, живу себе тихо-мирно, но как представляю, что меня ждет на воле... С одной стороны власти, с другой – Расписной Том из Хоуксбери. Какое там спокойствие!

– А кто это? – поинтересовался я.

– Брат Джона Гримторпа, одного из тех, кого после моих показаний приговорили. О, это был отъявленный мерзавец, дьявольское отродье, и братец его не лучше! Этот, с татуировками, – бандюга, каких поискать. Он после суда поклялся мне отомстить. Прошло уже семь лет, а он все еще преследует меня. Я это точно знаю, хоть сейчас его не видно и не слышно. В семьдесят пятом он меня выследил в Балларате, вот, видите, у меня на тыльной стороне ладони шрам – это от его пули. В семьдесят шестом в Порт-Филлипе² мы с ним снова встретились, но мне тогда повезло больше, я его подстрелил, правда, он выжил. В семьдесят девятом он порезал меня в баре в Аделаиде, так что после этого мы были, можно сказать, квиты. Но сейчас он опять где-то здесь ошивается, выискивает способ отправить меня на тот свет. И он это сделает, если только... Если только не случится чудо и кто-нибудь не сделает этого с ним самим раньше, – и Мэлони криво улыбнулся.

– Но, если честно, я на него не в обиде, – продолжил он. – Для него-то ведь это дело кровное, просто так его не бросишь. Власти наши – вот что выводит меня из себя. Когда я думаю о том, что я сделал для этой страны и что получил взамен, у меня все внутренности начинают переворачиваться... Я просто сатанею. У нас уже никто не помнит, что такое благодарность или обычные правила приличия, доктор!

На несколько минут он призадумался, должно быть, над жизненными тяготами, которые выпали на его долю, после чего приступил к их подробному изложению.

– Представьте. Девять отъявленных мерзавцев, – сказал он. – Три года они промышляют убийствами и грабежом. Не проходит и недели, чтобы они не отняли чью-то жизнь. И вот их ловят, полиция пытается доказать их вину, но ничего не получается. Почему? Да потому, что эти девяттеро знали свое дело и всем свидетелям, кто хоть что-то мог рассказать, перерезали горло. Что же происходит потом? Возникает некий гражданин по имени Вулф

² Пригород Мельбурна.

Тон Мэлони и говорит: «Я нужен стране, и я готов послужить ей». После чего дает показания против остальных. Судьям этого вполне достаточно, чтобы отправить негодяев на виселицу. И что же тут плохого, спрошу я вас. Разве я сделал что-то предосудительное? И что же я получаю в благодарность от этой страны: меня преследуют, сэр, за мной шпионят, не сводят с меня глаз ни днем, ни ночью. Человек, который столько трудился для ее блага, подвергается самому настоящему гонению. Кто может такое вынести? Конечно, я не жду, что мне дадут орден или сделают министром колоний, но я-то, черт побери, рассчитывал, что меня после суда оставят в покое!

– Но вы же не думаете, – возразил я, – что помощь, которую вы оказали, даст вам пожизненную амнистию.

– Я говорю не о нынешнем заключении, сэр. – Голос Мэлони преисполнился достоинства. – То, во что превратилась моя жизнь после того проклятого суда, вот что выматывает мне душу. Я вам сейчас все расскажу. Выслушайте меня до конца и скажите, справедливо со мной обошлись власти или нет.

Далее я изложу рассказ заключенного его собственными словами настолько точно, насколько я их запомнил, сохранив его довольно извращенное понимание добра и зла. Я могу поручиться за точность изложенных им фактов, но сделанные на их основании выводы пусть останутся на его совести. Через несколько месяцев после нашего разговора я встретился с инспектором Г. У. Хэнном, бывшим комендантом данидинской³ тюрьмы, и он показал мне свой журнал, записи в котором полностью подтверждают каждый факт из рассказа Мэлони, который поведал он мне в то утро глухим невыразительным голосом, с низко склоненной головой и зажатыми между коленями руками. Лишь блеск кошачьих глаз указывал на волнение, охватившее его при воспоминании о тех событиях.

* * *

Вы наверняка читали о Блюменсдайке (не без гордости начал он). О, это название было у всех на устах, когда мы там хозяйничали. Потом-то нашлась одна умная ищейка по фамилии Бракстон, который со своим напарником, проклятым янки, выследил нас и сцапал всю нашу честную компанию. Ну, вы, разумеется, знаете, что это было в Новой Зеландии, так вот, нас отправили в Данидин, там же вынесли приговор, и всех моих дружков повесили. Когда мы сидели на скамье подсудимых, они все как один подняли руки и наградили меня такими проклятиями, что, если бы вы их услышали, кровь бы застыла у вас в жилах... Довольно подло с их стороны, потому что мы ведь как-никак были друзьями. Но ладно уж, все равно они были отъявленными мерзавцами, и каждый думал только о себе. Хорошо, что их всех повесили.

После этого меня отправили обратно в данидинскую тюрьму и посадили в нашу старую камеру. Вся разница заключалась в том, что теперь мне не нужно было работать и кормить меня стали лучше. Я это терпел недели две, пока однажды с обходом к нам не пожаловал комендант. Ну, я, само собой, и выложил ему свои претензии.

– Что происходит? – спросил его я. – Мне обещали, что меня отпустят, а вы держите меня здесь. Вы же нарушаете закон.

Он как-то непонятно улыбнулся.

– Тебе так хочется отсюда выйти?

– Да! Причем так сильно, что, если сейчас же вы не откроете дверь, я вас сам засужу за незаконное лишение свободы.

Моя решительность его, похоже, немного удивила.

³ Данидин – город на юге Новой Зеландии.

– Что-то тебе уж сильно не терпится попасть на тот свет, – сказал он.

– Что это вы имеете в виду? – удивился я.

– Пойдем со мной, сейчас ты увидишь, что я имею в виду, – сказал он и повел меня в дальний конец коридора, к окну, из которого были видны ворота тюрьмы. – Смотри! – произнес он.

Я выглянул. На улице перед воротами стояло с десяток сурового вида парней. Одни курили, другие играли в карты прямо на тротуаре. Увидев меня, они словно с цепи сорвались и с дикими криками, размахивая кулаками, ринулись к воротам.

– Они ждут тебя. Наблюдают за всеми выходами из тюрьмы, – сказал комендант. – Все они – представители «комитета бдительности»⁴. Впрочем, если ты так решительно намерен уйти, задерживать тебя я, конечно же, не имею права.

– И вы называете эту страну цивилизованной? – закричал тогда я. – Вы что, допустите, чтобы человека убили посреди бела дня прямо на улице?

После этих слов и комендант, и надзиратели, и вообще все, кто меня слышал, заулыбались, словно я сказал что-то чрезвычайно остроумное.

– Закон на твоей стороне, – говорит комендант, – так что мы более тебя не задерживаем. Надзиратель, выведите его за ворота.

И этот паршивый ублюдок таки вывел бы меня, если бы я не начал упираться и умолять его. Я даже пообещал заплатить за питание и проживание в их поганой тюрьме, чего раньше, я уверен, не делал ни один заключенный. На этих условиях мне разрешили остаться, и я проторчал там три месяца, пока вся городская шваль дежурила у ворот. Хорошенькое обращение с человеком, который всего-то исполнил свой гражданский долг!

Наконец, в один прекрасный день ко мне снова заглянул комендант.

– Ну что, Мэлони, – сказал он, – долго еще мы будем иметь удовольствие принимать тебя здесь?

Мне тогда захотелось засадить этому гаду перо под ребро, и я бы это обязательно сделал, если бы мы были с ним одни где-нибудь в буше⁵, но мне приходилось улыбаться, умаливать его, лишь бы он не выдворил меня за ворота.

– Ты, конечно, шаромыжник тот еще, – представляете, он так и сказал! Мне, человеку, которому он был стольким обязан! – Но я не хочу, чтобы кто-нибудь у меня тут самосуд учинил. Поэтому я нашел способ спровадить тебя из Данидина.

– Вовек вас не забуду, комендант, – сказал на это я. – Честное слово, вовек!

– Не нужны мне твои благодарности или признательность, – ответил он. – Я это сделаю не ради тебя. Просто хочу сохранить спокойствие в городе. Завтра утром с западного причала отходит пароход в Мельбурн, посадим тебя на него. Будь готов к пяти утра.

Собрал я свои вещи, которых у меня было не так уж много, и на самом рассвете меня потихоньку вытолкали через заднюю дверь. Ну, я помчался к пристани, купил билет на имя Айзека Смита и благополучно поднялся на борт мельбурнского парохода. Помню, когда отдали швартовы, я стоял на палубе и услышал, как гребной винт стал опускаться в воду. Я повернулся, облокотился о борт, окинул последним взглядом огни Данидина и подумал: какое счастье, что я никогда больше их не увижу! Мне казалось, что весь мир теперь открыт передо мной и что все мои невзгоды наконец-то остались позади. Потом я спустился вниз, выпил кофе и опять поднялся на палубу. С того самого дня, когда я проснулся и увидел над собой этого проклятого ирландца с шестизарядной пушкой в руке, у меня еще не было такого прекрасного настроения.

⁴ Организация линчевателей.

⁵ В Австралии бушем называют дикие пустынные равнины, поросшие редким кустарником.

К тому времени уже совсем рассвело, мы плыли на всех парах вдоль берега, Данидина уж давно видно не было. Пару часов я прогуливался по палубе, а когда солнце уже высоко поднялось, стали выползать и остальные пассажиры. Один, такой невысокий, нагловатый тип, долго смотрел на меня, потом подошел и говорит:

– Что, небось старатель?

– Да, – отвечаю.

– Ну и как, заработал чего-нибудь? – спрашивает.

– Да так, – говорю. – Есть немного.

– Я и сам старателем был, – не отставал он. – Три месяца корячился на полях у Нельсона⁶. Все, что заработал, пустил на покупку участка, но он оказался «засоленным», так что золотишко там иссякло на следующий день. Но я не стал сидеть сложа руки, опять пошел работать, разбогател. Правда, когда обоз с золотом шел в город, на него напали грабители, чтоб им пропасть! Ты представляешь, цента медного не оставили, забрали все!

– Да, не повезло, – говорю я.

– Я остался ни с чем! Я разорен, и как теперь жить, не знаю. Но ничего, меня утешает то, что я своими глазами видел, как этих бандюг вздернули на виселице за их «подвиги». Один только остался... Тот, который всех своих дружков и заложил. Эх, как бы мне хотелось с ним встретиться! Уж я бы тогда...

– Что? – спокойно так интересуюсь я.

– Сначала узнал бы, где деньги... Спустить-то их они не могли, просто не успели бы, так что наверняка они спрятаны где-то в горах. А потом... свернул бы шею этому подонку, чтобы он в аду повстречался с теми, кого предал.

Я тогда подумал: а ведь мне кое-что известно об этих денежках, и рассмеялся, но этот тип все смотрел на меня, и взгляд у него был каким-то уж слишком жестким, мстительным. В общем, заводить с ним дружбу мне не хотелось, поэтому я сказал:

– Ну ладно. Пойду-ка я на мостик.

Но он вцепился в меня, как клещ.

– Ты что, – говорит, – мы же оба старатели! Будем вместе держаться до конца поездки. Пошли в буфет. На пару стаканов денег у меня еще хватит.

Как от него отделаться, я не придумал, поэтому пришлось идти с ним. С этого и начались мои неприятности. Разве я сделал что-то плохое кому-нибудь на том корабле? Все, что мне было нужно, – доплыть себе спокойно куда мне надо, никого не трогая, и чтобы меня никто не трогал. Неужели я не имею на это права? Но теперь послушайте, чем все закончилось.

По пути в бар мы проходили мимо дамской комнаты, когда оттуда появилась служанка... дьяволица конопатая... с ребеночком на руках. Идем мы мимо нее, и тут она как завизжит, ну прямо как паровозный свисток, чуть ребенка не выронила. Когда я этот крик услышал, у меня самого чуть сердце не остановилось. Ну, я подумал, что, наверное, на ногу ей наступил, повернулся к ней и начал извиняться, но когда увидел, как она побледнела, прижалась к двери и стала тыкать в меня пальцем, понял, в чем дело.

– Это он! Он! Я его на суде видела, – заголосила она, а потом мне кричит: – Не приближайся к ребенку!

– Кто, кто это? – сразу стали спрашивать стюард и еще с полдюжины тех, кто был рядом.

– Он это... Мэлони! Убийца Мэлони! Заберите его! Заберите!

Что потом происходило, я точно не помню. Вдруг я увидел прямо перед собой пол и чьи-то ноги, услышал крики, ругань, меня начали колотить, осыпать проклятиями, кто-то

⁶ Нельсон – город и порт в Новой Зеландии.

закричал про свое золото. В общем, началась свалка. Когда я чуть очнулся, у меня во рту была чья-то рука. Потом-то я понял, что, наверное, это была рука моего нового знакомого, того самого, со злобным взглядом. Он-то руку все-таки смог выдернуть, но только потому, что остальные меня душили. Конечно, легко им было всей гурьбой на одного лежачего... Но я думаю, этот гад будет меня помнить до самой смерти, а то и дольше.

Вытащили они меня на корму и устроили самый настоящий суд. Представляете? Надо мной! Мной! Человеком, который для их же блага корешей своих продал! Ну, стали они решать, что со мной делать. Кто-то говорил одно, кто-то другое, в конце концов капитан решил высадить меня на берег. Пароход остановили, спустили шлюпку, меня швырнули в нее, а вся эта банда стояла у борта и улюлюкала мне вслед. Там был и тот парень, с которым я разговаривал, он перевязывал себе руку, и я тогда почувствовал, что еще легко отделался, все могло закончиться для меня намного хуже.

Но еще до того, как мы доплыли до берега, я изменил свое мнение. Я ведь надеялся, что меня высадят и дальше я смогу пойти, куда мне нужно, но корабль-то от города еще не успел далеко отплыть. На берегу стали собираться люди, из тех, которые без дела болтаются по пляжам, и им подобные. Очень уж им любопытно было узнать, почему это с парохода к берегу лодку направили. Когда мы подплыли к берегу, рулевой поприветствовал их, потом доложил, кто я такой, и меня швырнули в воду. А там до дна футов десять, да и не ожидал я такого... К тому же там акул здоровенных что попугаев в кустах, поэтому я изо всех сил стал грести к берегу, а эти сволочи еще начали смеяться.

Скоро я понял, что дела мои совсем плохи. Когда я кое-как весь в водорослях вылез на берег, меня схватил здоровый как бык парень в вельветовой куртке, а еще несколько человек нас окружили. С виду это были обычные людишки, так что я их не особенно испугался, но там был один в шляпе из листьев капустного дерева, рожа которого мне очень не понравилась. К тому же этот здоровяк, похоже, был его дружкой.

Меня вытащили на середину пляжа, бросили на песок и обступили со всех сторон.

– Привет, приятель, – говорит этот в шляпе. – Мы давно хотели с тобой встретиться.

– Я очень рад, – отвечаю.

– Заткни пасть, – это он мне. – Ну что, ребята, давайте решать, что делать... Повесим или утопим? А может, просто пристрелить его? Что скажете?

Причем говорил он спокойно так, деловито.

– Ничего вы со мной не сделаете! – сказал я. – Я нахожусь под защитой государства. Так что отвечать будете как за убийство.

– Вот именно, убийство, – радостно кивнул тот, в вельветовой куртке, и аж расплылся от удовольствия.

– Вы собираетесь казнить меня за мои прошлые преступления?

– Преступления, преступления, – пробубнил этот громила. – Мы тебя повесим за то, что ты донес на своих товарищей, и хватит нам зубы заговаривать!

Накинули они мне на шею веревку и потащили к бушу. Там росло несколько больших казуарин⁷ и эвкалиптов. Выбрали они дерево для своего поганого дела, перекинули веревку через ветку, связали мне руки и велели молиться. Я уж думал, песенка моя спета, но providению было угодно меня спасти. Сейчас-то мне об этом легко говорить, сэр, но представьте, что я чувствовал тогда, когда передо мной был только длинный берег с белой полосой прибоя, пароход вдали и толпа жаждущих крови негодяев.

Никогда не думал я, что чем-то буду обязан полиции, но в тот раз она спасла мне жизнь. Оказывается, как раз в ту минуту мимо скакал их отряд из Хоукс-поинт-стейшн в Данидин. Услышав шум, они направились к сборищу. Я пару раз в жизни слышал, как играет оркестр,

⁷ Казуарина – австралийское дерево.

доктор, но музыки более сладостной, чем бряцание их шпор и сбруи, когда они выскочили из буша, мне слышать не приходилось. Те гады, правда, все равно хотели довести свое дело до конца, но полицейские оказались быстрее. Тот, что в шляпе, даже получил по голове плоской стороной сабли. Меня закинули на спину лошади, и уже до вечера я снова оказался в своей старой камере в городской тюрьме.

Не скажу, что комендант был рад моему возвращению. Он все равно жаждал отделаться от меня, да и мне не хотелось лишний раз любоваться на него, поэтому подождал он недельку, пока шум уляжется, и тайком переправил меня на трехмачтовую шхуну, которая должна была доставить в Сидней партию жира и кож.

Когда мы отплыли далеко в море, я уж начал подумывать, что на этот раз все будет хорошо. По крайней мере, я был уверен, что в тюрьму больше не вернусь. Правда, экипаж шхуны примерно представлял, кто я такой, поэтому, случись какая непогода, меня бы мигом швырнули за борт, потому что матросы там были людьми грубыми и необразованными и им казалось, что я принесу неудачу их судну. Но, к счастью, погода стояла хорошая, и меня в целости и сохранности высадили в Сиднее.

Но вы только послушайте, что произошло потом. Я, честно говоря, решил, что всем уже надоело за мной гоняться, сколько можно-то?! Но, как оказалось (вы только представьте!), тот паршивый пароход отплыл из Данидина в тот же день, что и мы, и прибыл в Сидней раньше нас, чтобы всем растрезвонить о моем приезде. И там прямо в порту собрался самый настоящий митинг. Можете вы себе такое вообразить? Митинг, чтобы решить, как поступить со мной. И вот я, сойдя на берег, угодил прямехонько в эту толпу. Меня тут же взяли под белы ручки, и мне пришлось выслушивать все их речи и постановления. Если бы я был каким-нибудь принцем, и то шуму было бы меньше. В итоге они сошлись на том, что нельзя позволять Новой Зеландии сбавривать своих преступников соседям, и меня нужно отправить обратно первым же судном. Они так и сделали, запихнули меня на какую-то посудину, как будто я не живой человек, а чемодан какой, и после очередного путешествия в восемьсот миль я в третий раз оказался в том самом месте, откуда начал свой путь.

Тогда я стал подумывать о том, что мне до конца дней своих предстоит болтаться между разными портами. Похоже, все вокруг настроены против меня, нигде мне не было покоя. Все это мне уже настолько осточертело, что я готов был вернуться в буш и зажить прежней жизнью, если бы мне представилась такая возможность. Но меня почти сразу опять посадили под замок. Правда, я успел-таки наведаться к нашему тайнику, о котором я упоминал, и спрятал золотишко себе в пояс. В тюрьме я проторчал еще месяц, после чего меня посадили на судно, идущее в Англию.

На этот раз никто в команде не догадывался, кто я такой. Потом, правда, выяснилось, что капитану все было прекрасно известно, но он до конца плавания этого не показывал. Хотя я все равно сразу смекнул, что капитан этот – сволочь, каких поискать. Плавание выдалось удачным, пару раз в районе мыса Доброй Надежды налетал шторм, но все обошлось, и вот, когда впереди показалась голубая дымка над английским берегом и нас встретил юркий лоцманский катерок из Фалмута⁸, я наконец почувствовал себя свободным человеком. Мы прошли через Английский канал⁹, и еще до Грейвсенда¹⁰ я договорился с лоцманом, что он возьмет меня с собой, когда поплывет к берегу. Тогда-то капитан и показал свое истинное лицо: я не ошибся, когда посчитал его коварным типом себе на уме. Я сложил свои вещички и, пока они с лоцманом о чем-то разговаривали, пошел пообедать, но, когда вернулся на палубу, оказалось, что мы уже порядочно углубились в устье Темзы, а катер, на котором я

⁸ Портовый город на юге Великобритании.

⁹ Английское название пролива Ла-Манш.

¹⁰ Порт на Темзе.

должен был добраться до берега, уплыл. Шкипер сказал, что лоцман просто забыл обо мне, но я ему не поверил. Мне стало жутко, когда я подумал, что мои напасти еще не закончились.

И вскоре мои подозрения подтвердились. От берега к нам подлетел катер, и на палубу взобрался долговязый тип с длинной черной бородой. Я услышал, как он стал спрашивать помощника капитана, не нужен ли им речной лоцман, но мне показалось, что парень этот в наручниках разбирается намного лучше, чем в рулевом управлении, поэтому решил на всякий случай держаться от него подальше. Но он вышел на палубу и даже о чем-то со мной заговорил, при этом пристально меня разглядывая. Мне слишком любопытные люди вообще не нравятся, а уж те, у кого борода явно приклеенная, и подавно (особенно в том положении, в котором я тогда был), поэтому я решил, что пора мне делать ноги.

И вскоре мне представился такой случай, и я, само собой, его не упустил. Прямо у нас перед носом прошел большой углевоз, и пароход пришлось остановить. А в это время позади как раз проплывала баржа. Ну, я по веревке и спустился на нее потихоньку, когда меня никто не видел. Багаж свой, естественно, пришлось бросить на пароходе, но на мне-то был пояс с золотом, да и возможность отделаться от полиции стоила пары чемоданов. К тому времени я уже был полностью уверен, что и капитан, и тот лоцман оказались предателями и сообщили обо мне полиции. Мне и сейчас иногда очень хочется встретиться с этими гадами где-нибудь в темном переулке.

Я весь день слонялся по барже, пока она плыла по реке. На ней, кроме меня, находился только шкипер, но он занимался своим делом. Эта грязная посуда была такой большой, что времени смотреть по сторонам у него не было. Ближе к вечеру, когда начало смеркаться, я прыгнул в воду, поплыл к берегу и оказался посреди какого-то болота в нескольких милях восточнее Лондона. Промокший до нитки и голодный как собака, я кое-как пешком добрался до города, там прикупил себе новую одежку в какой-то дешевой лавке, поужинал и снял себе самую тихую комнату, какую только смог найти.

Проснулся я очень рано (эта привычка у меня еще со времен буша осталась), и как раз кстати, так как первым, кого я увидел в щелку между оконными ставнями, был полицейский, рассматривавший окна. У него не было эполетов или сабли, как у наших полицейских, но морда такая же наглая. Не знаю, то ли они с самого начала за мной следили, то ли женщине, которая сдавала мне комнату, я чем-то не понравился, мне этого уже никогда не узнать. Полицейский записал в свою книжечку номер дома, и я уж начал думать, что мне делать, если он сейчас захочет зайти, но, очевидно, ему было приказано просто наблюдать за мной, так как, еще раз окинув взглядом окна, он пошел себе дальше по улице.

Тут я решил, что нельзя терять ни минуты, оделся, тихонько открыл окно и, убедившись, что рядом никого нет, выпрыгнул на улицу и пустился бежать со всех ног. Миля через две-три дыхание у меня стало сдавать. Я увидел огромное здание и толпы людей, которые входили и выходили из него. Я тоже вошел и понял, что это вокзал. Там как раз отходил поезд на Дувр, где можно было пересесть на паром до Франции, так что я купил на него билет и шмыгнул в купе третьего класса.

Там уже сидели два совершенно безобидных с виду молодых парня, явно небогатых, которые болтали о том о сем. Я сидел себе тихо в углу и помалкивал. Потом разговор у них зашел о том, как живется в Англии и других странах. Поверьте, доктор, все было именно так, как я рассказываю. Один из них принялся хвалить английское правосудие. «У нас все делается честно и открыто, – говорит. – Никакой тебе тайной полиции, шпионов, как в других странах». Ну и дальше в том же духе. Представьте, каково мне было слушать этого сосунка, если за мной по пятам шли ищейки!

Как бы то ни было, я добрался до Парижа. Там продал часть своего золота и какое-то время думал, что отделался от слежки. Я решил, что наконец смогу немного отдохнуть, и видит бог, отдых мне был очень нужен, потому что к тому времени я был больше похож на

привидение, чем на человека. Вам, наверное, никогда не приходилось скрываться от полиции? Нет-нет, не обижайтесь, я вовсе не хочу вас обидеть. Просто, если бы вы через это хоть раз прошли, вы бы знали, как это изматывает.

Однажды вечером я пошел в оперу и снял целую ложу, деньги-то у меня были. Захотелось мне пожить на широкую ногу! В антракте я вышел из зрительного зала и там обратил внимание на одного человека, который вроде бы бесцельно прогуливался в фойе. Рассмотрев его на свету, я узнал того самого речного лощмана, который поднялся к нам на борт на Темзе. На этот раз он был без бороды, но я узнал его сразу, ведь память на лица у меня дай бог.

Правду скажу, доктор, сначала я пришел в отчаяние. Если бы мы были одни, я там же и порешил бы его, но он, видать, слишком хорошо меня знал, чтобы предоставить мне такую возможность. Больше этого выносить я не мог, поэтому просто-напросто подошел к нему, оттащил за угол, где нас никто не видел, и спросил напрямую:

– Сколько вы еще будете меня преследовать?

Поначалу он, кажется, немного смутился, но потом понял, что отпираться бессмысленно, и юлить не стал.

– Пока ты не вернешься в Австралию, – ответил он.

– Вы что, не знаете, – спросил я, – что своей помощью полиции я заслужил помилование?

На его поганой морде расплылась улыбочка.

– Мы о тебе, Мэлони, все знаем, – сказал он. – Хочешь спокойно жить, возвращайся туда, откуда прибыл. Если останешься здесь, глаз мы с тебя не спустим. Оступишься хоть раз – пожизненная каторга тебе обеспечена, и это как минимум. Свободная торговля – дело, конечно, хорошее, но на нашем рынке своего отребья хватает, так что такой импорт нам ни к чему.

И показалось мне тогда, что в словах его что-то есть, хоть он и высказал все это довольно грубо. За несколько дней до того меня такая тоска по дому взяла! В Париже ведь люди живут совсем не так, как привык я. На улицах прохожие на меня оглядывались; если я заходил в бар, остальные посетители тут же замолкали и отсаживались подальше, будто я дикий зверь. За глоток старого доброго эвкалиптового пива я бы отдал ведро любого их вина, от которого с души воротит. Какой прок от денег, если ты не можешь ни одеться, как хочешь, ни напиться всласть?! Там никто не понимает, что человеку, когда совсем не вмоготу, иногда нужно расслабиться немного, отвести душу, так сказать. Из-за какого-нибудь разбитого окна шуму там поднимается больше, чем у нас в Нельсоне из-за убийства. Не по мне все это было. Надоела мне такая жизнь до чертиков.

– Так вы хотите, чтобы я вернулся? – спросил я у него.

– Мне приказано, пока ты здесь, не отходить от тебя ни на шаг, – ответил он.

– Что ж, – сказал я. – Почему бы и нет? Только при одном условии: обо мне никому ничего не рассказывать, чтобы я мог начать новую жизнь, когда вернусь.

Он согласился, и прямо на следующий день мы отправились в Саутгемптон¹¹, где он посадил меня на пароход. Я решил плыть в Аделаиду, подумав, что там, должно быть, обо мне никто и слыхом не слыхивал. Там я и осел. Снял квартиру прямо у полицейского участка и с тех пор жил там себе тихо-мирно. Все было бы ничего, если бы не последняя встреча с этим дьяволом Расписным Томом из Хоуксбери, из-за которой я сейчас здесь и нахожусь.

Не знаю, почему я вам все это рассказываю. Наверное, когда долго живешь в одиночестве, начинает тянуть на разговоры, когда выпадает такая возможность. Послушайте моего совета, доктор, никогда ничего не делайте для своей страны, потому что взамен от нее ничего

¹¹ Город и порт на юге Великобритании.

хорошего вы не дождетесь. Пусть все сами решают свои проблемы. Если у них возникнут какие-нибудь трудности с тем, чтобы вздернуть пару-тройку негодяев, не вмешивайтесь, пусть они сами с этим разбираются. Может, когда я умру, они вспомнят, как обошлись со мной, и пожалеют, что так обидели человека, который столько для них сделал. Когда вы ко мне вошли, я немного грубовато повел себя, но вы не обижайтесь, просто такой я человек. Вы теперь, наверное, понимаете, что о прошлом мне вспоминать не так уж легко... Вы что, уже уходите? Ну что ж, надо, значит, надо. Надеюсь, вы как-нибудь еще ко мне заглянете, когда очередной обход будете делать. Пойдите-ка, вы ж свою плитку табака забыли где-то здесь... А, она у вас в кармане... Ну, тогда ладно. Спасибо, доктор, хороший вы человек. Я такого приятного собеседника еще не встречал.

Через пару месяцев после того разговора со мной срок Вулфа Тона Мэлони истек и его освободили. Долгое время я о нем ничего не слышал и почти позабыл о нашей встрече, пока неожиданный и трагический инцидент не напомнил мне о нем. Как-то раз мне понадобилось навестить одного пациента, который жил далеко от города. Обрато мне пришлось возвращаться поздно вечером. С трудом различая дорогу, я ехал на уставшей лошади между валунов и камней и неожиданно оказался у небольшого придорожного трактира. Я направил лошадь к двери, намереваясь спросить о дальнейшей дороге, но по шуму, доносящемуся изнутри, понял, что там происходит какая-то заваруха.

Слышались яростные крики двух спорщиков и целый хор голосов, призывавших к порядку и явно пытавшихся успокоить буянов. Я остановился и стал прислушиваться, но тут на какую-то секунду все стихло, после чего почти одновременно гроыхнули два пистолетных выстрела. В тот же миг дверь трактира распахнулась и на лунный свет вывалились две темные фигуры. Какое-то время они простояли, вцепившись друг в друга, потом, продолжая бороться, повалились на землю и стали кататься в пыли между камней. Я спрыгнул с лошади и вместе с десятком парней, высыпающих из трактира, стал разнимать их. Растащить их удалось с большим трудом.

Мне хватило одного взгляда, чтобы понять, что один из них уже умирал. Это был дородный коренастый парень с упрямым взглядом. Из глубокой раны у него на горле хлестала кровь. Явно была перебита одна из важных артерий. Ничем помочь ему я уже не мог, поэтому обратил свое внимание на его врага, который лежал поодаль. У того оказалось прострелено легкое, но, когда я подошел, он все-таки приподнялся на руке и стал внимательно всматриваться в мое лицо. К своему удивлению, в этом худощавом мужчине с соломенными волосами я узнал своего случайного знакомого, Мэлони.

– А, доктор, это вы, – произнес он. – Как он? Выживет?

В его голосе мне послышалось такое искреннее беспокойство, что я решил, будто в последние минуты жизни его сердце вдруг смягчилось и ему стало страшно покидать этот мир, отяготив свою совесть еще одним убийством. Но, не желая скрывать правду, я скорбно покачал головой и сказал, что рана оказалась смертельной.

Мэлони из последних сил издал торжествующий крик, отчего изо рта у него хлынула кровь.

– Эй, парни, – задыхаясь, обратился он к окружившей его группке людей, – у меня во внутреннем кармане деньги. Плевать на расходы, угощаю всех... Не такой уж я плохой... Я бы и сам с вами выпил, да уж, видно, не смогу... Налейте за меня доку, хороший он человек...

С этими словами голова его с глухим звуком запрокинулась, глаза последний раз блеснули – и душа Вулфа Тона Мэлони, фальшивомонетчика, бывшего заключенного, грабителя, убийцы и стукача, отлетела в Великое Неизведанное.

Не могу закончить, не приведя заметку об этом происшествии, которая появилась на страницах «Уэст-острелиэн сентинел». Те, кому это интересно, могут отыскать ее в номере за 4 октября 1881 года.

«РОКОВАЯ ССОРА

При весьма трагических обстоятельствах погиб В. Т. Мэлони, известный житель Нью-Монтроуса, владелец игорного салона „Желтолицый мальчик“. Мистер Мэлони прожил бурную жизнь. Некоторые наши читатели, возможно, вспомнят дело о серии убийств в Лена-вэлли, в которых он играл ключевую роль. За семь месяцев, в течение которых он владел в тех местах баром, предположительно от двадцати до тридцати путешественников стали его жертвами. Несчастных сначала одурманивали наркотиком, а потом грабили или убивали. Однако преступнику каким-то образом удалось ускользнуть от полиции и скрыться на территории буша, неподалеку от Блюменсдайка, где он примкнул к банде беглых каторжников, героический арест и последующая казнь которых уже давно стали историей. Мэлони удалось избежать виселицы только потому, что он согласился выступить на суде со свидетельскими показаниями против своих сообщников. Впоследствии он уехал в Европу, но пробыл там недолго и скоро вернулся в Западную Австралию, где долгое время жил как добропорядочный гражданин и принимал активное участие в делах местной общины. В пятницу вечером он повстречал Томаса Гримторпа, больше известного как Расписной Том из Хоуксбери, с которым у него были давние счеты.

Прогревели выстрелы, и оба заклятых врага получили смертельные раны. Мистера Мэлони запомнят не только как самого кровавого убийцу в истории, но и как человека, чьи свидетельские показания своей четкостью, обстоятельностью и подробностями удивили даже выдавших виды юристов. Ни один европейский преступник не может похвастать подобным „достижением“. Sic transit gloria mundi!»

Долина Ужаса

Часть 1 Трагедия в Берлстоуне

Глава 1 Предупреждение

– Я тут подумал, что...

– Давайте думать буду я, – резко оборвал меня Шерлок Холмс.

Мне всегда казалось, что я наделен просто ангельским терпением, но должен признать, что это язвительное замечание меня сильно задело.

– Знаете, Холмс, – сухо произнес я, – вы порой становитесь просто несносны.

Он был слишком занят своими мыслями, чтобы сразу ответить на мое замечание. Подперев голову рукой, он сидел над нетронутым завтраком и рассматривал небольшой листок бумаги, который только что достал из конверта. Потом он взял конверт, поднес к свету и очень внимательно осмотрел его с обеих сторон.

– Это почерк Порлока, – задумчиво произнес он. – Да, я почти не сомневаюсь, это почерк Порлока, хотя до сих пор мне его приходилось видеть всего пару раз. Характерная прописная «Е» с интересным завитком сверху... Но, если это Порлок, дело должно быть исключительной важности.

Холмс скорее размышлял вслух, чем обращался ко мне, но слова его так меня заинтересовали, что я даже позабыл об обиде.

– А кто это – Порлок?

– Порлок, Ватсон, это *nom-de-plume*¹², всего лишь способ обозначить себя, но за ним скрывается ловкая и сноровистая личность. В предыдущем письме он честно признался, что это не настоящее его имя, и даже предложил мне разыскать его среди миллионов жителей этого огромного города. Но Порлок сам по себе не интересен. Интересен тот великий человек, с которым он связан. Представьте себе рыбу-лоцмана рядом с акулой или шакала, который всюду следует за львом... Да все, что угодно незначительное, что сопровождает нечто большое. И не просто большое, Ватсон, но опасное... в высшей степени опасное и злое. Его я представляю себе таким. Я вам когда-нибудь рассказывал о профессоре Мориарти?

– А, это тот ученый преступник, который так же знаменит среди жуликов, как...

– Не заставляйте меня краснеть, Ватсон! – смущенно махнул рукой Холмс.

– Я хотел сказать: как и совершенно не известен обычным людям.

– Bravo, Ватсон! Bravo! – воскликнул Холмс. – Я вижу, вы уже научились язвить. Нужно будет придумать, как от этого защищаться. Но то, что вы называете Мориарти преступником, с точки зрения закона является клеветой... И в этом заключается непостижимость ситуации! Величайший комбинатор всех времен, организатор и вдохновитель всех самых жестоких и коварных преступлений, злой мозг криминального мира, разум, который мог бы вершить судьбы наций... Вот какого масштаба этот человек! Но перед законом он настолько чист, более того, ведет такой незаметный и совершенно законопослушный образ жизни, что его не то что нельзя обвинить, он сам бы мог привлечь вас к ответственности за только что произнесенные слова и получить вашу годовую пенсию в качестве возме-

¹² Псевдоним (*фр.*).

ния за клевету, попранное достоинство. Это ведь он является автором той самой знаменитой «Динамики астероида», книги, которая поднимается к таким высотам чистой математики, что, как выяснилось, в научном мире не нашлось никого, кто мог бы дать ей достойную критическую оценку. И на такого человека вы наговариваете! Несдержанный на слова доктор и ставший жертвой клеветнических нападок профессор – вот какие роли были бы вам уготованы. Говорю вам, это гений, Ватсон. Но ничего, дайте мне время, я и до него доберусь.

– О, как хотел бы я это видеть! – в порыве воскликнул я. – Но вы говорили об этом человеке, Порлоке.

– Ах да... Человек, которого мы знаем под именем Порлок, – это одно из звеньев цепочки, ведущей к его великому спутнику. И, честно говоря, не самое надежное. Но это единственное слабое звено, которое я нашел.

– Но ведь прочность любой цепи измеряется прочностью самого слабого звена.

– Совершенно верно, дорогой Ватсон! Именно поэтому Порлок так важен. Кое-какие зачатки добра, еще оставшиеся в его душе, плюс десять фунтов, которые я время от времени ему подбрасываю на всякий случай, – в результате я пару раз получал от него предварительные сведения о планах преступников... Бесценные сведения, которые дают возможность предвидеть и предотвратить преступление, а не помогают раскрыть его. Не сомневаюсь, если бы у нас был ключ к шифру, мы бы выяснили, что его письмо как раз из разряда таких предостережений.

Холмс положил записку на оставшуюся неиспользованной тарелку, я встал, подошел к нему и посмотрел на это необычное послание. Вот что я увидел:

534 II 13 127 36 31 4 17 21 ДУГЛАС 41 109 293 5 37 БЕРЛСТОУН 26 «БЕРЛСТОУН»
9 47 171

– Что это по-вашему, Холмс?

– Очевидно, некое зашифрованное послание.

– Какой смысл присылать шифровку, не указав ключа к шифру?

– В данном случае никакого.

– Что значит «в данном случае»?

– То, что существует множество шифров, прочитать которые для меня не сложнее, чем криптограммы в газетах в разделе частных объявлений. Подобного рода ухищрения скорее являются разминкой для ума, чем настоящей задачей. Но здесь другой случай. Несомненно, это указание на определенные слова на странице какой-то книги. Пока я не узнаю, что это за книга и на какую страницу нужно смотреть, прочитать послание невозможно.

– А почему слова «Дуглас» и «Берлстоун» не зашифрованы?

– Разумеется, потому что их не оказалось на данной странице книги.

– Тогда почему он не указал книгу?

– Ваша врожденная осторожность, Ватсон, та присущая вам осмотрительность, которой так восхищаются ваши друзья, тоже не позволила бы вам посылать и шифровку, и ключ к шифру в одном конверте. Попади такое послание не в те руки, его не составило бы труда прочитать. С минуты на минуты должны принести почту, и я сильно удивлюсь, если мы не получим второго письма с объяснением или, что более вероятно, саму книгу, к которой относятся эти цифры.

Расчеты Холмса очень скоро полностью подтвердились, когда Билли, помогающий нам по хозяйству мальчишка, принес ожидаемое письмо.

– Та же рука, – вскрывая конверт, сказал Холмс. – О, оно даже подписано, – ликующим голосом добавил он, развернув сложенный пополам листок. – Дело продвигается, Ватсон.

Однако, когда он прочитал послание, по лицу его пробежала тень.

– Какая жалость! Боюсь, Ватсон, что наши ожидания окажутся напрасными. Надеюсь, Порлоку ничего не угрожает. Послушайте, что он пишет:

*«Дорогой мистер Холмс,
Я выхожу из этого дела – слишком опасно. Он меня подозревает. Я это чувствую.
Когда я подписывал этот конверт, в котором собирался отправить ключ к шифру, он вошел
в комнату так неожиданно, что мне едва удалось кое-как прикрыть Ваш адрес. Если бы
он его увидел, у меня были бы очень большие неприятности. Я вижу, с каким подозрением
он на меня смотрит. Прошу Вас, сожгите мое предыдущее письмо с шифром. Оно Вам не
пригодится.*

Фред Порлок».

Прочитав письмо, Холмс надолго задумался, устремив хмурый взгляд на огонь в камине.

– В конце концов, – наконец сказал он, взвесив записку на ладони, – может быть, никакого повода для беспокойства и нет. Вполне возможно, это лишь его разыгравшееся воображение. Понимая, что является предателем, он мог прочитать в чужих глазах обвинение, которого там на самом деле не было.

– А «он» – это, надо полагать, профессор Мориарти.

– Да. Когда такие люди говорят «он», можете не сомневаться, кого они имеют в виду. Для них всех есть лишь один «ОН».

– Ну, и что такого *он* может сделать?

– Хм. На этот вопрос трудно ответить. Когда твоим врагом становится один из умнейших людей Европы, в руках которого сосредоточены все силы зла, возможности просто безграничны. Как бы то ни было, мой друг Порлок напуган до смерти... Можете сравнить его почерк в записке и на конверте, который он подписывал, как указано, еще до этого зловещего визита. Один почерк четкий и уверенный, второй – едва читаемый.

– А почему он все-таки решил писать? Он же мог просто выбросить конверт.

– Побоялся, что я захочу узнать, что случилось, а это могло бы выдать его.

– Несомненно, – сказал я. – Очевидно, так и есть. – Я поднял первое письмо и еще раз вчитался в него. – Как все-таки обидно иметь в руках важнейшее послание и понимать, что прочитать его вне человеческих возможностей.

Шерлок Холмс отодвинул давно остывший завтрак и взялся за трубку, которую всегда курил, когда нужно было крепко подумать. Комната наполнилась зловонным табачным дымом.

– Вот что интересно, – сказал он, откидываясь на спинку стула и устремляя взгляд в потолок, – мне кажется, что некоторые обстоятельства все же ускользнули от вашего макиавеллиевского ума. Давайте рассмотрим это дело в свете чистой логики. Примем за основу то, что этот человек отсылает нас к определенной книге.

– Довольно шаткая основа.

– Посмотрим, удастся ли нам как-то ее укрепить. Чем больше я думаю об этой загадке, тем менее неразрешимой она мне кажется. Какие указания имеем мы относительно этой книги?

– Никаких!

– Ну-ну, не все так плохо. Зашифрованное послание начинается с немаленького числа 534, верно? Можно принять за рабочую гипотезу, что 534 – это указание на ту страницу, которая является ключом к шифру. Таким образом, книга наша должна быть толстой. Это уже что-то. Что еще мы можем о ней выяснить из записки? Далее идет знак II. Что это по-вашему, Ватсон?

– Конечно же, указание на главу.

– Вряд ли. Я думаю, вы не станете спорить, что, сообщив страницу, указывать главу не имеет смысла. К тому же если на 534 странице книга доходит только до второй главы, то длина глав в ней превосходит любые разумные пределы.

– Значит, это столбец!

– Превосходно, Ватсон! Сегодня вы просто блещете умом. Готов спорить на что угодно, что это именно столбец. Итак, начинает вырисовываться толстая книга, в которой текст набран столбцами, причем достаточно длинными, поскольку среди указанных слов есть даже двести девяносто третье. Может ли логика подсказать нам что-либо еще?

– Боюсь, больше мы ничего не узнаем.

– Вы к себе несправедливы. Ну же, Ватсон, еще одно усилие, еще одна гениальная догадка! Если бы книга была какой-то необычной, он прислал бы ее нам. Но он этого не делает, судя по размеру конверта, выбранного прежде, чем его планы были нарушены; он хотел лишь сообщить, о какой книге идет речь. Он сам пишет об этом в письме. Это указывает на то, что, как он считает, мне не составит труда самому раздобыть эту книгу. Книга эта есть у него, он уверен, что она есть и у меня. Другими словами, это очень распространенная книга.

– То, что вы говорите, звучит довольно правдоподобно.

– Итак, наши поиски теперь можно ограничить. Нас интересует очень распространенная толстая книга, набранная в два столбца.

– Библия! – взволнованно воскликнул я.

– Хорошо, Ватсон, хорошо. Но не совсем. Предположим, я мог бы иметь ее, но мне кажется совершенно неправдоподобным, чтобы эта книга была всегда под рукой у одного из помощников Мориарти. К тому же Святое Писание имеет очень много разных изданий, и вряд ли бы он посчитал, что нумерация страниц в моей и его копиях совпадет. Нет, эта книга должна быть стандартной, одинаковой во всех изданиях. Он уверен, что его пятьсот тридцать четвертая страница не отличается от моей пятьсот тридцать четвертой.

– Но таких книг очень немного.

– Вот-вот. В этом наше спасение. Теперь мы ограничены лишь книгами, которые всегда перепечатываются в одном и том же виде и которые могут найтись в любом доме.

– Железнодорожный справочник! «Брэдшо»!

– Нет, Ватсон, с этим тоже есть сложности. Лексикон «Брэдшо» хоть и емок, но ограничен. Набор слов в нем вряд ли подходит для того, чтобы пользоваться им для составления посланий общего содержания. Исключим «Брэдшо» из нашего списка. От словарей, боюсь, придется отказаться по той же причине. Что же остается?

– Какой-нибудь ежегодник?

– Блестяще, Ватсон! Голову даю на отсечение, что вы попали в точку! Ежегодник! Давайте рассмотрим энциклопедический ежегодник Витакера. Он достаточно распространен, в нем интересующее нас количество страниц, текст набран в два столбца. Если в предыдущих изданиях язык его был довольно сух, то в последнем, если я не ошибаюсь, ситуация как раз обратная. – Холмс взял с письменного стола том. – Итак, вот страница пятьсот тридцать четыре, второй столбец. Здесь большая статья, посвященная... торговле и экономическим ресурсам Британской Индии. Записывайте слова, Ватсон. Тринадцатое – «Маратхи». Боюсь, не самое обнадеживающее начало. Сто двадцать седьмое – «правительство». Тут есть хоть какой-то смысл, хоть к нам и к профессору Мориарти вряд ли применимый. Что ж, попробуем дальше. Чем же занимается правительство Маратхи? М-да! Следующее слово – «щетину». Ничего не вышло, мой дорогой Ватсон. Все кончено!

Голос у него был веселым, но по тому, как густые брови сошлись у него над переносицей, я понял, что мой друг расстроен и недоволен. Признаться, я тоже не был готов к неудаче. Насупившись, я стал смотреть на огонь. Долгое молчание нарушил неожиданный возглас Холмса.

– Ватсон! Все дело в том, что мы с вами живем в ногу со временем и вооружены самыми последними справочниками. Поэтому и поплатились! – снова оживился он. – Сегодня всего

лишь седьмое января, а у нас уже имеется свежий ежегодник. Я более чем уверен, что Порлок, составляя шифровку, пользовался предыдущим изданием. Несомненно, он сообщил бы мне об этом, если бы все-таки написал письмо с объяснением. Давайте посмотрим, что нам даст пятьсот тридцать четвертая страница прошлогоднего издания. Тринадцатый номер – «вскоре», и это уже на что-то похоже. Номер сто двадцать семь – «опасность», – глаза Холмса заблестели, длинные худые пальцы крепче впились в книгу. – «Будет», – продолжал он называть слова. – Ха! Ха! Превосходно! Записывайте, Ватсон. «Вскоре опасность будет... грозить... человек... по... фамилии». Потом у нас указано Дуглас. «Сельский... богач... сейчас... проживает... в... Берлстоун... усадьба „Берлстоун“... уверенность... дело... срочно». Ну вот, Ватсон. Что вы теперь скажете о чистой логике и ее возможностях? Надо послать Билли к зеленщику, может, у него имеются в продаже лавровые венки.

Я удивленно рассматривал получившееся послание, которое записывал под диктовку Холмса на листе бумаги, разложенном на моем колене.

– Что за странная манера излагать свои мысли! – заметил я.

– Наоборот, он прекрасно справился с задачей, – возразил Холмс. – Когда тебе необходимо подобрать слова, а в твоём распоряжении имеется всего лишь один столбец текста, нельзя надеяться, что в нём найдется все, что тебе нужно. Хочешь не хочешь, придется полагаться на догадливость своего корреспондента. Смысл послания совершенно ясен. Замышляется определенное преступление, жертвой которого должен стать некто Дуглас, богатый сельский джентльмен, проживающий в указанном поместье. В том, что дело серьезное и срочное, Порлок не сомневается... «Уверенность» – самое близкое по смыслу к «уверен» слово, которое он нашел в тексте. Все встало на свои места! Да, пришлось нам потрудиться!

Холмс приосанился, преисполнился сдержанной гордости, как художник, стоящий рядом со своим лучшим творением, хотя совсем недавно, когда потерпел неудачу, испытывал не меньшее по силе противоположное чувство. Он все еще наслаждался успехом, когда Билли распахнул дверь и в комнату стремительным шагом вошел инспектор Макдональд из Скотленд-Ярда.

Это происходило в самом начале восьмидесятых годов, когда имя Алека Макдональда еще не гремело на всю страну. Тогда это был молодой, подающий надежды детектив, который успешно провел несколько дел. При взгляде на высокого подтянутого молодого инспектора становилось понятно, что он наделен не только исключительной физической силой, но и острым умом, о чем свидетельствовали крупный череп и глубоко посаженные яркие глаза, поблескивающие под густыми бровями. Алек Макдональд был молчаливым, аккуратным человеком, педантичным и упорным, разговаривал с сильным абердинским акцентом.

За свою карьеру он уже дважды обращался к Холмсу за помощью, и оба раза мой друг помогал ему добиться успеха, причем делал это совершенно бескорыстно, поскольку интеллектуальное удовлетворение от работы было для него лучшей наградой. По этой причине шотландец относился к своему коллеге с огромным уважением и восхищением и обращался к нему всякий раз, когда сталкивался с какими-либо трудностями. Посредственность не приемлет ничего выше себя, но талант мгновенно распознает гений, и Макдональд был достаточно талантлив в своей профессии, чтобы понимать, что нет ничего зазорного в том, чтобы принимать помощь от лучшего и опытнейшего специалиста во всей Европе. Нельзя сказать, чтобы Холмс считал его своим другом, но всегда был рад встрече с этим энергичным шотландцем.

– А вы ранняя пташка, мистер Мак! – воскликнул он. – Удачи вам с поиском червячка. Впрочем, боюсь, что вы к нам пожаловали не просто так, а по делу.

– Если бы вы сказали не «боюсь», а «надеюсь», это было бы ближе к истине, мистер Холмс, – улыбнулся в ответ инспектор. – Сегодня утром так холодно, вот я и решил заскочить

к вам на секунду немного согреться. Нет, я не буду курить, спасибо. Долго засиживаться у вас тоже не буду – вы же знаете, чем раньше берешься за дело, тем лучше. Но... но...

Инспектор вдруг замолчал и в полном недоумении впился глазами в листок бумаги на столе, тот самый, на котором я записывал загадочное послание.

– Дуглас! – неуверенным голосом, запинаясь произнес он. – Берлстоун! Что это, мистер Холмс? Я не верю своим глазам! Откуда вы об этом знаете?

– А, это мы с доктором Ватсоном прочитали одну шифровку. Но почему... Что произошло с этим Дугласом?

– Только то... – инспектор перевел удивленный взгляд на меня, потом снова посмотрел на Холмса. – Только то, что мистер Дуглас, проживающий в усадьбе «Берлстоун», этой ночью был зверски убит.

Глава 2 Шерлок Холмс рассуждает

Именно ради таких драматических моментов и жил мой друг. Было бы преувеличением сказать, что он был поражен или даже взволнован этим неожиданным известием. Нет, этот удивительный человек не был бездушным, просто долгая жизнь в постоянном нервном возбуждении притупила его чувства. Впрочем, хоть душевные переживания и были чужды ему, в тот миг интеллектуальное возбуждение его достигло предела. Ничего подобного тому ужасу, который испытал я, на его лице не отразилось, скорее, на нем появилось выражение заинтересованности, как у химика, наблюдающего образование кристаллов в перенасыщенном растворе.

– Любопытно, – сказал он. – Очень любопытно!

– Вы, похоже, вовсе не удивлены?

– Скорее заинтересован, чем удивлен, мистер Мак. Чему тут удивляться? Из достоверного, хоть и анонимного источника я получаю предупреждение о том, что определенному человеку угрожает опасность, и не проходит и часа, как я узнаю, что опасность эта материализовалась и человек погиб. Как вы верно заметили, меня это совершенно не удивляет.

Он в нескольких словах рассказал инспектору о письме и шифре. Макдональд слушал его молча, подперев сцепленными ладонями подбородок, его кустистые рыжие брови были напряженно сдвинуты.

– Сегодня утром я собирался ехать в Берлстоун, – сказал он. – К вам я зашел спросить, не хотите ли вы поехать со мной... Вы с доктором Ватсоном. Но теперь мне начинает казаться, что нам полезнее задержаться в Лондоне.

– Я так не думаю, – возразил Холмс.

– Черт подери, мистер Холмс! – вскипел инспектор. – Через день-два все газеты будут трубить о берлстоунской загадке. Но где же тут загадка, если в Лондоне нашелся человек, который предсказал это преступление еще до того, как оно было совершено? Все, что нам нужно, это найти этого человека.

– Несомненно, мистер Мак. Но как вы предлагаете искать этого так называемого Порлока?

Макдональд повертел в руках конверт, который протянул ему Холмс.

– Отправлено из Камберуэлла... Это нам мало поможет. Имя, как вы говорите, вымышленное. Действительно, негусто. Вы, кажется, упоминали, что посылали ему деньги?

– Дважды.

– И как вы это делали?

– Переводом до востребования в Камберуэллское почтовое отделение.

– А вы когда-нибудь узнавали, кто их получал?

– Нет.

Инспектор сильно удивился.

– Но почему?

– Потому что я всегда держу свое слово. Когда он первый раз написал мне, я обещал, что не стану выслеживать его.

– Вы думаете, за ним кто-то стоит?

– Я не думаю, я это знаю.

– Тот профессор, о котором вы как-то упоминали?

– Совершенно верно.

Инспектор Макдональд улыбнулся и бросил на меня многозначительный взгляд.

– Мистер Холмс, я не буду от вас скрывать, мы в управлении считаем, что у вас что-то вроде пунктика по поводу этого профессора. Я сам навел о нем справки. Похоже, это вполне уважаемый и образованный человек, талантливый ученый.

– Я рад, что вы хотя бы признаете его талантливость.

– Да как же не признать-то? После того что вы о нем рассказывали, я посчитал своим долгом встретиться с ним. Мы с ним поговорили о затмениях. Уж я не знаю, как наш разговор на такую тему перешел, но у него там были зеркальный фонарик и глобус, и он вмиг мне растолковал, как это все происходит. Он даже книжку мне всучил, хотя, если честно, я в ней ровным счетом ничего не понял, несмотря на то, что у меня прекрасное абердинское образование. Мне он показался больше всего похожим на какого-нибудь министра: худое лицо, седые волосы, важная манера говорить. Когда мы расставались, он положил мне руку на плечо, как отец, отпускающий сына в большой жестокий мир.

Холмс рассмеялся.

– Великолепно! – воскликнул он, потирая руки. – А скажите, друг мой Макдональд, эта милая трогательная беседа проходила в кабинете профессора?

– Да.

– И, должно быть, это очень неплохая комната, верно?

– Очень неплохая... Действительно, вполне приличная комната, мистер Холмс.

– Он принимал вас, сидя за своим письменным столом?

– Совершенно верно.

– И солнце светило вам в глаза, а его лицо оставалось в тени.

– Ну, это было вечером, но на меня была направлена лампа.

– Разумеется. Вы случайно не обратили внимание на картину на стене над профессорской головой?

– Я на все обращаю внимание, мистер Холмс. Должно быть, у вас этому научился. Да, я видел картину. На ней была изображена молодая женщина, склонившая голову на руки и смотрящая немного в сторону.

– Эта картина кисти Жана Батиста Греза.

Инспектор постарался принять заинтересованный вид.

– Жан Батист Грез, – продолжил Холмс, откинувшись на спинку кресла и соединив перед собой кончики пальцев, – это французский живописец, расцвет которого пришелся на период между тысяча семьсот пятидесятым и тысяча восьмисотым годами. Я, разумеется, имею в виду творческий расцвет. Современные исследователи ценят работы этого мастера намного выше, чем его современники.

Взгляд инспектора сделался рассеянным.

– Может быть, нам бы стоило... – неуверенно произнес он.

– Мы этим и заняты, – оборвал его Холмс. – Все, что я говорю, имеет важное и самое непосредственное отношение к делу, которое вы окрестили «берлстоунской загадкой». Более того, в некотором роде это можно даже назвать его сутью.

Макдональд слабо улыбнулся и посмотрел на меня, как будто ища поддержки.

– Я не поспеваю за вашими мыслями, мистер Холмс. Вы не все объяснили, и я совершенно потерял нить ваших рассуждений. Какое вообще отношение имеет этот давно умерший художник к тому, что произошло в Берлстоуне?

– Для сыщика полезны любые знания, – заметил Холмс. – Даже такой незначительный факт, что в тысяча восемьсот шестьдесят пятом году на аукционе Портала картина Греза «La Jeune Fille a l'Agneau»¹³ была продана за один миллион двести тысяч франков, а это больше сорока тысяч фунтов, может направить ваши мысли в нужное русло.

По лицу инспектора было видно, что так и произошло. Его брови поползли вверх.

– Кроме того, могу напомнить вам, – продолжил Холмс, – что профессорский оклад – не тайна. Заглянув в любой справочник, вы увидите, что он составляет семьсот фунтов в год.

– Каким же образом он смог купить...

– Именно! Как он смог?

– Так-так-так. Очень интересно, – задумчиво пробормотал инспектор. – А что вам еще известно, мистер Холмс? Продолжайте, я с удовольствием вас еще послушаю.

Холмс улыбнулся. Искреннее восхищение ему, как и любому великому творцу, всегда доставляло удовольствие.

– А как же Берлстоун? – ядовито спросил он.

– Внизу меня ждет кеб, – сказал инспектор, взглянув на часы, – и до вокзала Виктории ехать от силы минут двадцать, так что время у нас еще есть. Но по поводу этой картины, мистер Холмс... Я помню, вы как-то раз обмолвились, что никогда не встречались с профессором Мориарти.

– Так и есть.

– Тогда откуда же вам известно, как выглядит его кабинет?

– Это уже другой вопрос. В его кабинете я побывал три раза. Дважды я дождался его под разными предлогами и уходил, не дождавшись. В третий раз... Вообще-то мне бы не стоило рассказывать этого полицейскому инспектору, но в третий раз я позволил себе покопаться в его бумагах... И результаты оказались самыми неожиданными.

– Вы обнаружили что-то компрометирующее?

– Нет, ничего такого там не было. Как раз это и удивило меня больше всего. Но, думаю, вы поняли, почему я обратил ваше внимание на эту картину. Ее наличие в этом кабинете указывает на то, что профессор очень богат. Откуда у него деньги? Он не женат. Младший брат его работает начальником железнодорожной станции где-то на западе Англии. Профессорское кресло приносит ему семьсот фунтов в год. Но в кабинете у него висит Грез!

– И что?

– По-моему, вывод очевиден.

– Вы хотите сказать, что он имеет большие нелегальные доходы?

– Совершенно верно. Разумеется, помимо этого у меня есть и другие причины так думать... Десятки тончайших нитей, ведущих в самую середину паутины, где затаилось хищное ядовитое существо. Я упомянул Греза лишь для того, чтобы вам было легче понять мою мысль.

– Что ж, мистер Холмс, я признаю, то, что вы говорите, весьма любопытно. Даже больше, чем любопытно, просто поразительно, но не могли бы вы все же объяснить, откуда у него деньги? Он что, занимается подлогами? Печатает фальшивые деньги? Или ворует?

– Вы когда-нибудь читали о Джонатане Уайльде?

– Фамилия как будто знакомая. Это из какого-то романа, да? Знаете, я не очень люблю все эти детективные истории, в которых гениальные сыщики с ходу раскрывают любые пре-

¹³ «Юная дева с ягненком» (фр.).

ступления, даже не объясняя, как это им удастся. Все это лишь фантазии писателей, не имеющие к настоящей работе никакого отношения.

– Джонатан Уайльд не был сыщиком и не является литературным персонажем. Он был выдающимся преступником и жил в середине восемнадцатого века.

– В таком случае он меня не интересует. Я человек дела.

– Мистер Мак, самое лучшее дело, которым вы можете занять себя, это запереться дома на три месяца и каждый день по двенадцать часов изучать историю криминалистики. В нашем мире ничто не ново, даже профессор Мориарти. Джонатан Уайльд был мозгом лондонского преступного мира. За пятнадцать процентов от добычи он разрабатывал и организовывал преступления, но сам при этом оставался в тени. Как говорится, свято место пусто не бывает, и теперь его занял наш профессор, ему на смену придет кто-то другой. Я могу вам еще кое-что рассказать о Мориарти.

– Да, прошу вас, расскажите.

– Мне удалось узнать, кто является первым звеном созданной им цепочки. Цепочки, в начале которой стоит сам Наполеон преступного мира, а в конце – бесчисленная армия громил, карманников, шантажистов и шулеров, со всеми мыслимыми преступными профессиями между ними. Глава его штаба – полковник Себастиан Моран, человек столь же осторожный, внимательный и недосыгаемый для закона, как и сам Мориарти. Сколько, по-вашему, ему платит Мориарти?

– Хотел бы я знать.

– Шесть тысяч в год. Во столько он ценит его ум... Это американский подход к делу. Мне это стало известно совершенно случайно. Столько у нас не получает даже премьер-министр. Может быть, теперь вы поймете, какие доходы имеет он сам, и осознаете масштаб его деятельности. Еще кое-что: на днях я задался целью проследить кое-какие из чеков Мориарти. Всего лишь безобидные чеки, которыми он оплачивает свои расходы на хозяйство. Так вот, чеки эти выписаны на шесть разных банков. Вам это ни о чем не говорит?

– Довольно странно, конечно! А как вы это объясняете?

– Он всеми силами старается сделать так, чтобы о его богатстве никто не узнал. Ни одна живая душа не должна знать, чем он располагает. Мне доподлинно известно, что у него есть как минимум двенадцать различных банковских счетов. Большая часть его состояния находится за границей, в «Дойч-банке» или «Креди Лионне». Если у вас выдастся свободный год или два, я бы вам посоветовал потратить их на профессора Мориарти.

Разговор все больше и больше захватывал инспектора. Он во все глаза смотрел на Холмса и, казалось, позабыл обо всем на свете. Но вдруг встрепенулся, шотландская практичность заставила его вспомнить о насущном вопросе.

– Ну, с этим можно подождать, – сказал он. – Своим интересным рассказом вы нас увлекли несколько в сторону, мистер Холмс. Сейчас действительно важно то, что вы упомянули о связи между этим профессором и убийством в Берлстоуне. Так вы говорите, что получили предупреждение от некоего Порлока. Можем ли мы для пользы следствия разузнать что-либо еще?

– Мы можем примерно представить себе мотивы преступления. Из ваших слов я понял, что убийство это вам представляется загадочным, по крайней мере необъяснимым, верно? Допустим, что мы не ошибаемся, предполагая, кто за этим стоит. Есть два различных мотива убийства. Во-первых, надо сказать, что Мориарти держит своих людей в ежовых рукавицах. Дисциплина в рядах его подопечных железная. Любое нарушение правил карается одним – смертью. Можно предположить, что убитый (Дуглас, о чьей предстоящей гибели стало известно одному из приближенных короля преступного мира) каким-то образом предал своего главаря. Последовало наказание. Когда об этом узнают его люди, это внушит им должный страх и уважение.

– Допустим. Это один из вариантов, мистер Холмс.

– С другой стороны, можно предположить, что это обычное, так сказать рядовое, преступление, спланированное Мориарти. Из дома было что-нибудь похищено?

– Мне об этом не известно.

– Если было, то это, разумеется, говорит в пользу второй версии. Мориарти мог взяться за разработку этого преступления в обмен на долю добычи, либо же ему просто могли заплатить за подготовку плана. Оба этих варианта возможны. Но если даже мы ошибаемся и в этом случае имела место какая-то другая комбинация, чтобы во всем разобраться, нам нужно отправиться в Берлстоун. Хотя я слишком хорошо знаю этого человека, чтобы надеяться обнаружить там какие-либо улики, указывающие на его участие.

– Итак, едем в Берлстоун! – воскликнул Макдональд и бодро вскочил со стула. – Ого! Уже позже, чем я думал. Джентльмены, на сборы я могу выделить вам лишь пять минут, не больше.

– Нам с Ватсоном этого вполне хватит, – сказал Холмс, снимая халат и надевая сюртук. – Вас, мистер Мак, я попрошу дорогой посвятить меня в подробности дела.

К сожалению, «подробностей дела» оказалось не так уж много, но и их хватило Холмсу, чтобы понять, что то, что произошло в Берлстоуне, заслуживает его самого пристального внимания. Он улыбался и довольно потирал свои худые руки, слушая краткий, но яркий рассказ инспектора. Долгая череда недель вынужденного бездействия осталась позади, наконец-то перед нами возникла задача, достойная применения тех замечательных сил, которые, как и любой не находящий выхода талант, от долгого простоя начинают тяготить своего обладателя. Острый, как лезвие бритвы, разум Холмса без работы тупел и покрывался ржавчиной.

Глаза моего друга заблестели, на бледных щеках выступил румянец, весь лик его озарился внутренним светом, когда он почуял запах работы. В кебе он, подавшись вперед, с жадностью вслушивался в скупой рассказ Макдональда о том, что нас ожидало в Суссексе. Инспектор пояснил, что и сам толком ничего не знает, а рассказ его основан на короткой записке, которую сегодня рано утром ему прислали с первым поездом. Тамошний офицер Уайт Мэйсон – его личный друг, поэтому Макдональд узнал о преступлении намного раньше, чем это происходит обычно, когда в провинции требуется помощь Скотленд-Ярда. Как правило, столичные сыщики попадают на место происшествия слишком поздно, чтобы расследовать дело, что называется, *по горячим следам*.

«Дорогой инспектор Макдональд, – говорилось в письме, которое он нам прочитал. – Официальный запрос отправлен в отдельном конверте. Эта записка для Вас лично. Телеграфируйте мне, каким утренним поездом Вы сможете приехать в Берлстоун, чтобы я мог Вас встретить или, если буду слишком занят, послать кого-нибудь Вам навстречу. Это дело – настоящая головоломка. Пожалуйста, не теряйте ни минуты, приезжайте как можно скорее. Если удастся заручиться помощью Шерлока Холмса, привезите и его, потому что ему этот случай понравится, я уверен. Если бы не труп, мы бы решили, что все это чья-то чудовищная шутка. Поверьте, такого Вы еще не видели».

– А ваш друг, похоже, неглупый человек, – заметил Холмс.

– Да, сэр, Уайт Мэйсон – довольно смысленный парень.

– Хорошо, что еще в письме сказано?

– Только то, что подробности он изложит при встрече.

– Откуда же вы знаете про мистера Дугласа и про то, что он был зверски убит?

– Из официального доклада. Он был приложен к записке, но в нем, конечно же, не упоминалось слово «зверски», ведь такого термина не существует. Там сообщалось имя убитого, Джон Дуглас, и то, что погиб он в результате выстрела в лицо. Стреляли из дробовика. Еще там указывалось время, когда была поднята тревога (около полуночи), и было сказано, что

это, несомненно, убийство, задержанных пока нет и обстоятельства дела кажутся весьма и весьма странными, даже загадочными. Вот все, что мне пока известно, мистер Холмс.

– В таком случае, мистер Мак, с вашего позволения, мы пока прекратим разговоры об этом деле. Искушение строить догадки и предположения на основе недостаточных фактов губительно для нашей профессии. Сейчас я вижу лишь два пункта, которые не вызывают у меня сомнения: великий ум в Лондоне и труп в Суссексе. Связь между ними нам и предстоит выяснить.

Глава 3

Берлстоунская трагедия

Теперь я попрошу читателя позволить мне на время поступиться своей незначительной персоной, чтобы иметь возможность, вооружившись знаниями, полученными нами впоследствии, описать события, происшедшие до того, как мы прибыли на место трагедии, ибо только так я могу рассказать о людях, имевших отношение к этому делу, и странных обстоятельствах, предрешивших их судьбу.

Берлстоун – это крошечная, но очень старая деревенька на северной границе графства Суссекс. Насчитывает она всего несколько коттеджей, сложенных из кирпича и дерева. Испокон веков облик этого места оставался неизменным, и лишь несколько лет назад живописный вид и расположение Берлстоуна стали привлекать к себе богатых людей. В окружающих это место лесах, как грибы после дождя, начали появляться богатые виллы. Надо сказать, что местные жители считают свой лес окраиной великого Уилда, который чем дальше на север, тем становится реже, пока постепенно вовсе не растворяется в меловых низинах. Конечно же, после того как местное население начало увеличиваться, здесь стали появляться многочисленные магазинчики и лавки, и вполне можно ожидать, что скоро Берлстоун, много веков остававшийся деревней, превратится в современный город. Это место является центром весьма обширной территории, поскольку Танбридж-Уэлс, ближайший более или менее крупный город, расположенный милях в десяти-двенадцати на север, относится уже к соседнему графству, к Кенту.

Где-то в миле от деревни посреди старинного парка, знаменитого своими огромными буками, стоит древняя усадьба, которая носит то же имя, что и сама деревня, – «Берлстоун». Часть этого старинного здания относится еще к временам Первого крестового похода, когда Гуго де Капус возвел небольшую крепость посреди своих земель, дарованных ему Рыжим королем. В тысяча пятьсот сорок третьем году она была разрушена пожаром, и ее почерневшие от огня угловые камни были использованы при строительстве кирпичной усадьбы, которая выросла на месте древнего феодального замка уже во времена правления короля Якова Первого.

Сама усадьба с многочисленными фронтонами и небольшими ромбовидными окнами с начала семнадцатого века почти не изменилась. Из двух рвов, которые некогда окружали ее более воинственную предшественницу, внешний давно пересох, и теперь на его месте разводили овощи, но внутренний сохранился. При ширине в сорок футов он был неглубок, всего несколько футов, и опоясывал все здание. Ров питался небольшим ручьем, поэтому вода в нем хоть и была мутная, но не застаивалась и не источала гнилостных испарений. Окна первого этажа усадьбы находились всего в футе от земли.

В усадьбу можно было попасть только через подъемный мост, цепи и ворот которого давно заржавели и вышли из строя. Правда, последние обитатели «Берлстоуна» старательно восстановили механизм, и теперь подъемный мост не только мог действительно подниматься, но и снова, как в былые времена, начал подниматься каждый вечер и опускаться каждое утро. Таким образом, на ночь усадьба превращалась в своеобразный остров, что имело

самое непосредственное отношение к загадке, которая в скором времени привлекла к этому месту внимание всей Англии.

Несколько лет дом оставался необитаем, ветшал и грозил превратиться в живописные развалины, пока им не завладели Дугласы. Эта семья состояла всего лишь из двух человек – Джона Дугласа и его жены. Дуглас обладал своеобразными характером и внешностью. На вид ему было лет пятьдесят, его грубо очерченное лицо с квадратной нижней челюстью украшали седоватые усы, глаза у него были серые и удивительно пронизательные. Его жилистое, атлетического склада тело с годами не утратило юношеской силы и гибкости. Он был приветлив и общителен, правда, некоторая грубоватость его манер наводила на мысль о том, что в прошлом ему довелось вращаться в гораздо более низких социальных слоях, чем провинциальное общество графства Суссекс.

Впрочем, хоть его более культурные соседи и относились к нему несколько настороженно, очень скоро он сумел завоевать сердца простых односельчан тем, что стал жертвовать значительные суммы на все местные мероприятия, не пропускал проводившихся в деревне праздников и встреч, на которых неизменно радовал жителей деревни исполнением песен, а голос у него, надо сказать, был дивный, редкий по глубине тенор. Похоже, он был богат. В деревне поговаривали, что капитал свой он заработал на золотых приисках в Калифорнии, к тому же он сам не раз упоминал, что они с женой какое-то время жили в Америке.

Хорошее впечатление, которое он произвел на односельчан щедростью и простотой манер, усилилось еще и совершенным пренебрежением к любого рода опасностям. Наездник он был никудышный, но несмотря на это принимал участие во всех проводимых в деревне охотничьих сборах и в своем искреннем желании угнаться за лучшими местными всадниками много раз переживал такие невероятные падения, что те, кто это наблюдал, просто диву давались, как это он ни разу не покалечился. Когда однажды в доме приходского священника случился пожар, он поразил всех тем, что несколько раз входил в горящее здание, чтобы спасти как можно больше вещей, и это после отказа команды пожарных, сославшихся на большую опасность. Таким образом, за пять лет жизни в Берлстоуне Джон Дуглас полюбился всем обитателям этой небольшой деревни.

Все, кто был знаком с его женой, и ее находили весьма приятной особой, хотя по английскому обычаю к тому, кто не был официально представлен местному обществу, не принято было часто ходить в гости. Впрочем, для нее это мало что значило, поскольку человеком она была малообщительным и, судя по всему, предпочитала все свое время тратить на ведение хозяйства и заботу о муже. Было известно, что она англичанка и познакомилась с мистером Дугласом в Лондоне, когда он был вдовцом. Это была красивая высокая брюнетка, стройная, лет на двадцать моложе супруга. Столь существенная разница в возрасте, похоже, несколько не сказывалась на их семейной жизни.

Только те, кто был знаком с ними ближе всего, порой замечали, что доверие между супругами не было полным, поскольку при общении с ними создавалось такое впечатление, что жена либо предпочитала не вспоминать о прошлой жизни своего мужа, либо – и это казалось более вероятным – попросту не все о ней знала. Кроме того, некоторые особо внимательные люди подметили и потом неоднократно в своем кругу обсуждали тот факт, что в поведении миссис Дуглас наблюдалась нервозность, которая в значительной мере возрастала всякий раз, когда ее супруг где-то задерживался и долго не возвращался домой. В деревенской глуши, где рады любой возможности посудачить, эта слабость хозяйки поместья «Берлстоун» не могла не вызвать живейшего интереса. О ней вспомнили и после тех событий, которые заставили посмотреть на эту странность ее поведения с другой стороны.

Был и еще один человек, который жил под этой крышей. Правда, не постоянно, наездами, но тем не менее его присутствие в доме в то время, когда произошли странные собы-

тия, о которых сейчас пойдет речь, сделало его имя предметом всеобщего обсуждения. Это был Сесил Джеймс Баркер, проживавший в Хэмпстеде, в «Хейлс-лодж».

Берлстоунцы часто видели на своей главной улице высокую, статную фигуру Сесила Баркера, который был частым и желанным гостем в старинной усадьбе с подъемным мостом. Больше всего он был известен как единственный друг из прошлой, покрытой мраком тайны жизни ее хозяйина. Сам Баркер несомненно был англичанином, но, судя по некоторым его высказываниям, с Дугласом познакомился в Америке, там же с ним и сдружился. Похоже, он был богат и в деревне считался холостяком.

Баркер был младше Дугласа, ему от силы было лет сорок пять. Это был долговязый парень с могучей грудью и чисто выбритым лицом профессионального боксера. Под густыми смоляными бровями сверкали такие яростные черные глаза, что, казалось, он мог одним взглядом проложить себе дорогу во враждебно настроенной толпе, даже не пуская в ход своих довольно внушительных кулаков. Он не совершал прогулок верхом и не охотился. Занимался лишь тем, что ходил по улицам деревни с трубкой в зубах или катался со своим хозяином, а если его не было дома, то с хозяйкой по живописной округе. «Общительный и очень щедрый человек, – так отзывался о нем дворецкий Эймс. – Но, честное слово, он не из тех людей, с которыми я хотел бы ссориться». С Дугласом он держался сердечно и по-свойски, да и с женой его был не менее дружен... Что, впрочем, не раз вызывало такое сильное раздражение у мужа, что это замечали даже слуги. Таким был третий персонаж, который находился в старинном поместье, когда там разыгралась трагедия.

Что касается прочих обитателей этого дома, из всего штата слуг достаточно упомянуть строгого, чопорного Эймса и миссис Аллен, пышущую здоровьем жизнерадостную особу, которая помогала леди по хозяйству. Остальные шесть слуг не имеют никакого отношения к событиям ночи шестого января.

Первый сигнал поступил в небольшой местный полицейский участок в одиннадцать сорок пять. В это время дежурил сержант Уилсон. К участку прибежал крайне взволнованный Сесил Баркер и принялся изо всех сил трезвонить в звонок. Срывающимся голосом он сообщил, что в усадьбе произошла страшная трагедия, убит Джон Дуглас, и тут же помчался обратно. Через несколько минут за ним поспешил и сержант. На место происшествия он прибыл чуть позже полуночи, предварительно поставив начальство в известность о том, что произошло нечто серьезное.

Добравшись до усадьбы, сержант увидел, что подъемный мост опущен, в окнах горит свет, а все обитатели дома взволнованы и напуганы. Бледные слуги жались к стене в холле, дрожащий от страха дворецкий стоял, ломая руки, в дверях. Только Сесил Баркер, похоже, еще владел собой и своими чувствами. Он открыл ближайшую ко входу дверь и взмахом руки пригласил сержанта следовать за собой. Как раз в это время прибыл доктор Вуд, расторопный и энергичный деревенский лекарь. Трое мужчин вместе вошли в страшную комнату. За ними последовал и охваченный ужасом дворецкий, который прикрыл дверь, чтобы скрыть ужасную картину от глаз служанок.

Труп лежал в центре комнаты на спине, широко раскинув руки и ноги. Он был в ночной рубашке и розовом халате, из которого торчали голые ноги в домашних тапочках. Доктор взял со стола лампу и опустился на колени рядом с телом. Одного взгляда на жертву было достаточно, чтобы понять, что присутствие врача здесь уже не требуется. Рана была чудовищной. На груди мертвеца лежало необычное оружие – двуствольный дробовик со спиленными в футе от спусковых крючков стволами. Не оставалось сомнения, что стреляли из него. Выстрел был произведен с близкого расстояния, попал жертве прямо в лицо и почти снес голову. Спусковые крючки были связаны, чтобы одновременный выстрел из обоих стволов был как можно более разрушительным.

Деревенский полицейский был испуган и подавлен той огромной ответственностью, которая столь неожиданно легла на его плечи.

– Пока не прибудет мое начальство, мы здесь ничего не будем трогать, – запинаясь, тихо пробормотал он, глядя на изувеченную голову трупа.

– Пока что здесь никто ничего не трогал, это точно, – сказал Сесил Баркер. – Тут все осталось в том виде, в каком я это обнаружил.

– Когда это произошло? – Сержант достал из кармана записную книжку.

– В половине двенадцатого. Спать я еще не ложился. Я сидел у себя в спальне перед камином, когда услышал выстрел. Негромкий... какой-то приглушенный. Я тут же бросился вниз. Думаю, не прошло и тридцати секунд, как я оказался здесь, в этой комнате.

– Дверь была открыта?

– Да, открыта. Бедный Дуглас уже вот так и лежал. На столе в подсвечнике из его спальни горела свеча. Лампу зажег я через несколько минут.

– Вы никого не видели?

– Нет. Я услышал, что спускается миссис Дуглас, поэтому выбежал из комнаты, чтобы не дать ей войти и увидеть эту жуткую картину. Потом пришла миссис Аллен, экономка, и увела ее. Когда пришел Эймс, мы вернулись в комнату с ним.

– Постойте-ка, я же слышал, что мост на ночь всегда поднимается!

– Ну да, он и был поднят. Это я его опустил.

– Каким же образом убийце удалось уйти? Выходит, что мистер Дуглас застрелился?

– Мы тоже сначала так подумали. Но вот, взгляните! – Баркер отодвинул штору, и стало видно, что ромбовидное окно распахнуто настежь. – Обратите внимание и на это! – Он опустил лампу и осветил пятно крови в форме подошвы ботинка, которое четко вырисовывалось на деревянном подоконнике. – Кто-то вылез через это окно.

– Вы хотите сказать, что убийца перешел ров вброд?

– Вот именно!

– Ну, в таком случае, если, как вы говорите, были в комнате через полминуты, он в это время как раз должен был перебираться через воду.

– Я в этом не сомневаюсь. Как жаль, что я сразу не бросился к окну! Но, как видите, штора была задернута, и мне просто не пришло в голову это сделать. А потом я услышал шаги миссис Дуглас. Не мог же я позволить ей увидеть этот кошмар.

– Да уж, кошмар, – согласился доктор, глядя на изувеченную голову и ужасные кровавые следы вокруг нее. – Таких травм я не видел со времени железнодорожной катастрофы, происшедшей у нас под Берлстоуном.

– Я вот что хочу сказать, – заметил не привыкший принимать быстрые решения сельский полицейский, все еще рассматривая раскрытое окно. – Конечно, то, что мы знаем, что убийца перешел ров вброд, очень хорошо. Но кто мне скажет, как он попал в дом, если мост был поднят?

– Я тоже хотел бы это знать, – сказал Баркер.

– В котором часу подняли мост?

– Почти в шесть, – сказал дворецкий Эймс.

– А я слышал, – слегка удивился сержант, – что его обычно поднимают на закате. В это время года это, скорее, ближе к половине пятого, чем к шести.

– Миссис Дуглас принимала гостей, они пили чай, – пояснил Эймс. – Я не мог поднять мост, пока они не ушли. Потом сам лично его поднял.

– Значит, вот что получается, – задумчиво произнес сержант. – Если кто-то проник в дом снаружи... повторяю, *если*... то он должен был это сделать до шести часов, пока мост был опущен. И до тех пор, пока мистер Дуглас не зашел в эту комнату после одиннадцати, он должен был прятаться где-то здесь.

– Да-да! Мистер Дуглас каждый вечер сначала обходил весь дом, а потом проверял окна. За этим он и пришел сюда. Убийца его дождался, застрелил, потом, бросив ружье, вылез через окно. Скорее всего, так и было. Только так и можно это объяснить.

Сержант наклонился и поднял карточку, лежавшую на полу рядом с телом. На ней грубым почерком были написаны две буквы – «Д. В.», а под ними стояло число 341.

– Что это? – спросил он.

Баркер удивленно поднял брови.

– Я ее не заметил. Наверное, это оставил убийца.

– Д. В. 341. Ничего не понимаю.

Толстыми пальцами сержант покрутил карточку.

– Что такое Д. В.? Может, инициалы? Что там у вас, доктор Вуд?

Медик поднял большой молоток, который лежал на коврик перед камином. Тяжелый рабочий молоток. Сесил Баркер указал на коробку с гвоздями на каминной полке.

– Мистер Дуглас вчера перевешивал картины, – сказал он. – Я сам видел, как он стоял вон на том стуле и вешал на стену большую картину. Наверное, это он молоток здесь оставил.

– Лучше положите его там, где он лежал, – сказал сержант и растерянно почесал в затылке. – Я вижу, это работенка для самых светлых голов в управлении. Как ни крути, придется обращаться в Лондон. – Он взял лампу и стал медленно обходить комнату. – О, смотрите-ка! – неожиданно раздался взволнованный крик сержанта, когда он отодвинул в сторону оконную штору. – В котором часу были задернуты шторы?

– Когда зажгли лампы, – сказал дворецкий. – Где-то в начале пятого.

– Здесь кто-то прятался. – Он опустил лампу, и в углу стали отчетливо видны грязные следы от ботинок. – Похоже, это подтверждает вашу версию, мистер Баркер. Выходит, убийца проник в дом после четырех, когда шторы были уже задернуты, и до шести, когда был поднят мост. Он шмыгнул в эту комнату, потому что она ближе всего ко входу, и встал сюда, за штору, прятаться ведь здесь больше негде. Да-да, скорее всего, так и было. Вероятно, этот человек хотел ограбить дом, но мистер Дуглас его случайно обнаружил, поэтому тот его убил и сбежал.

– Согласен, – кивнул Баркер. – Но не теряем ли мы драгоценное время? Давайте прочешем округу, пока этот мерзавец далеко не ушел.

– Ближайший поезд будет в шесть утра, – подумав, сказал сержант, – так что уехать он не сможет. Если же он пойдет пешком по дороге в таком виде, мокрый и грязный, его обязательно заметят. В любом случае, я не могу уйти с места происшествия, пока меня не сменят, и думаю, что и вам не стоит уходить, пока мы не разберемся, что к чему.

Тем временем доктор, взяв лампу, стал осматривать тело.

– А это что за знак? – спросил он. – Это не может быть как-то связано с преступлением?

Правый рукав халата мистера Дугласа сбился наверх, и его рука была обнажена по локоть. Примерно на середине бледного предплечья темнел странный символ – треугольник внутри круга.

– Это не татуировка, – сказал доктор, всматриваясь в знак через очки. – Никогда ничего подобного не видел. Это самое настоящее клеймо. Его когда-то заклемили, как корову. Что бы это могло значить?

– Что это значит, я не знаю, – сказал Сесил Баркер, – но за те десять лет, что я был с ним знаком, я много раз видел у него этот знак.

– Я тоже, – вставил дворецкий. – Когда хозяин закатывал рукава, я все время обращал внимание на эту фигуру. И не раз задумывался над ее смыслом.

– Ну, стало быть, к убийству это отношения не имеет, – сказал сержант. – Хотя, конечно же, это довольно странно. Да в этом деле вообще все странно. Что там еще?

Издав удивленный возглас, дворецкий указал на вытянутую руку своего мертвого хозяина.

– С него сняли обручальное кольцо! – ошеломленно вскричал он.

– Что?

– Да-да! Хозяин носил обручальное кольцо на мизинце правой руки. Сверху над ним – вот это кольцо с камешком, а на среднем пальце – плетеное. Эти два кольца на месте, а обручальное исчезло!

– Он прав, – подтвердил Баркер.

– Вы хотите сказать, – уточнил сержант, – что обручальное кольцо находилось *под* кольцом с камнем?

– Да, он всегда так их носил.

– Что же получается? Убийца, или кто он там был, сначала снял с пальца мистера Дугласа кольцо с камнем, потом его обручальное кольцо, а после этого снова надел ему на палец кольцо с камнем...

– Выходит, что так.

Достойный страж закона покачал головой.

– Сдается мне, чем раньше мы передадим это дело специалистам из Лондона, тем лучше, – обескураженно произнес он. – У нас есть и свой сыщик – Уайт Мэйсон, светлая голова, со всем, что у нас тут происходило, всегда справлялся. И все же без лондонцев здесь, пожалуй, не обойтись. Могу сказать честно, дело это для людей поумнее, чем я.

Глава 4 В потемках

В три часа утра по срочному вызову сержанта Уилсона в Берлстоун из полицейского управления в двуколке, запряженной взмыленным рысаком, примчался главный суссекский следователь. Поездом в пять сорок он отправил депешу в Скотленд-Ярд, а в двенадцать часов уже встречал нас на берлстоунской станции. Уайт Мэйсон оказался немногословным спокойным человеком в свободном твидовом костюме с гладко выбритым красноватым лицом, заметным брюшком и короткими кривыми ногами в гетрах. Похож он был на какого-нибудь фермера или отставного егеря, но только не на офицера полиции.

– Это нечто сногшибательное, мистер Макдональд! – все повторял он. – Представляю, сколько репортеров сюда понаедет, когда дело получит огласку! Надеюсь, мы успеем доделать свою работу, прежде чем они начнут совать носы во все щели и затопчут все следы. На моей памяти ничего подобного не случалось. Думаю, и вас, мистер Холмс, тут кое-что заинтересует. Да и вас тоже, доктор Ватсон, потому что там и для вашего брата медика работа найдется. Я снял для вас номера в «Уэствилл-армс». Других гостиниц поблизости нет, но, говорят, там достаточно чисто и уютно. Ваши вещи отнесут. Прошу сюда, джентльмены.

Суетливым и добродушным человеком был этот суссекский детектив. Уже через десять минут мы с его помощью разместились в своих номерах, а еще через десять сидели в вестибюле гостиницы и слушали торопливое изложение событий, описанных в предыдущей главе. Макдональд время от времени задавал какие-то вопросы, что-то уточнял, но Холмс слушал молча и неподвижно, на лице его застыло выражение удивления и восторга, как у какого-нибудь ботаника, неожиданно наткнувшегося на редкое и ценное растение.

– Замечательно! – воскликнул он, когда рассказ был закончен. – В высшей степени замечательно! Один из самых интересных и необычных случаев в моей практике.

– Я знал, что вы так скажете, мистер Холмс, – просиял Уайт Мэйсон. – И у нас в Суссексе иногда происходит что-то интересное. Я рассказал, как обстояли дела до того времени, когда я принял дела от сержанта Уилсона, где-то между тремя и четырьмя часами утра. Да

уж... Я так спешил, что чуть не загнал свою старушку кобылу. Правда, выяснилось, что спешить было вовсе не обязательно, потому что все равно никаких срочных мер предпринять я не мог. Сержант Уилсон уже собрал все улики. Я проверил их, добавил еще парочку.

– Какие именно? – тут же спросил Холмс.

– Ну, сперва я осмотрел молоток. Доктор Вуд помог мне. На нем никаких следов мы не нашли. Я надеялся, что, если мистер Дуглас защищался этим молотком, он, прежде чем уронил его на ковер, мог ранить нападавшего. Но на молотке никаких пятен не было.

– Нет, это ничего не доказывает, – заметил инспектор Макдональд. – Сколько раз людей убивали молотком, а на самих молотках никаких следов не оставалось.

– Верно. Это не доказывает, что молоток не был использован. Если бы на нем обнаружили пятна, это могло бы помочь нам. Но их там не оказалось. Потом я осмотрел ружье. Оно было заряжено крупной дробью, и, как заметил сержант Уилсон, спусковые крючки у него были связаны так, чтобы при нажатии на задний крючок выстрел производился одновременно из двух стволов. Тот, кто стрелял, явно не хотел промахнуться. Весь обрез в длину не больше двух футов, поэтому его легко можно спрятать под одеждой. Полного имени изготовителя на нем нет, только на ложе между стволами сохранилось начало надписи: «P E N». Остальная часть отрезана вместе со стволами.

– Большая «P» с вензелем над ней, а «E» и «N» поменьше? – спросил Холмс.

– Да.

– «Пенсильвания-смолл-армс-компани» – это известная американская марка, – сказал Холмс.

Уайт Мэйсон посмотрел на моего друга, как сельский врач смотрит на светило медицины, который с ходу может решить задачу, поставившую его в тупик.

– Это нам очень поможет, мистер Холмс. Конечно же, вы правы. Прекрасно! Прекрасно! Вы что, держите в памяти названия всех производителей оружия в мире?

Холмс нетерпеливым взмахом руки закрыл эту тему.

– Точно, это американское оружие, – продолжил Уайт Мэйсон. – Кажется, я где-то читал, что в некоторых районах Америки укороченные дробовики – распространенное оружие. Я об этом сразу подумал, еще до того, как заметил надпись между стволами. Это говорит о том, что человек, который проник в дом и убил его хозяина, – американец.

– Нет, по-моему, вы слишком спешите с выводами, – покачал головой Макдональд. – Я пока еще не услышал доказательств того, что в доме вообще был кто-то посторонний.

– А открытое окно? А кровь на подоконнике? А странная карточка? А следы ботинок в углу, наконец? К тому же еще этот обрез. Вам этого мало?

– Все это можно подделать. Мистер Дуглас был американцем или долгое время жил в Америке. Так же, как и мистер Баркер. Вовсе не обязательно искать какого-то американца.

– Но дворецкий Эймс...

– Что дворецкий? Ему вообще можно доверять?

– Он десять лет служил у сэра Чарльза Чандоса... Абсолютно надежный человек. С Дугласом он с того дня, как тот въехал в эту усадьбу пять лет назад.

– Стволы дробовика укорочены специально для того, чтобы его легче было прятать. Вообще-то его можно засунуть в любую коробку, и мы не можем с уверенностью сказать, что это оружие не хранилось в доме.

– Может быть, но Эймс утверждает, что раньше этого обреза не видел.

Макдональд упрямо покачал головой.

– Все равно, я не уверен, что в доме был кто-то посторонний. Вы только представьте, – по мере того, как шотландца захватывал разговор, его абердинский акцент становился все заметнее, – только представьте, как сложно человеку со стороны проникнуть в дом и

скрываться там так долго! Это просто невообразимо! Это противоречит здравому смыслу! Мистер Холмс, рассудите вы!

– Для начала, мистер Мак, изложите свои соображения, – тоном строгого судьи произнес Холмс.

– Убийца (если, конечно, исходить из того, что это не самоубийство) не был грабителем. Эта манипуляция с кольцами и непонятная карточка указывают на то, что преступление совершено по личным мотивам. Предположим, в дом проникает некто, задумавший совершить убийство. Он знает, что покинуть дом будет непросто, потому что здание со всех сторон окружено водой. Какое он выбрал бы оружие? Здравый смысл подсказывает, что бесшумное, чтобы, сделав дело, незамеченным выбраться через окно, перейти ров и скрыться. Это можно понять. Но можно ли понять, чтобы он, идя на такое дело, выбрал самое громкое из всех существующих видов оружия, применение которого неминуемо приведет к тому, что все обитатели дома со всех ног бросятся на шум и что его, скорее всего, увидят, если он даже и успеет выпрыгнуть в окно? Можно ли посчитать такую версию правдоподобной, мистер Холмс?

– Что ж, звучит весьма убедительно, – задумчиво сказал Холмс. – Позвольте спросить, мистер Уайт Мэйсон, вы осмотрели противоположный берег рва, на котором должны были остаться следы выбравшегося из воды человека?

– Таких следов не было, мистер Холмс. Но этот берег представляет собой каменный уступ, поэтому неудивительно, что мы ничего там не нашли.

– Вообще ничего?

– Совершенно.

– Так-так! Мистер Уайт Мэйсон, вы не возражаете, если мы не будем терять времени и как можно скорее пойдем к дому? Возможно, нам удастся обнаружить еще какую-нибудь важную мелочь.

– Я и сам собирался это предложить, мистер Холмс, но решил, что лучше будет сначала изложить вам все факты. Надеюсь, если у вас появятся какие-нибудь соображения... – Уайт Мэйсон с сомнением посмотрел на сыщика-любителя.

– Я уже работал с мистером Холмсом раньше, – сказал инспектор Макдональд. – Он знает правила игры.

– По крайней мере, в той степени, в которой я ее себе представляю, – улыбнулся Холмс. – Моя задача – помочь свершению правосудия и работе полиции. Если моя связь с официальными властями когда-либо и прерывалась, то по их желанию, не по моему. Я вовсе не ищу славы за чужой счет. В то же время, мистер Уайт Мэйсон, я оставляю за собой право вести собственное расследование и предоставить результаты своей работы тогда, когда сам посчитаю нужным... В полном объеме и сразу, не поэтапно.

– Конечно же. Для нас честь работать рядом с вами, и мы со своей стороны готовы поделиться с вами всем, что станет известно нам, – искренне воскликнул Уайт Мэйсон. – Идемте, доктор Ватсон. Мы все надеемся, что вы и нас упомянете в одной из своих книг.

Мы двинулись по живописной деревенской улочке, по обеим сторонам которой росли аккуратно подстриженные вязы. В самом конце ее стояли два старинных, почерневших от времени замшелых каменных пилонов, поддерживающих нечто бесформенное, что когда-то было грозным, стоящим на задних лапах львом с фамильного герба Капуса Берлстоунского. Далее нас ждала небольшая прогулка по извилистой дорожке, петляющей между такими дубами, которые теперь можно встретить только лишь в английской глубинке. Потом неожиданный поворот – и нашим взорам открылись невысокое вытянутое в ширину здание из грязного темно-коричневого кирпича, в стиле короля Якова Первого, и окружавший его с обеих сторон тисовый сад. Деревья были старые, но ухоженные. Направившись к дому, мы

увидели и деревянный подъемный мост, и изумительной красоты широкий ров, вода в котором под холодным зимним солнцем казалась неподвижной и сверкала, как ртуть.

Три столетия простояло здесь это здание. Оно было свидетелем множества рождений и возвращений после долгой разлуки, здесь проводились сельские праздники и встречались участники лисьих охот. Как странно, что теперь эти освященные веками стены накрыла тень столь страшного преступления! И все же нужно признать, что эти странные островерхие крыши и причудливые нависшие фронтоны не могли не наводить на мысли о жутких тайнах и коварных интригах. Когда я смотрел на глубоко посаженные окна и широкий, серый, вздымающийся над водой фасад, меня посетила мысль, что место это как нельзя лучше подходит для той трагедии, которая привела нас сюда.

– Вон то окно, – указал Уайт Мэйсон. – Первое от моста справа. Оно до сих пор открыто так же, как ночью.

– Довольно узкое, через него не так-то легко пролезть.

– Значит, убийца не был толстяком. Мистер Холмс, это можно понять и без вашей дедукции, но вы или я протиснулись бы через него.

Холмс подошел к кромке воды и посмотрел через ров. Потом принялся изучать каменный выступ и заросшую травой землю рядом с ним.

– Я тут уже все хорошо осмотрел, мистер Холмс, – сказал Уайт Мэйсон. – Здесь ничего нет. Никаких следов того, чтобы кто-нибудь выбирался из воды. Да и вряд ли он смог бы их здесь оставить.

– Вот именно. Вряд ли. Вода здесь всегда такая мутная?

– Да, это ее обычный цвет. Ручей, который питает ров, приносит с собой глину.

– Насколько здесь глубоко?

– С краю – фута два, посередине – около трех.

– Значит, версию о том, что злоумышленник утонул, перебираясь через ров, можно отбросить.

– Конечно, тут и ребенок не утонет.

Мы перешли мост, дверь открыл странного вида высохший морщинистый старичок, дворецкий Эймс. Бедняга был бледен и весь дрожал от перенесенного потрясения. Деревенский сержант, высокий строгий мужчина с печальным лицом, все еще дежурил в роковой комнате. Врача уже не было.

– Есть новости, сержант Уилсон? – спросил Уайт Мэйсон.

– Нет, сэр.

– Тогда вы свободны. Можете идти домой отдыхать. Если вы нам будете нужны, мы вас вызовем. Дворецкому лучше пока подождать снаружи. Передайте ему, пусть предупредит мистера Сесила Баркера, миссис Дуглас и экономку, что мы, возможно, захотим с ними поговорить. Теперь, джентльмены, думаю, вы позволите для начала мне высказать свое мнение об этом деле. Потом послушаем и вас.

Надо сказать, этот деревенский сыщик произвел на меня большое впечатление. Острый ум, хватка – чувствовалось, что он далеко пойдет в своей профессии. Холмс выслушал его очень внимательно, без тени раздражительности, которая обычно овладевала им при разговоре с представителями официальных властей.

– В первую очередь нам нужно ответить на вопрос, с чем мы имеем дело, с убийством или самоубийством, не так ли, джентльмены? Если мистер Дуглас покончил с собой, то нам нужно признать, что, прежде чем это сделать, он снял с пальца обручальное кольцо и где-то его спрятал. Потом пришел в эту комнату в халате, натоптал в углу грязные следы, чтобы все решили, будто там кто-то его дожидался, после чего открыл окно, оставил пятно крови на...

– Все это настолько дико, что от этой версии мы можем сразу отказаться, – сказал Макдональд.

– Я тоже так думаю. Самоубийство отпадает. Значит, мы имеем дело с хладнокровным и жестоким убийством. В таком случае нам нужно выяснить, кто убил хозяина усадьбы, кто из домашних или человек посторонний.

– Давайте рассмотрим улики.

– В обоих случаях это было не так-то просто сделать. И все же каким-то образом это было сделано. Давайте вначале предположим, что преступником является кто-то из тех, кто постоянно находится в доме. Мистера Дугласа застрелили, когда все уже разошлись по своим комнатам, но никто еще не спал. И сделали это самым неподходящим для этой цели оружием, как будто специально хотели, чтобы все услышали, что произошло... Оружием, которого до сих пор никто в доме не видел. Начало не очень многообещающее, не так ли?

– Да уж.

– Далее. Все соглашаются с тем, что не более чем через минуту после того, как поднялась тревога, все, кто находился в доме... кроме мистера Сесила Баркера, хотя он и утверждает, что оказался на месте преступления первым, все, включая дворецкого Эймса, собрались у кабинета. И вы хотите сказать, что за это время убийца успел подделать следы в углу, открыть окно, нанести кровь на подоконник, снять с убитого кольцо и так далее? Это невозможно!

– Звучит убедительно, – заметил Холмс. – Я с вами согласен.

– Теперь рассмотрим следующую версию: убийца – человек со стороны. Здесь тоже много чего непонятного, но, по крайней мере, поддается объяснению. Неизвестный проник в дом между половиной пятого и шестью, другими словами, после того, как стемнело, и до того, как подняли мост. В доме гости, дверь открыта, поэтому ему ничто не мешало это сделать. Это мог быть обычный грабитель, а мог быть и человек, который пришел специально для того, чтобы свести счеты с мистером Дугласом. Поскольку мистер Дуглас большую часть жизни прожил в Америке и дробовик этот, похоже, американского производства, сведение старых счетов кажется наиболее вероятной версией. Преступник спрятался в первой же комнате, в которую можно попасть, войдя в дом. Здесь он встал за занавеской и оставался на этом месте до начала двенадцатого, когда в комнату вошел мистер Дуглас. Разговор их был коротким, если они вообще разговаривали, поскольку миссис Дуглас утверждает, что слышала выстрелы уже через несколько минут, после того как последней видела мужа.

– Это видно и по свече, – добавил Холмс.

– Вот-вот, свеча, новая свеча, только что вставленная в подсвечник, расплавилась не больше, чем на полдюйма. Наверняка он сам поставил ее на стол до того, как в него выстрелили, иначе она лежала бы на полу. Это, кстати, говорит о том, что на него напали не сразу, а через какое-то время после того, как он вошел в комнату. Когда сюда пришел мистер Баркер, свеча горела, а лампа – нет.

– Пока все логично.

– Итак, давайте теперь попробуем восстановить, что же здесь произошло. Мистер Дуглас входит в комнату. Ставит свечу на стол. Из-за шторы выходит человек. В руке у него обреза. Он требует обручальное кольцо... Одному Богу известно зачем, но, скорее всего, именно так и было. Мистер Дуглас снимает кольцо и отдает. Потом то ли хладнокровно, то ли в результате какой-то борьбы (Дуглас мог схватиться за молоток, который мы нашли на ковре) неизвестный стреляет в него и убивает на месте. После этого швыряет на него оружие и эту непонятную карточку «Д. В. 341» и, выбравшись через окно, бросается наутек через ров в тот самый миг, когда Сесил Баркер обнаруживает труп. Что скажете, мистер Холмс?

– Очень интересно, но несколько неубедительно.

– Право же, все это можно было бы назвать совершеннейшей чушью, если бы любые другие объяснения не казались еще более невероятными! – горячо возразил Макдональд. – Кто-то убил хозяина этого дома. Кто убийца, я не знаю, но, кем бы он ни был, я легко могу

доказать вам, что это не было заранее спланированное убийство. Почему он сделал это так поздно, когда труднее всего уйти из дома? Почему он стрелял из ружья, хотя тишина была его единственным шансом на спасение? Мистер Холмс, раз уж вы считаете версию мистера Уайта Мэйсона неубедительной, подскажите другую.

Холмс все это время сидел с сосредоточенным видом, напряженно прислушиваясь к каждому слову и время от времени поглядывая то направо, то налево.

– Для того чтобы строить какие-то версии, мне не хватает еще нескольких фактов, мистер Мак, – сказал он, опускаясь на одно колено рядом с убитым. – Боже мой! Рана просто ужасна. Не могли бы вы позвать дворецкого ненадолго?... Эймс, насколько я понимаю, вы достаточно часто видели этот весьма необычный знак, выжженный на коже треугольник в круге, на предплечье мистера Дугласа?

– Да, много раз, сэр.

– Он никогда не рассказывал, что это означает?

– Нет, сэр.

– Должно быть, тот, кому наносят такой знак, испытывает просто невероятную боль. Скажите, Эймс, я заметил небольшой кусочек пластыря на подбородке мистера Дугласа, вы знаете, откуда он появился?

– Да, сэр, он порезался вчера утром, когда брился.

– А подобное когда-нибудь раньше с ним случалось?

– Нет. Если и случалось, то очень-очень давно, сэр.

– Это много о чем говорит! – многозначительно произнес Холмс. – Конечно же, это может быть простым совпадением, но может и указывать на нервозность, а это уже позволяет предполагать, что у него были причины чего-то опасаться. Вы не заметили ничего необычного в его поведении вчера, Эймс?

– Мне показалось, что он как будто был несколько возбужден или встревожен, сэр.

– Ха! Значит, нападение, возможно, не было для него неожиданным! Что-то начинает проясняться, не так ли? Может быть, вы хотите провести допрос, мистер Мак?

– Нет-нет, мистер Холмс, куда уж мне с вами тягаться.

– Хорошо, тогда перейдем к этой карточке, «Д. В. 341». Это кусочек картона. В доме есть такой картон?

– Не думаю, сэр.

Холмс подошел к столу и капнул по чуть-чуть из каждой чернильницы на промокательную бумагу.

– Нет, это писали не в этой комнате, – сказал он. – На карточке чернила черные, а эти – с легким фиолетовым оттенком. Буквы и цифры написаны широким пером, а тут только тонкие. Нет, определенно, писалось не здесь. Вы не знаете, что может означать эта надпись, Эймс?

– Нет, сэр, даже не догадываюсь.

– А вы что думаете, мистер Мак?

– Меня это наводит на мысль о каком-то тайном обществе. Так же, как и клеймо на руке.

– Да-да, я тоже так думаю, – согласно закивал Уайт Мэйсон.

– Что ж, ничто не мешает нам принять это за рабочую версию и рассмотреть, как это соотносится с нашими трудностями. В дом проникает посланец этой организации, дожидается мистера Дугласа, почти сносит ему голову из дробовика и уходит через ров, оставив рядом с трупом карточку, которая, после того как о ней обязательно упомянут в газетах, укажет остальным членам общества на то, что акт мщения совершен. Как будто все собралось в единую картину. Но почему он выбрал именно это оружие?

– Вот именно.

– И зачем у него забрали кольцо?

– Вот-вот.

– И почему до сих пор никто не арестован? Сейчас уже начало третьего! Я полагаю, сейчас в радиусе сорока миль все констебли заняты тем, что разыскивают неизвестного человека в мокрой одежде?

– Так и есть, мистер Холмс.

– В таком случае уйти ему не удастся. Если, конечно, у него поблизости нет места, где можно отсидеться, или если он не запасся сменной одеждой. И все же пока что он на свободе. – Холмс подошел к окну и теперь рассматривал через лупу кровавый след на подоконнике. – Это отпечаток подошвы туфли. Причем на удивление широкой. Можно предположить у убийцы плоскостопие. Это любопытно, потому что следы в углу мне показались намного более изящными. Впрочем, они настолько неотчетливые, что трудно что-либо сказать с уверенностью. А что это под маленьким столиком?

– Гантели мистера Дугласа, – сказал Эймс.

– Гантель. Там только одна. А где вторая?

– Я не знаю, мистер Холмс. Может быть, второй там и не было, я несколько месяцев не обращал на них внимания.

– Одна гантель... – с серьезным видом хотел что-то сказать Холмс, но в эту секунду в дверь громко постучали.

В комнату заглянул и окинул всех нас пытливым взглядом высокий, загорелый, чисто выбритый мужчина с умными глазами. Я сразу понял, что это Сесил Баркер, о котором уже говорилось.

– Простите, что прерываю ваше совещание, – сказал он, – но есть новости.

– Его арестовали?

– К сожалению, пока нет. Найден его велосипед. Этот негодяй бросил его. Пойдемте, посмотрим. Это рядом, всего в сотне ярдов от дома.

На дорожке несколько конюхов и других зевак с интересом рассматривали велосипед, который вытащили из-за густого куста. Это был старенький «Радж-Уитворт», грязный, как будто на нем отмахали не одну милю, с кожаной сумкой под седлом, в которой оказались гаечный ключ и масленка. Однако ничто не указывало на то, кем мог быть его хозяин.

– Для полиции он может очень пригодиться, – сказал инспектор. – Если все эти штуки имеют номера и зарегистрированы. Но и на том спасибо: если не удастся узнать, куда он ушел, по крайней мере, мы узнаем, откуда он к нам пожаловал. Но какое чудо, скажите на милость, заставило его бросить здесь велосипед? И как ему удалось без него скрыться? Похоже, все только еще больше запуталось, мистер Холмс!

– Вы находите? – задумчиво произнес мой друг. – Посмотрим.

Глава 5

Участники драмы

– Вы еще что-нибудь хотите осмотреть в кабинете? – спросил Уайт Мэйсон, когда мы вернулись в дом.

– Пока нет, – ответил инспектор, Холмс тоже покачал головой.

– Тогда, может быть, вы захотите услышать показания тех, кто находился в доме? Для этого подойдет столовая. Эймс, заходите первым, расскажете нам все, что знаете.

Рассказ дворецкого был кратким и четким, ни у кого не вызвало сомнений то, что он говорил искренно. На работу в этот дом он был принят пять лет назад, сразу после того, как мистер Дуглас приехал в Берлстоун. Он знал, что мистер Дуглас был богатым человеком и что деньги свои он заработал в Америке. Это был добрый и заботливый хозяин... Возможно, не совсем того склада характера, к которому привык Эймс, но разве бывает так,

чтобы все было идеально? Нет, он никогда не замечал, чтобы мистер Дуглас чего-то опасался, напротив, это был самый бесстрашный человек, которого он когда-либо знал. Он возобновил работу моста, потому что любил старинные обычаи, а раньше в доме было заведено поднимать его на ночь.

Мистер Дуглас нечасто бывал в Лондоне и вообще покидал деревню, но накануне убийства он ездил за покупками в Танбридж-Уэлс. Ему (Эймсу) показалось, что мистер Дуглас вернулся оттуда слегка взволнованным или обеспокоенным, поскольку вел он себя несколько необычно, спешил, был несдержан. Прошлой ночью дворецкий еще не успел лечь спать, когда бешено затрещал звонок. В это время он был в буфетной, в глубине дома, складывал столовое серебро. Выстрела он не слышал, но это и неудивительно, поскольку буфетная, кладовая и кухни расположены в самом дальнем конце дома и от кабинета их отделяет длинный коридор и несколько дверей, которые были закрыты. На звук звонка из своей комнаты вышла экономка, и они вместе поспешили в переднюю часть дома.

Дойдя до лестницы, они увидели, что по ней спускается миссис Дуглас. Нет, она не спешила, и ему не показалось, чтобы она была как-то сильно взволнована. Как только она оказалась внизу, из кабинета выбежал мистер Баркер, он остановил миссис Дуглас и стал просить ее вернуться к себе.

«Умоляю, вернитесь в свою комнату! – кричал он. – Несчастный Джек умер! Ему уже ничем не поможешь. Умоляю, возвращайтесь к себе!»

Не сразу, но ему удалось уговорить миссис Дуглас вернуться. Она не кричала, не рвалась в кабинет. Миссис Аллен, экономка, отвела ее наверх и осталась вместе с хозяйкой в ее спальне. А Эймс с мистером Баркером вернулись в кабинет, где все было точно в таком виде, в котором застала полиция. Свеча не горела, была зажжена лампа. Они выглянули в окно, но ночь была очень темная и им не удалось ничего ни увидеть, ни услышать. Затем они выбежали в холл, Эймс повернул ворот, который опускает мост, и мистер Баркер побежал в полицию.

Таковыми в общих чертах были показания дворецкого.

Рассказ миссис Аллен в основном повторял его слова. Комната экономки находилась несколько ближе к передней части дома, чем буфетная, в которой работал Эймс. Она уже собиралась лечь спать, когда услышала громкий звонок. Она туговата на ухо и, возможно, поэтому не услышала выстрела, тем более что кабинет находится далеко от ее комнаты. Кажется, она слышала какой-то звук, но посчитала, что это хлопнули двери. Правда, это было намного раньше, примерно за полчаса до звонка. Выйдя из своей комнаты, она столкнулась с мистером Эймсом, и они вместе поспешили в переднюю часть дома. Внизу они увидели мистера Баркера, он был жутко бледен и взволнован, когда вышел из кабинета, чтобы перехватить миссис Дуглас, спускавшуюся по лестнице. Он принялся умолять ее вернуться к себе, и она что-то говорила в ответ, но что именно, миссис Аллен не разобрала.

«Отведите ее наверх! Останьтесь с ней!» – велел ей мистер Баркер.

Она отвела хозяйку в ее спальню и попыталась успокоить. Та была страшно взволнована, вся дрожала, но спуститься больше не порывалась. Она как была в халате, так и села у камина, закрыв лицо ладонями. Большую часть ночи миссис Аллен провела с ней. Что касается остальных слуг, то все уже легли спать, и о том, что случилось, узнали перед самым приходом полиции. Их комнаты расположены в самой глубине дома, поэтому что-либо услышать они не могли.

Ничего больше, кроме слез и причитаний, от экономки мы не добились.

Следующим свидетелем, показания которого мы выслушали, был Сесил Баркер. Относительно ночных событий он мало что мог добавить к тому, что уже рассказал полиции. Лично он не сомневался, что убийца ушел через окно. По его мнению, это доказывало пятно крови на подоконнике. К тому же, поскольку мост был поднят, другого способа покинуть дом

не было. Как повел себя убийца, выйдя из дома, или почему он не воспользовался велосипедом, если, конечно же, велосипед принадлежал именно ему, Сесил Баркер предположить не мог. Утонуть, перебираясь через ров, преступник не мог, поскольку глубина воды нигде не превышает трех футов.

Лично он очень хорошо представлял себе, что могло стоять за этим убийством. Мистер Дуглас был скрытным человеком. В его жизни были такие моменты и события, о которых он никогда не говорил. В Америку он переселился, когда был еще очень молодым человеком. Там ему удалось разбогатеть, и Баркер познакомился с ним в Калифорнии, где они на паях взяли в аренду участок земли в месте под названием каньон Бенито и поставили там шахту. Дело их процветало, когда Дуглас неожиданно продал свою долю в деле и уехал в Англию. Дуглас тогда был холостяком. Через какое-то время Баркер обналичил все свои капиталы и переехал в Лондон. Там они возобновили дружбу.

Дуглас производил на него впечатление человека, который чего-то боится. Баркер всегда считал, что его поспешный отъезд из Калифорнии, а также то, что в Англии он поселился в таком тихом месте, как-то было связано с нависшей над ним опасностью. Возможно, какое-то тайное общество, какая-то безжалостная организация преследовала Дугласа и не отступилась бы до тех пор, пока не покончила с ним. На мысль об этом его натолкнули кое-какие высказывания Дугласа, правда, он никогда не рассказывал, что это за организация и чем он перед ней провинился. Можно было только гадать, имеет ли надпись на картонной карточке какое-то отношение к этому тайному обществу.

– Как долго вы были знакомы с Дугласом в Калифорнии? – спросил инспектор Макдональд.

– Всего пять лет.

– И вы говорите, он был холостяком?

– Он был вдовцом.

– Вам известно, кем была его первая жена?

– Нет, но я помню, он как-то сказал, что у нее были немецкие корни. Еще я видел ее портрет. Это была очень красивая женщина. Он умерла от брюшного тифа за год до того, как мы с ним познакомились.

– А где он жил до того, как вы познакомились, вы не знаете?

– Я слышал, как он рассказывал о Чикаго. Он хорошо знал этот город и работал там. Кроме того, он не раз упоминал и разные угледобывающие и железорудные районы. Он в свое время много путешествовал.

– Он не занимался политикой? Возможно, это тайное общество имело какое-то отношение к политике?

– Нет, он совсем не интересовался политикой.

– Может быть, он был как-то связан с преступным миром?

– Что вы, напротив, более честного человека я в жизни не встречал.

– А как он жил в Калифорнии? Никаких странных привычек вы за ним не замечали?

– Он жил и работал на нашем участке в горах. Предпочитал держаться в стороне и по возможности не ходить туда, где собирались люди. Именно это и заставило меня впервые подумать, что он боится преследования. То, что он так неожиданно уехал в Европу, превратило мои подозрения в уверенность. Мне кажется, он получил какое-то предупреждение. Не прошло и недели с его отъезда, как на наш участок явились люди и стали о нем расспрашивать.

– Что это были за люди?

– Их было человек пять-шесть. Довольно сурового вида ребята. Они хотели знать, где он. Я сказал им, что он уехал в Европу, но где его искать, я не знал. Они явно были настроены очень враждебно, это было видно сразу.

– А эти люди, они были американцами? Калифорнийцами?
– Были ли они калифорнийцами, я не знаю, но в том, что они американцы, не сомневаюсь. Но это не шахтеры. Кем они были, я не знаю, но, если честно, у меня отлегло от сердца, когда они убрались с участка.

– Это было шесть лет назад?

– Ближе к семи.

– Ну а если вы к тому времени были знакомы с Дугласом уже пять лет, значит, вся эта каша заварилась никак не меньше одиннадцати лет назад.

– Совершенно верно.

– Он должен был чем-то очень сильно насолить им, чтобы они и через такое долгое время преследовали его. Да, непросто будет докопаться до истины.

– Мне кажется, он всю жизнь не знал покоя и от этого страдал.

– Но если человек знает, что ему угрожает опасность, и знает от кого, почему не обратиться в полицию за помощью?

– Может быть, ему угрожало нечто такое, от чего нельзя было защититься. Вы должны кое-что знать. Он носил при себе оружие. В кармане у него всегда лежал револьвер. Но, к несчастью, вчера ночью он оставил его у себя в комнате и пошел осматривать дом в халате. Наверное, он думал, раз мост уже поднят, бояться нечего.

– Я бы хотел разобраться с датами, – сказал Макдональд. – Дуглас уехал из Калифорнии шесть лет назад. Вы последовали за ним через год, не так ли?

– Да.

– А женился он пять лет назад. Выходит, вы вернулись в Англию примерно тогда же, когда он женился?

– Где-то за месяц до того. Я был шафером у него на свадьбе.

– Вы были знакомы с миссис Дуглас до свадьбы?

– Нет. Меня не было в Англии десять лет.

– Но после этого вы с ней довольно часто виделись.

Баркер бросил на инспектора возмущенный взгляд.

– Я довольно часто виделся с *ней*, – сказал он. – Если я встречался с ней, то только потому, что нельзя, навещая друга, прятаться от его жены. Если вы считаете, что существует какая-либо связь...

– Я ничего не считаю, мистер Баркер. Я просто задаю вопросы, которые могут иметь отношение к делу, и обижать вас вовсе не собирался.

– Некоторые ваши вопросы весьма бестактны, – зло бросил Баркер.

– Нам нужны лишь факты. И вы, и мы все заинтересованы в том, чтобы во всем как можно скорее разобраться. Мистер Дуглас не был против вашей дружбы с его женой?

Лицо Баркера побледнело, большие крепкие кулаки сжались.

– Кто вам дал право задавать такие вопросы? – вскричал он. – Какое это имеет отношение к делу, которое вы расследуете?

– Я вынужден повторить вопрос.

– Прекрасно. Я отказываюсь на него отвечать.

– Вы имеете на это право, но прошу учесть, что ваш отказ уже является ответом, поскольку, если бы вам нечего было скрывать, вы бы не стали отказываться отвечать.

Баркер на секунду задумался, его брови напряженно сомкнулись, но потом он улыбнулся.

– Что ж, джентльмены, я полагаю, в конце концов вы исполняете свой долг, и я не имею права вам мешать. Я лишь прошу не беспокоить миссис Дуглас вопросами на эту тему. Ей и без того сейчас нелегко. Несчастный Дуглас имел только одну отрицательную черту характера – он был ужасно ревнив. Ко мне он прекрасно относился... мы были настоящими

друзьями. И в жене своей он души не чаял. Он любил, когда я приезжал к нему. Если меня долго не было, начинал волноваться и справляться обо мне. И в то же время, если он видел, что мы с его женой разговариваем, или просто замечал, что между нами существует некая симпатия, на него как будто накатывала волна ревности, он тут же выходил из себя и тогда уж за словом в карман не лез. Не раз я отказывался к нему приезжать именно по этой причине, и тогда он слал мне письма с извинениями, писал, как он раскаивается, умолял простить его и приглашал приезжать как можно скорее. Мне ничего не оставалось, и я снова ехал. Но прошу вас верить мне, джентльмены, еще ни у одного мужчины не было такой любящей и преданной жены... Могу добавить, что и мне как другу он мог полностью доверять.

Сказано это было искренне и с глубоким чувством, однако инспектор Макдональд все никак не хотел оставить эту тему.

– Вам известно, что с пальца покойного сняли обручальное кольцо? – спросил он.

– Да, похоже на то, – кивнул Баркер.

– Что значит «похоже»? Это факт.

Баркер слегка смутился.

– Говоря «похоже», – пояснил он, немного подумав, – я имел в виду то, что можно предположить, что он сам снял это кольцо.

– Тот факт, что кольцо исчезло с его пальца – кто бы его ни снял, – естественным образом наводит на мысль, что случившаяся трагедия как-то связана с его браком, вы не находите?

Баркер неуверенно пожал широкими плечами.

– Не берусь сказать, что это означает, – сказал он. – Но если вы хотите намекнуть на то, что здесь каким-то образом затронута честь леди, – глаза Баркера сверкнули, но с видимым усилием ему все же удалось совладать с чувствами, – то вы на ложном пути, так и знайте.

– К вам у меня пока больше вопросов нет, – казенным голосом сказал Макдональд.

– Еще одна деталь, – сказал Шерлок Холмс. – Когда вы вошли в комнату, на столе горела только свеча, верно?

– Да, это так.

– При ее свете вы и увидели, что произошло в кабинете?

– Совершенно верно.

– Вы сразу же позвонили в звонок, чтобы вызвать помощь?

– Да.

– И сразу прибежали слуги?

– Да, не прошло и минуты.

– И все же, зайдя в кабинет, они увидели, что свечка погашена и горит лампа. Мне это кажется очень важным.

Снова на лице Баркера отразилось замешательство.

– Я в этом не вижу ничего важного, мистер Холмс, – подумав, сказал он. – Свечка давала очень мало света, и я первым делом подумал, что нужно осветить все получше. На столе стояла лампа, поэтому я ее и зажег.

– И задули свечку?

– Ну да.

Больше Холмс ничего спрашивать не стал, и Баркер, окинув нас, как мне показалось, вызывающим взглядом, развернулся и вышел из комнаты.

Инспектор Макдональд передал миссис Дуглас, что хотел бы с ней поговорить в ее комнате, но она ответила, что предпочла бы встретиться с нами в столовой. И вот она вошла, высокая красивая женщина лет тридцати, удивительно спокойная и сдержанная, на лице ее не было заметно ни капли волнения. Совсем не та убитая горем, безутешная вдова, какой я ее себе представлял. Да, она была бледна и напряжена, как любой человек, переживший

сильнейшее потрясение, но держалась ровно, и изящная рука ее, которую она положила на краешек стола, была столь же тверда, как моя. Печальным вопросительным взглядом она обвела всех нас и вдруг громко, даже как-то с вызовом спросила:

– Вы уже что-нибудь нашли?

Может быть, виной тому мое воображение, но мне показалось, что в ее вопросе было больше страха, чем надежды.

– Делается все от нас зависящее, миссис Дуглас, – сказал инспектор. – Можете быть уверены, мы ничего не упустим.

– Денег не жалейте, – сказала она холодным, ровным голосом. – Я хочу, чтобы было сделано все возможное.

– Возможно, и вы нам поможете пролить свет на это дело.

– Боюсь, что нет. Но я готова рассказать вам все, что мне известно.

– От мистера Сесила Баркера мы знаем, что вы так и не увидели... так и не зашли в комнату, в которой произошла трагедия?

– Да, он встретил меня у лестницы и не позволил войти в кабинет.

– Да, конечно. Вы услышали выстрел и тут же спустились.

– Сначала накинула халат и сразу спустилась.

– Сколько времени прошло с того момента, как вы услышали выстрел, и до того, как мистер Баркер встретил вас внизу?

– От силы пара минут. В такой ситуации тяжело следить за временем. Он стал просить меня вернуться в свою комнату, сказал, что я ничем помочь не смогу. Потом миссис Аллен, экономка, отвела меня обратно вверх. Все это было похоже на кошмарный сон.

– Не могли бы вы приблизительно сказать, сколько ваш муж находился внизу, прежде чем вы услышали выстрел?

– Нет, не могу. Он пошел туда из своей туалетной, и как он оттуда выходил, я не слышала. Он каждый вечер обходил дом – боялся пожара, и, насколько я знаю, это единственное, чего он боялся.

– Это как раз тот вопрос, который я и хотел обсудить, миссис Дуглас. Вы ведь познакомились с мужем в Англии?

– Да, и все эти пять лет вместе прожили здесь, в Англии.

– Он когда-нибудь рассказывал вам о своей жизни в Америке? Может быть, упоминал о чем-нибудь, что могло угрожать ему?

Прежде чем ответить, миссис Дуглас надолго задумалась.

– Да, – наконец сказала она. – Я всегда чувствовала, что ему угрожает какая-то опасность. Но он отказывался обсуждать это со мной. Не то чтобы он не доверял мне... Мы ведь очень любили друг друга, и о недоверии не могло быть и речи... Просто он не хотел, чтобы я волновалась. Он думал, что я больше не смогу быть спокойной, если узнаю о чем-то дурном, поэтому ничего и не рассказывал.

– Как же вы об этом узнали?

По лицу миссис Дуглас скользнула мимолетная улыбка.

– Неужели вы думаете, что муж может всю жизнь прожить с какой-то тайной на душе, а женщина, которая его любит, ничего не заподозрит? Я догадалась об этом по тому, как он отказывался обсуждать со мной отдельные эпизоды своей жизни в Америке. По тому, как настороженно он присматривался к незнакомым людям на улице. По определенным словам, которые порой слетали с его уст. Я была совершенно уверена в том, что у него были могущественные враги, и в том, что он опасался их преследования и хотел защититься от них. Мысли об этом настолько не давали мне покоя, что каждый раз, когда он где-то задерживался, я не находила себе места от страха.

– Позвольте узнать, – сказал Холмс, – а какие именно его слова насторожили вас?

– Долина Ужаса, – ответила леди. – Так он говорил, когда я начинала задавать ему вопросы. «Я жил в Долине Ужаса и все еще не выбрался из нее». «Нам предстоит всю жизнь прожить в Долине Ужаса?» – спрашивала его я, если замечала, что он был более серьезен, чем обычно. «Иногда мне кажется, что да», – отвечал он.

– Конечно, вы спрашивали его, что такое Долина Ужаса.

– Да, но тогда он бледнел и качал головой. «Хватит и того, что один из нас это знает, – говорил он. – Я молю Господа Бога, чтобы ты никогда не узнала, что это такое». Это действительно существующая долина, в которой он когда-то жил и где с ним произошло что-то ужасное, я в этом не сомневаюсь. Но больше мне ничего не известно.

– И никаких имен он не называл?

– Однажды, три года назад, когда он сильно расшибся на охоте, у него была горячка, и в бреду он беспрестанно повторял одно и то же имя. Произносил он его со злостью, но и с оттенком страха. Макгинти... Владыка Макгинти – это имя он повторял. Когда он пришел в себя, я спросила его, кто такой этот Макгинти и чей он владыка. «Слава богу, не мой!» – рассмеявшись, ответил он, но больше ничего вытянуть из него мне не удалось. Между владыкой Макгинти и Долиной Ужаса определенно существует какая-то связь.

– Еще один вопрос, – сказал инспектор Макдональд. – Вы познакомились с мистером Дугласом в Лондоне, в доме, в котором он снимал жилье, не так ли? Там же вы и обручились. В истории вашего знакомства не было ничего романтического, скажем, тайного или загадочного?

– Конечно же, была романтика. В любви всегда есть нечто романтическое и таинственное. Но ничего загадочного у нас не было.

– Может быть, у него был соперник?

– Нет, я была совершенно свободна.

– Вы ведь уже знаете, что у него пропало с пальца обручальное кольцо. Вас это не наводит ни на какие мысли? Если предположить, что какой-то враг из его прошлой жизни настиг его и совершил это преступление, что могло заставить его забрать это кольцо?

Я могу поклясться, что на какую-то долю мгновения на лице женщины появилась едва заметная тень улыбки.

– Нет, тут я ничем вам помочь не могу, – ответила она. – Для меня это такая же загадка, как и для вас.

– Что ж, не смеем больше вас задерживать. Простите, что беспокоим вас в такое время, – сказал инспектор. – Есть еще вопросы, которые мы хотели бы с вами обсудить, но они могут и подождать.

Она встала, и снова я увидел тот же быстрый, слегка удивленный взгляд, которым она окинула нас, как только вошла. «И какое же впечатление произвел на вас мой рассказ?» – я был уверен, именно этот вопрос готов был сорваться с ее уст. Но она лишь поклонилась и выскользнула из комнаты.

– Красивая... Очень красивая женщина, – задумчиво произнес Макдональд, когда за ней закрылась дверь. – Этот Баркер наверняка не просто так здесь столько времени проводил. Он из тех мужчин, которые привлекают к себе женщин. Да он и признает, что убитый ревновал его, хотя вполне может быть, что для ревности были и другие причины, о которых он не стал нам рассказывать. А это обручальное кольцо?! Что-то здесь не так. Если человек срывает с трупа обручальное кольцо... А что вы об этом думаете, мистер Холмс?

До сих пор мой друг сидел, в глубокой задумчивости подперев голову руками, но теперь встал и дернул шнурок звонка для вызова прислуги.

– Эймс, – спросил он явившегося дворецкого, – где сейчас мистер Сесил Баркер?

– Сейчас посмотрю, сэр.

Не прошло и минуты, как он вернулся и доложил, что мистер Баркер в саду.

– Вы не могли бы припомнить, во что был обут мистер Баркер, когда вчера ночью вы вместе с ним зашли в кабинет?

– Могу, мистер Холмс. Ночные тапочки. Я сам принес ему ботинки, когда он собрался идти в полицию.

– Где сейчас эти тапочки?

– Все еще в холле, под стулом.

– Очень хорошо, Эймс. Нам, естественно, очень важно знать, какие из следов могут принадлежать мистеру Баркеру, а какие – преступнику.

– Да, сэр. Я могу сказать, что заметил на его тапочках следы крови... Как и на своих туфлях.

– Ничего удивительного, учитывая, что творилось в комнате. Спасибо, Эймс, если вы нам поможете, мы позвоним.

Через несколько минут мы перешли в кабинет. Холмс по дороге захватил из холла тапочки. Как и говорил Эймс, обе подошвы были черны от крови.

– Странно, – пробормотал Холмс, подойдя к окну и внимательно их изучив. – Очень странно!

Легко наклонившись, он приложил тапочку к кровавому отпечатку на подоконнике. Их контуры совпали в точности. Холмс, не произнося ни слова, повернулся к коллегам и улыбнулся.

Инспектора это открытие преобразило. Сперва он опешил, а потом быстро-быстро затараторил, резко и отрывисто выговаривая слова на шотландский манер.

– Черт! Ну конечно же! Баркер сам оставил след на окне! Отпечаток-то намного шире любого ботинка. Вы говорили о плоскостопии, а оно вот что получается! Но зачем, мистер Холмс? Зачем он это сделал?

– М-да, зачем он это сделал? – задумчиво повторил мой друг.

Уайт Мэйсон довольно засмеялся и потер руки, предвкушая интересную работу.

– Я говорил вам, это нечто сногшибательное, – торжествующе воскликнул он. – И, как видите, не ошибся.

Глава 6 Тьма рассеивается

Трем детективам нужно было еще обсудить разные мелочи, поэтому я вернулся в скромную сельскую гостиницу один. Но перед этим прогулялся по древнему парку, окружавшему дом. За рядами вековых тисов, которые благодаря рукам садовника отличались самыми причудливыми формами, в глубине сада скрывалась красивая поляна со старинными солнечными часами посередине. Все это выглядело настолько умиротворяющим, что мои несколько расшатанные нервы тут же успокоились.

Здесь, в этой благостной красоте, темный кабинет с распростертой в луже крови мертвой фигурой на полу казался не более чем призрачным воспоминанием о каком-то кошмарном сне. И все же, когда я шел между деревьями, упиваясь тишиной и покоем, со мной произошел странный случай, который снова вернул меня к трагедии и наполнил беспокойством.

Как я уже сказал, сад окаймляли старые тисы. В самом дальнем от дома месте они переходили в густую живую изгородь. У этой изгороди, с наружной стороны, стояла небольшая каменная скамья, невидимая со стороны дома. Проходя мимо этого места, я вдруг услышал приглушенные голоса, низкий мужской голос и короткий женский смех в ответ. В следующее мгновение я обошел край изгороди, и глазам моим предстали миссис Дуглас и Баркер, которые, очевидно, не слышали моего приближения. Вид леди меня поразил. Если в столовой она была сдержанной и скромной, то теперь напускной печали как не бывало. Глаза ее

сияли радостью, на лице все еще играла счастливая улыбка, вызванная словами спутника. Он сидел, уперев локти в колени, со сложенными перед собой руками и тоже беззаботно улыбался. Вмиг (но все равно слишком поздно) их лица вновь приняли скорбное выражение. Они обменялись парой торопливых слов, после чего Баркер встал и подошел ко мне.

– Простите, сэр, – сказал он, – я обращаюсь к доктору Ватсону?

Я холодно поклонился. И надеюсь, мой вид в достаточной мере показал, какое впечатление произвела на меня картина, случайным свидетелем которой я стал.

– Мы так и подумали, ведь ваша дружба с мистером Шерлоком Холмсом всем известна. Вы не могли бы уделить нам минуту и поговорить с миссис Дуглас?

С каменным лицом я последовал за ним. Мне вдруг отчетливо представилось изуверенное мертвое тело, лежащее на полу. И вот спустя лишь несколько часов после трагедии его жена и самый близкий друг предаются веселью за кустом в саду, который принадлежал ему!.. Сдержанно я поздоровался с леди. В столовой я разделял ее горе, но теперь ее умоляющий взгляд не встретил сочувствия с моей стороны.

– Боюсь, вы сочтете меня бессердечной и жестокой, – произнесла она.

– Это не мое дело, – равнодушно пожал плечами я.

– Возможно, когда-нибудь вы меня поймете. Если б вы только знали...

– Доктору Ватсону незачем что-либо знать или понимать, – торопливо оборвал ее Баркер. – Как он сам сейчас справедливо заметил, это дело никоим образом его не касается.

– Совершенно верно, – бросил я. – Поэтому с вашего позволения я продолжу прогулку.

– Подождите, доктор Ватсон, – умоляющим голосом вскричала женщина. – Вы единственный человек в мире, к которому я могу обратиться. Мне очень нужно знать ответ на один вопрос. Вы лучше кого бы то ни было знаете мистера Холмса, и вам известно, в каких отношениях он с полицией. Если я ему доверюсь, он обязательно должен будет сообщить обо всем детективам?

– Да, действительно, – подхватил Баркер. – Он действует сам по себе или от их имени?

– Я не уверен, что могу обсуждать с вами этот вопрос.

– Прошу... Умоляю вас, доктор Ватсон! Поверьте, вы очень поможете нам... Поможете мне, если дадите ответ.

В голосе женщины было столько искренности, что на миг я позабыл о ее легкомыслии и поддался желанию помочь ей.

– Мистер Холмс ведет независимое расследование, – сказал я. – Он никому не подчиняется и действует так, как сам считает нужным. В то же время, разумеется, он сотрудничает с представителями официальных властей, которые работают над этим делом, и он не станет утаивать от них ничего, что может помочь изобличить преступника. Это все, что я могу вам сообщить. Если вы хотите узнать что-нибудь еще, обращайтесь к самому мистеру Холмсу.

С этими словами я приподнял шляпу и отправился своей дорогой, оставив их на каменной скамье у тисовых кустов. Дойдя до конца живой изгороди, я оглянулся и увидел, что они о чем-то оживленно разговаривают. Поскольку взоры их были обращены в мою сторону, мне стало ясно, что обсуждали они нашу короткую беседу.

– Мне их откровения ни к чему, – сказал Холмс, когда я сообщил ему об этом происшествии. Весь день он провел в усадьбе, консультируясь с двумя коллегами, и, вернувшись около пяти, жадно набросился на ужин, который я для него заказал. – Ни о каких доверительных отношениях с ними не может быть и речи, Ватсон, потому что это поставит меня в неудобное положение, если дело дойдет до ареста за преднамеренное убийство.

– Вы думаете, что идет к этому?

Настроение у Холмса было приподнятое и благодушное.

– Дорогой мой Ватсон, я с удовольствием расскажу вам, как обстоят дела, как только покончу с четвертым яйцом. Нельзя сказать, что это наша основная версия. Вовсе нет, но, когда мы найдем пропавшую гантель...

– Гантель?!

– Ватсон, вы что, до сих пор не поняли, что главное в этом деле – пропавшая гантель? Ну-ну, не вешайте нос. По секрету могу сказать вам, что ни инспектор Мак, ни местный сыщик, по-моему, тоже пока не догадываются об истинной значимости исчезновения этого гимнастического снаряда. Гантель всего одна! Представьте-ка себе атлета с одной гантелью, Ватсон. Подумайте о неравномерном мышечном развитии, о возможном искривлении позвоночника. Ужасно, Ватсон, просто ужасно!

Жуя бутерброд, он с озорным блеском в глазах посмотрел на мое растерянное лицо. Его превосходный аппетит служил доказательством тому, что дело движется к успешному завершению, поскольку я прекрасно помнил, как он, бывало, забывал о еде на несколько дней, когда разум его был сутками напролет занят распутыванием какой-нибудь очередной сложнейшей задачи, и тогда полнейшая умственная концентрация доводила его и без того худое тело до полного истощения. Наконец Холмс закурил трубку, подсел поближе к старому камину и стал излагать суть дела. Речь его лилась неторопливо, порой он неожиданно перескакивал с одной мысли на другую, как человек, который скорее мыслит вслух, чем что-то сообщает.

– Ложь, Ватсон... Сплошная, огромная, чудовищная, наглая, беспардонная ложь, вот с чем нам довелось столкнуться! Это и будет нашей отправной точкой. Все, что рассказал Баркер, – ложь. Но его рассказ подтверждает миссис Дуглас, следовательно, она тоже лжет. Это означает одно – они в сговоре. Вот теперь появился четкий вопрос: почему они лгут и что скрывает их ложь? Давайте попытаемся, Ватсон, вы и я, пробить эту стену лжи и восстановить истину.

Откуда мне известно, что они лгут, спросите вы. Весь их рассказ – не более чем выдумка, причем не очень искусная, которая просто не может быть правдой. Посудите сами. По их словам выходит, что у убийцы после совершения преступления было не более минуты на то, чтобы снять с пальца жертвы кольцо, которое было под другим кольцом, потом вернуть на место второе кольцо (чего в реальности ни один убийца не стал бы делать), да еще и бросить рядом с телом эту непонятную карточку. Я утверждаю, что это невозможно.

Вы могли бы возразить (хотя я слишком уважаю ваш здравый смысл, Ватсон, чтобы ожидать от вас подобного), что кольцо было снято до того, как мистер Дуглас был убит. Свечка горела очень недолго, и это говорит о том, что длинного разговора не было. Мог ли мистер Дуглас, о бесстрашии которого мы слышаны, согласиться расстаться с обручальным кольцом так быстро? Согласился бы он вообще отдать его? Нет. Нет, Ватсон. Убийца имел возможность провести какое-то более продолжительное время рядом с трупом при зажженной лампе. Это у меня не вызывает сомнений.

Однако причиной смерти был именно выстрел из ружья, и выходит, стреляли несколько раньше, чем было сказано нам. Но ведь в таком вопросе ошибиться невозможно. Следовательно, это означает, что те два человека, которые его слышали, это Баркер и миссис Дуглас, сознательно говорят неправду и находятся в сговоре. Кроме того, я могу доказать, что пятно крови было целенаправленно нанесено Баркером на подоконник, чтобы сбить со следа полицию. Думаю, теперь вы должны признать наличие очень веских улик против него.

Теперь мы должны задать себе вопрос: в какое время убийство было совершено в действительности? До половины одиннадцатого по дому ходили слуги, которые услышали бы выстрел, значит, это произошло позже. Без четверти одиннадцать все уже разошлись по своим комнатам, кроме Эймса, который копался в буфетной. Сегодня, когда вы ушли, я про-

вел парочку экспериментов и убедился, что в буфетной никакие звуки, доносящиеся из кабинета, не слышны, при условии, что все двери между ними закрыты.

Этого нельзя сказать о комнате экономки. Она расположена несколько ближе по коридору, и в ней я смог услышать голоса из кабинета, когда там разговаривали очень громко. Звук выстрела несколько приглушается, когда стреляют с очень близкого расстояния, как это, несомненно, произошло и в нашем случае. Он не был бы очень громким, но, вне всякого сомнения, долетел бы до комнаты экономки. Миссис Аллен сама сказала нам, что немного глуховата, и тем не менее в своих показаниях она упомянула, что слышала какой-то звук, похожий на хлопок двери, примерно за полчаса до того, как была поднята тревога. «Примерно за полчаса» означает без четверти одиннадцать. Я уверен, что на самом деле она слышала выстрел из ружья, и именно в это время был убит мистер Дуглас.

Если это так, то теперь нам предстоит выяснить, чем могли заниматься Баркер и миссис Дуглас, если, конечно, они сами не были убийцами, между десятью сорока пятью, когда звук выстрела заставил их спуститься вниз, и одиннадцатью пятнадцатью, когда они подняли тревогу и собрали слуг. Чем они были заняты в это время и почему не позвали слуг сразу? Ответ на этот вопрос нам и предстоит найти. И, когда это произойдет, мы уже будем недалеко от окончательного раскрытия всего дела.

– Я и сам считаю, что между этими двумя существует некая связь, – сказал я. – Какая же она бессердечная особа, если может смеяться над какими-то шуточками, когда ее муж убит всего несколько часов назад.

– Вот-вот. Даже ее собственный рассказ о том, что случилось, доказывает, что она – не самая образцовая жена. Сам я, как вам известно, не отношусь к страстным поклонникам женского пола, но даже меня жизненный опыт научил, что на свете очень мало любящих жен, которые позволили бы словам другого мужчины встать между собой и мертвым телом мужа. Если я когда-нибудь женюсь, Ватсон, надеюсь, что я смогу внушить своей жене такие чувства, которые не позволят ей дать экономке увести себя, когда мой труп лежит всего в нескольких шагах в соседней комнате. Все это был лишь плохой спектакль. Любого, даже самого неопытного, следователя должно насторожить отсутствие обычных женских завываний и причитаний. Не будь всего остального, одного этого хватило бы, чтобы у меня зародились определенные подозрения.

– Что же выходит? Вы считаете, что это Баркер с миссис Дуглас виновны в убийстве?

– Вы задаете слишком прямые вопросы, Ватсон, – сказал Холмс, качнув трубкой в мою сторону. – Если бы вы спросили, знают ли миссис Дуглас и Баркер правду об убийстве, скрывая ее, я мог бы дать вам искренний ответ. Да, я в этом уверен. Но ваша формулировка не позволяет дать такой же однозначный ответ. Давайте рассмотрим трудности, которые мешают это сделать.

Предположим, что этих двоих соединила преступная любовь и они решили избавиться от человека, который стоит между ними. Само по себе это уже довольно смелое предположение, поскольку показания слуг не подтверждают этого. Напротив, все говорят о том, что Дугласов связывали очень нежные чувства.

– Но этого не может быть! – с глубоким убеждением воскликнул я, вспомнив жизнерадостную улыбку на прекрасном лице в саду.

– По крайней мере, они производили такое впечатление. Как бы то ни было, мы имеем право предположить, что эти двое настолько коварны, что смогли не только провести всех вокруг, но и подготовить убийство мужа. По странному стечению обстоятельств этому человеку и без них что-то угрожало...

– Но об этом нам известно только с их слов.

Холмс призадумался.

– Все ясно, Ватсон. Вы решили придерживаться мнения, что все, абсолютно все, что они нам рассказали, – ложь от начала до конца. По-вашему, никакой угрозы мистер Дуглас не опасался, никакого тайного общества не существует, не было никакой Долины Ужаса, владыки Мак-как-его-там и всего остального. Я бы сказал, что это довольно широкое обобщение. Давайте рассмотрим, что оно нам даст. Значит, все это является плодом их вымысла, цель которого – отвернуть от себя подозрение и направить следствие по ложному следу. Велосипед в саду они подбрасывают, чтобы ни у кого не осталось сомнений в том, что в деле замешан кто-то со стороны. Кровавый след на подоконнике нужен для того же. Как и карточка рядом с телом, которая могла быть заранее подготовлена где-то в доме. Все это укладывается в вашу версию, Ватсон. Но опять возникают все те же краугольные вопросы: почему для убийства был выбран именно дробовик с укороченными стволами, да еще и американского производства? Откуда они могли знать, что выстрела никто не услышит? Ведь только по чистой случайности миссис Аллен не отправилась проверять, где это там так громко хлопают двери. Почему ваша пара преступников пошла на это, Ватсон?

– Даже не знаю, что и думать.

– К тому же, если уж женщина с любовником решили отправить на тот свет мужа, стали бы они идти на большой риск и снимать с его пальца обручальное кольцо, выставляя тем самым напоказ свои отношения? Вам это кажется правдоподобным, Ватсон?

– Н-нет, не кажется.

– И кроме того, раз уж вы считаете, что велосипед в саду был оставлен специально, неужели им не пришло бы в голову, что любой следователь, даже самый недалекий, поймет, что это очевидная уловка, поскольку велосипед – это именно то, что в первую очередь было необходимо преступнику для того, чтобы скрыться?

– Честно говоря, я не могу этого объяснить.

– А ведь не должно существовать такой комбинации событий, которую нельзя было бы объяснить. Позвольте мне в качестве зарядки для ума, никоим образом не претендуя на то, что все в действительности происходило именно так, предложить вам иную версию. Это не более чем догадки, но не догадки ли являются прародителями истины?

Давайте предположим, что в жизни Дугласа была какая-то тайна, какая-то страшная, позорная тайна. Это приводит к тому, что его убивает человек со стороны, скажем, мститель. Этот мститель по какой-то причине (признаюсь, я до сих пор не понимаю, зачем это понадобилось) снимает с трупа обручальное кольцо. Корни этой вендетты могут уходить еще во времена его первой женитьбы, это объяснило бы исчезновение кольца.

Прежде чем мститель успел покинуть комнату, в ней оказались Баркер и жена убитого. Убийца сумел убедить их, что любая попытка задержать его приведет к огласке каких-то неприятных фактов и к жуткому скандалу. Их это напугало, и они предпочли отпустить преступника. Для этого, возможно, опустили мост, что можно сделать практически бесшумно, и снова его подняли. Преступник уходит, по какой-то причине решив, что безопаснее это сделать пешком, чем на велосипеде, поэтому и оставляет свою машину там, где ее обнаружат, когда он уже будет далеко. Пока что мы не выходим за рамки допустимого, не так ли?

– В общем-то, да, это допустимо, – осторожно согласился я.

– Нельзя забывать, Ватсон, что как бы на самом деле ни развивались события, вся эта история очень и очень необычна. Но вернемся к нашей версии. После того как преступник уходит, пара – вовсе не обязательно преступная пара – начинает понимать, в каком положении они оказались. Ведь на них в первую очередь падет подозрение если не в убийстве, то в пособничестве. Они принимают поспешные и весьма бестолковые меры, чтобы обезопасить себя. Баркер оставляет на подоконнике след крови, чтобы натолкнуть следователей на мысль, как убийца покинул дом. Очевидно, они были единственными, кто слышал выстрелы,

и именно это дало им возможность поднять тревогу после того, как они закончили приготовления, спустя полчаса после убийства.

– И как вы предполагаете это доказать?

– Если в деле действительно замешан посторонний человек, его можно выследить и арестовать. Это было бы лучшим доказательством. Если же нет... Что ж, научные ресурсы еще далеко не исчерпаны. Думаю, вечер, проведенный в кабинете без посторонних, в значительной степени поможет мне.

– Вечер?

– Да, я скоро собираюсь туда отправиться. Я заранее договорился об этом с многоуважаемым Эймсом, который недолгобливает Баркера. Для начала я просто посижу в той комнате, глядишь, вдохновение снизойдет. Я, знаете ли, верю в *genius loci*¹⁴. Улыбайтесь, Ватсон? Что ж, посмотрим. Да, кстати, вы, кажется, захватили с собой свой большой зонт?

– Да, он здесь.

– Позвольте его одолжить?

– Конечно... Но что за странное оружие! Если вы считаете, что вам грозит...

– Ничего серьезного, дорогой Ватсон, иначе я непременно позвал бы вас с собой. Но зонт я возьму. Правда, сперва нужно дождаться возвращения наших коллег, которые отправились в Танбридж-Уэлс, чтобы попытаться установить владельца велосипеда.

На улице уже стемнело, когда вернулись инспектор Макдональд и Уайт Мэйсон. Они привезли с собой важные новости, поэтому были очень возбуждены.

– Надо же, а я уж засомневался, что в деле вообще замешан кто-то со стороны, – воскликнул Макдональд. – Но теперь-то все прояснилось. Мы установили, кому принадлежит велосипед, и получили описание этого человека. Это уже большой шаг вперед.

– Похоже, дело близится к концу, – сказал Холмс. – От всей души поздравляю вас обоих с успехом.

– Я начал с того, что задумался, почему мистер Дуглас за день до убийства вернулся из Танбридж-Уэлса взволнованным. Да потому, что там он узнал о грозящей ему опасности. И совершенно очевидно, что человек, приехавший на велосипеде, скорее всего, приехал именно из Танбридж-Уэлса. Мы взяли велосипед с собой и прошли по тамошним гостиницам. Распорядитель в «Игл-коммершиал» сразу же признал его. По его словам, велосипед этот принадлежит человеку по имени Харгрейв, который снял у них номер два дня назад. Этот велосипед и небольшой чемодан – все вещи, которые были при нем. В регистрационной книге он написал, что приехал из Лондона, но адреса не указал. Его чемодан был лондонского производства, содержимое – английского, но сам постоялец явно родом из Америки.

– Так-так, – весело воскликнул Холмс, – вы действительно хорошо потрудились, пока я тут сидел и строил теории со своим другом! Вот хороший урок практической работы, мистер Мак.

– Что верно, то верно, мистер Холмс, – довольно произнес инспектор.

– Но это же подтверждает и вашу теорию, – заметил я.

– Возможно. А возможно, и нет. Но рассказывайте, что было дальше, мистер Мак. Вы смогли установить личность этого человека?

– Сведений о нем было так мало, что нам стало ясно, что он намеренно скрывался. В его номере не было никаких бумаг или писем, на одежде меток тоже не было. На столике у кровати лежала карта дорог графства. Из гостиницы он уехал на своем велосипеде вчера утром, сразу после завтрака, и с тех о нем ничего не было слышно.

– Вот это меня и настораживает, мистер Холмс, – сказал Уайт Мэйсон. – Если бы этот парень хотел остаться в тени, он бы вернулся в гостиницу и прикинулся безобидным тури-

¹⁴ Гений места (*лат.*).

стом. А он что делает?! Неужели он не понимает, что управляющий гостиницей обязательно сообщит в полицию о его исчезновении и тогда его наверняка свяжут с убийством?

– Да, это первое, что приходит на ум. Но наш подозреваемый – хитрая бестия, раз он до сих пор еще не схвачен. Однако вы сказали, что узнали, как он выглядит.

Макдональд раскрыл записную книжку.

– Я записал все, что они смогли рассказать. Правда, информации не так уж много, но носильщик, портье и горничная сходятся на том, что рост его примерно пять футов девять дюймов, лет ему около пятидесяти, волосы и усы у него с легкой проседью, а нос крючковатый. Все они в один голос твердят, что у него злое и отталкивающее лицо.

– М-да, кроме выражения лица, под такое описание подошел бы и сам Дуглас, – сказал Холмс. – Ему тоже было немного за пятьдесят, волосы и усы у него были с проседью, да и росту он был примерно такого же. Что-нибудь еще есть?

– Одет он был в плотный серый костюм с двубортным пиджаком, короткое рыжее пальто, на голове – мягкая кепка.

– Что насчет дробовика?

– В длину он меньше двух футов, так что легко мог поместиться в его чемодан. Отправляясь на дело, он мог спрятать его под пальто.

– И как, по-вашему, все это соотносится с делом в общем?

– Мистер Холмс, – сказал Макдональд, – когда мы поймаем этого человека – а вы можете не сомневаться, что я разослал его описание уже через пять минут после того, как узнал, как он выглядит, – ответить на этот вопрос будет намного проще. Но ведь и сейчас известно уже немало. Мы знаем, что два дня назад в Танбридж-Уэлс приехал американец, который назвал себя Харгрейв. С собой он привез велосипед и чемодан. А в чемодане этом лежал укороченный дробовик, и это означает, что целью его приезда было убийство. Вчера утром он на велосипеде выехал сюда, очевидно, спрятав оружие под пальто. Насколько нам пока известно, никто не видел, как он сюда приехал, но, чтобы добраться до ворот в парк, не обязательно ехать через деревню, да и на дорогах здесь полно велосипедистов, так что на него просто могли не обратить внимания. Можно предположить, что, оказавшись на месте, он сразу спрятал велосипед в кусты, там, где его потом и нашли, и сам засел там же, наблюдая за домом и дожидаясь, когда выйдет мистер Дуглас. Дробовик – не самое подходящее оружие для использования в помещении, значит, скорее всего, он намеревался пустить его в дело на улице, где имеется целый ряд преимуществ. Во-первых, промахнуться из него трудно, а во-вторых, здесь ведь кругом охотничьи угодья и на звуки выстрела никто не обратил бы внимания.

– Прекрасно, продолжайте, – сказал Холмс.

– Но мистер Дуглас так и не вышел. Что делать? Тогда он решает, как стемнеет, оставить велосипед в кустах и войти в дом. Да тут еще и мост опущен, и никого рядом. В общем, такой шанс упускать было нельзя. Если бы в доме он кого-то встретил, придумал бы какую-нибудь отговорку, мол, ошибся домом или что-нибудь в этом роде. Но в доме ему никто не встретился. Поэтому он проскальзывает в первую же комнату, которая попадается ему на пути, и прячется там за шторой. Оттуда он видит, как поднимается мост, и понимает, что теперь его единственный путь к спасению лежит через ров. Он продолжает ждать, и в четверть двенадцатого в комнату с обычным вечерним обходом входит мистер Дуглас. Незнакомец стреляет в него из дробовика и уходит из дома так, как запланировал заранее. Понимая, что служители гостиницы опишут его велосипед и это станет против него уликой, он оставляет его в парке, а сам направляется в Лондон или какое-нибудь заранее подготовленное место, чтобы отсидеться там, пока не уляжется шум. Что скажете, мистер Холмс?

– Что ж, мистер Мак, все звучит вполне логично и убедительно. Но я считаю, что преступление было совершено за полчаса до указанного времени; что миссис Дуглас и Баркер

состоят в сговоре и что-то скрывают; что они помогли убийце уйти из дома... или, по крайней мере, застали его на месте преступления; что они подделали следы, указывающие на то, что он ушел через окно, хотя, вероятнее всего, сами опустили для него мост. Вот так я представляю себе первую половину этого дела.

Двое детективов переглянулись.

– Мистер Холмс, если это правда, то вместо одной загадки мы получаем другую, – сказал лондонский инспектор.

– И вторая почище первой, – добавил Уайт Мэйсон. – Леди никогда в жизни не была в Америке. Что может связывать ее с убийцей-американцем настолько, что она покрывает его?

– Я признаю, вопросы еще есть, – кивнул Холмс. – Поэтому сегодня ночью я собираюсь провести небольшое расследование, и вполне вероятно, что его итоги будут весьма полезны для общего дела.

– Можем ли мы чем-то помочь вам?

– Нет, нет! Темнота и зонтик доктора Ватсона – вот все, что мне нужно. К тому же Эймс, преданный Эймс, наверняка поддержит меня. Все мои мысли сходятся к одному вопросу: почему столь атлетически сложенный человек для тренировок пользовался таким неудобным гимнастическим снарядом, как непарная гантель?

Вернулся Холмс очень поздно. Жили мы в двухспальном номере (это было лучше, что могла предоставить нам деревенская гостиница), поэтому, когда он вошел, я проснулся и сонным голосом пробормотал:

– Ну что, Холмс, что-нибудь выяснили?

Он какое-то время молча постоял рядом с моей кроватью, держа в руке свечу, потом его высокая худая фигура склонилась ко мне.

– Скажите, Ватсон, – вполголоса произнес он, – вы не боитесь спать в одной комнате с сумасшедшим? С человеком, страдающим размягчением мозга, идиотом, полностью утратившим способность понимать, что происходит вокруг?

– Н-нет, ни капли, – изумленно прошептал я в ответ.

– Тогда все хорошо, – сказал он, и больше в ту ночь не было произнесено ни слова.

Глава 7 Решение

На следующее утро после завтрака мы застали инспектора Макдональда и Уайта Мэйсона оживленно беседующими в тесном кабинете местного сержанта полиции. Стол перед ними был завален многочисленными письмами и телеграммами, которые они внимательно просматривали и, делая записи в тетрадку, раскладывали по стопкам. Три листка были отложены в сторону.

– Поиски неуловимого велосипедиста продолжаются? – весело спросил Холмс. – Есть новости о злодее?

Макдональд мрачно кивнул на кучу бумаг.

– Его уже видели в Лестере, Ноттингеме, Саутгемптоне, Дерби, Ист-Хэме, Ричмонде и четырнадцати других местах. В трех из них, в Ист-Хэме, Лестере и Ливерпуле, его уже арестовали. Похоже, вся страна просто кишит подозрительными типами в рыжих пальто.

– Да-а-а, – сочувственно протянул Холмс. – Послушайте, мистер Мак, и вы, мистер Уайт Мэйсон, я хочу дать вам искренний совет. Как вы помните, я взялся за это дело на том условии, что не стану рассказывать о результатах своей работы до тех пор, пока не буду полностью уверен в правильности моих выводов. По этой причине я пока не рассказываю вам всего, что у меня на уме. Но, с другой стороны, я обещал играть по правилам, и, мне кажется, с моей стороны было бы нечестно не сказать вам, что вы тратите силы на совершенно бес-

полезную работу. Именно с этой целью я и пришел сюда сегодня утром – дать вам совет. И совет мой очень прост, его можно выразить в двух словах: прекратите расследование.

Макдональд и Уайт Мэйсон в изумлении уставились на своего знаменитого коллегу.

– Вы считаете, что это безнадежно? – обретя дар речи, спросил инспектор.

– Я считаю безнадежным само дело. Я не хочу сказать, что истину установить не удастся.

– Но как же этот велосипедист? Он же не выдумка, у нас есть его описание, его чемодан, его велосипед, наконец. Сам он должен где-то быть. Почему мы не можем его поймать?

– Да, да, конечно, он существует, и рано или поздно мы узнаем, где он. Но не стоит тратить силы на его поиски в Ист-Хэме или Ливерпуле. Я уверен, что до истины можно добраться более коротким путем.

– Вы от нас что-то скрываете. Нехорошо это, мистер Холмс, – начал раздражаться инспектор.

– Вам известны мои методы, мистер Мак. Но я постараюсь сделать так, чтобы вы все узнали как можно скорее. Мне просто необходимо проверить кое-какие мелочи. Это очень легко сделать, а после этого я распрощаюсь с вами и вернусь в Лондон, передав в ваши руки все результаты своей работы. Я не могу поступить иначе, поскольку слишком многим вам обязан – за всю свою карьеру я еще не встречал дела более интересного и необычного.

– Я ничего не понимаю, мистер Холмс. Вчера, когда мы вернулись из Танбридж-Уэлса, мы с вами встречались и вы как будто были согласны с нашей версией. Что могло произойти с того времени, чтобы вы полностью переменили свою точку зрения?

– Раз уж вы спрашиваете, я, как и говорил, ночью провел несколько часов в усадьбе.

– И что же там случилось?

– Пока что я не могу раскрыть вам подробности. Кстати, я тут прочитал краткое, но очень интересное описание одного старого дома, выставленного на продажу местным табачником за весьма скромную сумму – одно пенни.

С этими словами Холмс достал из жилетного кармана небольшую брошюру с неаккуратной гравюрой на обложке, изображающей старинную усадьбу Берлстоун.

– Знаете, мистер Мак, для следователя иногда бывает очень полезно окунуться в атмосферу того места, где ему приходится работать, покопаться в исторических документах... Не делайте кислую мину, уверяю вас, даже такой сухой документ, как это описание, может дать представление о том, что здесь было когда-то. Позвольте, я приведу пример. «Возведенный в пятый год правления короля Якова Первого на месте некогда существовавшего здесь более древнего здания, особняк Берлстоун является одной из красивейших сохранившихся до наших дней и обнесенных рвом жилых построек в стиле первой четверти семнадцатого века...»

– Вы что, смеетесь над нами, мистер Холмс?

– Ну-ну, мистер Мак. Это первый признак несдержанности, который я у вас замечаю. Хорошо, я не буду читать, раз вы так решительно настроены. Но, если я скажу вам, что здесь упоминается, что в тысяча шестьсот сорок четвертом году этот дом был взят парламентскими войсками под командованием полковника, что здесь во время Гражданской войны несколько дней скрывался Карл Первый Стюарт, и наконец, что здесь бывал Георг Второй, вы не станете отрицать, что с этим древним зданием связано немало интересного.

– Я в этом не сомневаюсь, мистер Холмс, но к нашему делу это не имеет никакого отношения.

– Вы так думаете? Широта взглядов, мой дорогой мистер Мак, – вот одно из самых ценных качеств для представителей нашей профессии. Немного воображения и, казалось бы, совершенно не относящиеся к делу сведения начинают приобретать новый смысл, порой

становятся решающими. Надеюсь, вас не обижают советы человека, который хоть и является всего лишь криминалистом-любителем, но старше и, возможно, опытнее вас.

– Что вы, я с радостью принимаю их, – искренне признался детектив. – Признаюсь, я понимаю, что вы подходите к сути дела, но почему такими окольными путями?

– Ну ладно, ладно, давайте оставим в стороне историю и обратимся к фактам сегодняшним. Как я и говорил, вчера ночью я ходил в усадьбу. Ни с Баркером, ни с миссис Дуглас я не встречался, у меня не было надобности их беспокоить, но я был рад услышать, что леди пребывала в добром расположении духа и прекрасно поужинала. Единственной целью моего визита была встреча с мистером Эймсом, с которым мы мило побеседовали, после чего он позволил мне провести некоторое время в одиночестве в кабинете.

– Что, рядом с трупом? – изумился я.

– Нет-нет, там уже все убрали. Как мне сказали, вы дали на это разрешение, мистер Мак. Теперь комната снова приняла обычный вид, и четверть часа, которую я провел в ней, не прошла даром.

– Чем же вы там занимались?

– Не буду делать загадки из такой ерунды. Я искал пропавшую гантель. Мне ведь с самого начала казалось, что этот снаряд играет большую роль в этом деле. И в конце концов я ее нашел.

– Где?

– О, здесь мы с вами подходим к границе неизведанного. Дайте мне еще немного времени, совсем чуть-чуть, и я обещаю, что все вам расскажу.

– Хорошо, мы ведь играем по вашим правилам, – сказал инспектор, – но, когда вы советуете нам прекратить расследование... Да почему же, черт побери, мы должны прекращать расследование?

– По той простой причине, дорогой мой мистер Мак, что вы даже не понимаете, что расследуете.

– Мы расследуем убийство мистера Джона Дугласа из поместья «Берлстоун».

– Да, да, это понятно. Но не утруждайте себя поисками загадочного велосипедиста. Уверю вас, это вам не поможет.

– Так что же вы предлагаете нам делать?

– Я скажу вам, что делать, если вы пообещаете, что сделаете это.

– Э-э-э... Я хочу сказать, что, насколько я знаю, ваши странности раньше всегда оправдывались... Хорошо, согласен, я сделаю то, что вы скажете.

– А вы, мистер Уайт Мэйсон?

Деревенский сыщик какое-то время в нерешительности и даже как-то беспомощно переводил взгляд с Холмса на Макдональда, мой друг и его методы были ему не знакомы, но потом сказал:

– Что ж, если инспектор согласен на это, то и я возражать не стану.

– Превосходно! – воскликнул Холмс. – В таком случае, я порекомендую вам совершить небольшую приятную прогулку. Говорят, с Берлстоунской гряды открываются изумительные виды на Уилд. Не сомневаюсь, в какой-нибудь местной гостинице вы сможете прекрасно пообедать, хотя я, к сожалению, недостаточно хорошо знаком с этой местностью, чтобы порекомендовать вам какое-то определенное заведение. Ну а вечером усталые, но довольные...

– Ну, знаете, это уже переходит все границы! – гневно вскричал Макдональд, вскакивая со стула.

– Ну, успокойтесь, успокойтесь. Я не настаиваю. Проведите день как-то по-другому, – улыбнулся Холмс и потрепал его по плечу. – Делайте что хотите и идите куда хотите. Но

вечером будьте здесь. Перед тем как стемнеет, я буду вас ждать... И не опаздывайте, мистер Мак.

– Вот это уже более здравые слова.

– Хотя я бы на вашем месте все же прислушался к моему совету. Но дело ваше. Главное, чтобы вы вовремя были на месте. Прежде чем мы расстанемся, я хочу, чтобы вы написали записку мистеру Баркеру.

– Я готов.

– Если хотите, я могу продиктовать. Готовы? *«Дорогой сэръ, в ходе расследования возникла необходимость осушить ров. Мы рассчитываем найти на его дне определенные...»*

– Но это невозможно! – сказал инспектор. – Я узнавал.

– Дорогой сэръ, прошу вас не отвлекаться. Давайте продолжим. *«...Мы рассчитываем найти на его дне определенные улики. Я уже дал необходимые распоряжения. Завтра утром придут рабочие, они на время отведут в сторону ручей...»*

– Это невозможно!

– *«...отведут в сторону ручей, о чем я счел необходимым сообщить Вам заранее».* Теперь подпишите. Пошлете письмо с посылным в четыре часа. Сразу после этого мы с вами встречаемся здесь, в этом кабинете. До четырех часов каждый может распоряжаться временем по своему усмотрению – в расследовании начинается перерыв.

Вечер уже вступил в свои права, когда мы снова собрались в кабинете сержанта полиции. Холмс был очень серьезен, меня разбирало любопытство, а оба детектива не скрывали недовольства.

– Итак, джентльмены, – деловито начал Холмс, – теперь я прошу вас полностью довериться мне. Вы сможете сами решить, насколько верны выводы, к которым я пришел на основании собственных наблюдений. Вечер выдался холодным, и мне неизвестно, насколько затянется наша вылазка, поэтому я рекомендую вам одеться как можно теплее. Крайне важно, чтобы мы находились на своих местах еще до того, как окончательно стемнеет, так что, с вашего разрешения, не будем больше терять времени.

Мы прошли вдоль ограждения парка и остановились у того места, где в решетке была брешь. Пробравшись сквозь нее по одному, вслед за Холмсом мы двинулись по направлению к дому и в сгущающихся сумерках подкрались к густым кустам, которые росли почти точно напротив двери и подъемного моста. Мост еще не поднимали. Мой друг, присев на корточки, скрылся за кустами, и мы все последовали его примеру.

– Ну, и что дальше будем делать? – с мрачным видом спросил Макдональд.

– Наберемся терпения и попытаемся шуметь как можно меньше, – ответил Холмс.

– Да чего ради мы вообще сюда пришли? Не пора ли уже раскрыть карты?

Холмс негромко рассмеялся.

– Ватсон утверждает, что из меня вышел бы отличный театральный режиссер. Признаю, мне действительно близка эта профессия и в душе я всегда ощущал тягу к добротным зрелищным постановкам. Вы ведь не станете отрицать, мистер Мак, что наша с вами работа была бы невероятно скучной, даже неприятной, если бы мы время от времени не имели возможности порадовать себя броскими эффектами? Чего стоит ошеломить подозреваемого прямым обвинением или положить руку на плечо преступника... Но что толку от подобных мелочей? Зато молниеносное умозаключение, искусная ловушка, точнейшее предсказание или триумфальное подтверждение неожиданной версии – это ли не лучшая награда за нашу работу, это ли не предмет особой гордости для сыщика? Вы ведь в эту минуту ощущаете напряжение ситуации? Чувствуете азарт охотника? А если бы я вам все выложил заранее и мы бы действовали как по расписанию, вы что-нибудь подобное испытали бы? Я прошу от вас лишь немного терпения, мистер Мак, очень скоро вам все станет понятно.

– Я надеюсь, мы успеем насладиться этими наградами, предметами особой гордости и всем остальным, прежде чем все околеет тут от холода? – Лондонский сыщик комично поежился.

Мы все желали того же, поскольку дежурство наше затянулось надолго и на улице было действительно очень холодно. Медленно сумерки накрыли мрачное старинное здание. От рва с водой тянуло влажным и зловонным холодом, который пробирал до мозга костей и заставлял нас цокать зубами. Над дверью за мостом светился фонарь, в окне рокового кабинета ровным неярким светом горела лампа, все остальное было черно и неподвижно.

– Долго еще? – в конце концов спросил инспектор. – И вообще, чего мы ждем?

– Сколько еще ждать, я не знаю так же, как и вы, – в голосе Холмса послышались резкие нотки. – Если бы преступники в своих действиях придерживались четкого расписания, как поезда, нам всем, конечно, было бы намного удобнее. Ну а насчет того, *чего* мы ждем... ВОТ чего мы ждем!

В этот миг желтый свет в кабинете несколько раз перекрылся тенью. Кто-то ходил по комнате. Кусты, за которыми мы лежали, находились прямо напротив окна, не более чем в ста футах. Скрипнув петлями, оно открылось, показался темный мужской силуэт. Незнакомый выглянул в окно и осмотрелся по сторонам. Еще несколько минут он воровато всматривался в темноту, как будто хотел убедиться, что вокруг никого нет и его никто не увидит. Потом он подался вперед, перегнулся через подоконник, и мертвая тишина нарушилась тихим шелестом потревоженной воды. Похоже, у человека в руке был какой-то предмет, которым он водил по рву. Затем неожиданно движением удильщика, вытаскивающего рыбу, он достал что-то из воды, какой-то большой круглый предмет, который перекрыл свет, когда он втягивал его в окно.

– Вперед! – взволнованно крикнул Холмс. – Вперед!

Мы вскочили и на одеревеневших от долгого сидения на холоде ногах бросились следом за ним. Холмс перебежал через мост и принялся изо всех сил звонить в колокольчик у двери. Громыкнули дверные запоры, и в следующую секунду перед нами предстал растерянный Эймс. Не говоря ни слова, Холмс бросился мимо него в дом и ворвался в комнату, где находился человек, за которым мы наблюдали.

Кабинет освещался единственной масляной лампой. Когда мы вбежали, ее держал Сесил Баркер. Он повернулся в нашу сторону и поднял лампу над головой. Тусклый свет озарил его решительное чисто выбритое лицо и темные недобрые глаза.

– Что это значит? – воскликнул он. – Какого дьявола, что вам нужно?

Холмс обвел быстрым взглядом комнату и указал на мокрый перевязанный веревкой сверток, который лежал там, куда его, видимо, поспешно забросили, под письменным столом.

– Вот что нам нужно, мистер Баркер... Этот сверток, утяжеленный гантелью, который вы только что подняли со дна рва.

Брови Баркера изумленно взметнулись вверх.

– Как, черт возьми, вы о нем узнали? – спросил он.

– Очень просто. Я сам его туда положил.

– Вы? Вы положили его туда?

– Пожалуй, лучше было бы сказать «вернул на место», – спокойно произнес Холмс. – Инспектор Макдональд, вы помните, как меня озадачило отсутствие одной гантели? Я указал вам на этот факт, но другие неотложные дела не оставили вам времени обдумать это и сделать соответствующие выводы. Когда, с одной стороны, имеется водоем, а с другой – некое исчезнувшее тяжелое тело, не надо быть гением дедукции, чтобы понять, что груз понадобился для того, чтобы спрятать что-то под водой. По крайней мере, это стоило проверить. И вот с помощью Эймса, который пустил меня в кабинет, и изогнутой ручки зон-

тика доктора Ватсона вчера вечером я сумел выудить и исследовать этот сверток. Но чрезвычайно важно было выяснить, кто спрятал его на дне рва. Это удалось сделать без особого труда. Весть о том, что завтра ров будет осушен, конечно же, заставила человека, спрятавшего сверток, принять решение незаметно вытащить его, и как можно скорее, то есть как только стемнеет. Человеком этим оказались вы, чему есть как минимум четыре свидетеля, так что, мистер Баркер, теперь слово за вами.

Шерлок Холмс поставил мокрый тюк на стол и развязал веревку. Первым делом он достал гантель и бросил ее в угол, где лежал ее близнец. Потом он вытащил из свертка пару ботинок.

– Как видите, американские, – сказал он, показав на их носки.

Затем он выложил на стол длинный грозного вида нож в ножнах и наконец развернул сам узел, который, как оказалось, состоял из полного комплекта нижнего белья, носков, серого твидового костюма и короткого рыжего пальто.

– Одежда вполне обычная, – заметил Холмс, – а вот пальто намного интереснее. – Он аккуратно развернул его и стал рассматривать. – Видите, здесь имеется очень глубокий внутренний карман, который удобно заходит за подкладку, специально для ношения укороченного огнестрельного оружия. У воротника бирка – «Нил. Одежда и обмундирование. Вермисса, США». Знаете, сегодняшний день я провел в библиотеке приходского священника, там я пополнил свои знания интересным фактом: Вермисса – это процветающий маленький городок, расположенный в долине одного из самых известных угледобывающих и железорудных районов США. Я запомнил, мистер Баркер, что вы упоминали промышленные районы, рассказывая о первой жене мистера Дугласа, и вовсе нетрудно догадаться, что буквы «Д. В.» на карточке, обнаруженной рядом с трупом, могут означать «Долина Вермиссы» и что именно эта долина, рассылающая эмиссаров смерти, и есть та самая Долина Ужаса, о которой мы слышали. Пока все достаточно ясно. Но, мистер Баркер, я, похоже, увлекся, а вы наверняка хотите нам что-то сказать.

Интересно было наблюдать, как менялось выразительное лицо Сесила Баркера во время этого несколько затянувшегося выступления великого детектива. Сначала его исказила злоба, потом появилось удивление, затем испуг и растерянность, а под конец на нем прочно обосновалась насмешливая улыбка.

– Вам так много известно, мистер Холмс! Может быть, мы лучше еще вас послушаем? – хмыкнул он.

– Можете не сомневаться, мистер Баркер, я еще много чего могу рассказать. Но, мне кажется, это все же лучше сделать вам.

– Вы так думаете? Что ж, я могу сказать одно: если здесь и есть тайна, то это не моя тайна и я не намерен ее раскрывать.

– В таком случае, мистер Баркер, – тихо, но внушительно произнес инспектор, – нам придется присмотреть за вами, пока не придет ордер на ваш арест.

– Дело ваше, – с нагловатой ухмылкой бросил Баркер.

Похоже, разговор зашел в тупик, поскольку одного взгляда на его каменное лицо было достаточно, чтобы понять, что и под пыткой он не станет ничего рассказывать. В комнате воцарилась напряженная тишина, которую неожиданно нарушил женский голос. Оказалось, что все это время за полуприкрытой дверью стояла миссис Дуглас. Разумеется, она слышала каждое слово.

– Ты сделал все, что мог, Сесил, – сказала она, входя в кабинет. – Чем бы это ни закончилось, ты сделал все, что мог.

– Все, что мог, и даже больше, – глухо произнес Шерлок Холмс. – Мадам, я хочу, чтобы вы знали, я полностью на вашей стороне, поэтому советую вам проявить благоразумие и положиться на справедливость правосудия. Вам будет лучше оказать содействие полиции и

рассказать обо всем добровольно. Возможно, я сам виноват, что не понял ваш намек, который вы передали мне с моим другом, доктором Ватсоном, но я тогда был убежден, что вы напрямую причастны к преступлению. Теперь я уверен, что это не так. В то же время в этом деле остается еще очень много загадок, и я настоятельно советую вам просить мистера Дугласа, чтобы он сам рассказал нам свою историю.

Слова Шерлока Холмса заставили миссис Дуглас вскрикнуть от удивления. Я не поручусь, что мы с детективами не повели себя так же, когда заметили, как в углу, словно из ниоткуда, возник человек и вышел из темноты на освещенную середину комнаты. Миссис Дуглас бросилась ему навстречу и прижалась к его груди. Баркер пожал протянутую руку.

– Так будет лучше, Джек. Так будет лучше, – прошептала его жена.

– Действительно, мистер Дуглас, – сказал Шерлок Холмс. – Я уверен, для вас так будет лучше.

Мужчина стоял неподвижно и поглядывал на нас, щурясь, как человек, внезапно вышедший из темноты на свет. У него было необычное лицо: умные серые глаза, густые коротко стриженные седоватые усы, квадратный выступающий подбородок и добрые пухлые губы. Он внимательно осмотрел всех нас, потом, к моему удивлению, шагнул ко мне и протянул связку бумаг.

– Я слышал о вас, доктор Ватсон, – выговор его не походил ни на английский, ни на американский, но голос у него был спокойный и приятный. – Вы тут вроде историка. Я готов биться об заклад на последний доллар, что такой истории, как эта, в ваши руки еще не попадало. Можете рассказать ее своими словами, только не меняйте факты, и тогда успех у публики будет вам обеспечен. Я два дня просидел взаперти в этой мышеловке и, пока на улице было светло, записывал все, что знаю, на бумагу. Я передаю эти записи вам... и вашим читателям. Это история Долины Ужаса.

– Но все это дело прошлого, мистер Дуглас, – ровным голосом произнес Шерлок Холмс. – Мы хотим услышать от вас рассказ о настоящем.

– Услышите, сэр, – заверил его Дуглас. – Вы позволите мне курить, пока я буду рассказывать? Благодарю вас, мистер Холмс. Насколько я помню, вы и сами курильщик, поэтому поймете, каково это – два дня просидеть с табаком в кармане и не иметь возможности закуристь, опасаясь, что запах выдаст тебя. – Он наклонился к камину и с жадностью раскурил сигару, которую дал ему Холмс. – Я о вас слышал, мистер Холмс. Вот уж не думал, что когда-нибудь нам доведется встретиться. Но еще раньше, чем вы разберетесь с этим, – кивнул он на бумаги у меня в руках, – вы поймете, что такого в вашей практике еще не встречалось.

Инспектор Макдональд в величайшем изумлении буравил странного человека глазами.

– Голова идет кругом! – наконец не выдержал и вскричал он. – Если вы – мистер Джон Дуглас из поместья Берлстоун, тогда чье убийство мы расследовали эти два дня? И откуда, объясните, вы сейчас взялись? Мне показалось, вы выпрыгнули просто из пола, как черт из табакерки.

– Эх, мистер Мак, – Холмс погрозил ему пальцем, – вы так и не прочитали ту изумительную брошюру, в которой описывалось, как король Карл скрывался здесь. В те дни люди знали толк в тайниках и потайных комнатах. А то, что использовалось однажды, всегда можно использовать еще раз. Вот я был практически уверен, что мистер Дуглас все еще находится где-то в этом доме.

– И как долго вы от нас это скрывали, мистер Холмс? – с чувством обиды спросил инспектор. – Долго вы наблюдали за тем, как мы тратим все силы на поиски, зная, что это совершенно пустое занятие?

– Что вы, дорогой мистер Мак, я все окончательно понял только вчера. Поскольку мои выводы могли подтвердиться только этим вечером, я и предложил вам с коллегой сегодня устроить выходной. Право же, что еще я мог сделать? Когда я обнаружил тюк с одеждой

во рву, у меня тут же зародилось подозрение, что труп, который мы видели, это не мистер Джон Дуглас, а велосипедист из Танбридж-Уэлса. Это был единственный возможный вывод. Следовательно, передо мной встала задача выяснить, где находится сам мистер Дуглас. И, вероятнее всего, он все еще находился в этом доме, который прекрасно оборудован для того, чтобы скрывать здесь беглецов, и дожидался того времени, когда все уляжется и можно будет уйти окончательно. Конечно же, ему помогали жена и друг.

– Да, вы все верно просчитали, – одобрительно кивнул Дуглас. – Я подумал, что мне лучше всего будет исчезнуть, я ведь не понимал, в каком положении нахожусь в глазах вашего британского закона. К тому же я понял, что так раз и навсегда смогу избавиться от этих псов, идущих по моему следу. Я хочу сказать, что не сделал ничего такого, чего мне нужно было бы стыдиться, и ничего такого, чего не сделал бы снова, но вы сами это поймете, когда услышите мой рассказ. Можете не предупреждать, инспектор, я твердо решил рассказать всю правду.

Начну я не с самого начала. Это вы прочитаете там, – показал он на бумаги, которые я держал в руках. – И голову даю на отсечение, что такого вы еще не читали. Если в двух словах, то есть люди, у которых имеются причины ненавидеть меня, и они готовы на все, чтобы отправить меня на тот свет. До тех пор, пока жив я и живы они, спокойной жизни у меня не будет. Они преследовали меня в Чикаго и выследили в Калифорнии. Из-за них мне пришлось уехать из Америки. Но, когда я женился и осел здесь, в этом тихом месте, у меня появилась надежда, что хоть остаток жизни я проведу спокойно. Жену я в свои дела не посвящал, не хотел втягивать ее во все это. Зачем – она бы после этого не смогла жить спокойно, ей бы всюду стала мерещиться опасность. Она, конечно же, о чем-то таком догадывалась, пару раз у меня слетали с языка неосторожные слова, но до вчерашнего дня, до разговора с вами, джентльмены, она не знала, что происходит на самом деле. Она действительно рассказала вам все, что знала, и Баркер, кстати, тоже, ведь в ту ночь, когда это произошло, времени на объяснения не было. Сейчас она знает все, и я жалею, что не доверился ей раньше. Поверь, решиться рассказать тебе все мне было очень трудно, дорогая. – Он на миг сжал ее ладонь. – Я думал, что поступаю правильно.

Так вот, джентльмены, за день до того, что произошло, я ездил в Танбридж-Уэлс, и там на улице случайно увидел одного человека. Я заметил его лишь мельком, краешком глаза, но и этого мне хватило, чтобы узнать его. Это был мой злейший враг, тот, кто все эти годы преследовал меня, как голодный волк карибу. Я понял, что опасность не за горами, поэтому вернулся домой и стал готовиться к встрече. Знаете, я ведь надеялся только на свою удачу, которая меня никогда не подводила. В середине семидесятых в Штатах ходили легенды о том, какой я счастливчик... Ну, в общем, весь следующий день я был начеку. В парк не выходил, потому что понимал, что там он уложит меня из своего дробовика, так что я пикнуть не успею. Когда подняли мост (мне всегда становилось чуточку спокойнее, когда его поднимали на ночь), я успокоился. Мне и в голову не приходило, что он уже как-то проник в дом и поджидает меня внутри. Но когда я в халате стал, как обычно, обходить комнаты, то перед тем, как войти в кабинет, меня как будто кольнуло что-то внутри. Наверное, когда человеку много раз приходилось сталкиваться с опасностью (а я, уж поверьте, как никто знаю, что это такое), у него вырабатывается какое-то шестое чувство. Не знаю как, но я ясно почувствовал, что в кабинете кто-то есть. В ту же секунду я увидел под шторой ботинок, и мне все сразу стало понятно.

У меня в руке была только одна свеча, но в холле ярко горела лампа, так что в кабинете было достаточно светло. Я поставил свечу и бросился к камину за молотком, который лежал на полке. И почти одновременно с этим он выскочил из-за шторы и кинулся на меня. Я заметил, что в его руке блеснул нож, я отмахнулся молотком и, наверное, попал в него, потому что нож со звоном упал на пол. Он, как угорь, скользнул за стол и выхватил свое

ружье. Я услышал, как он взвел курки, но, к счастью, успел вцепиться в него до того, как он выстрелил. Я держался за стволы, он – за приклад. С минуту мы боролись, пытаясь вырвать друг у друга оружие.

Он его так и не выпустил, но на какой-то миг опустил приклад вниз. Не знаю, может, это и я спустил курок, может быть, ружье выстрелило само, мы ведь выкручивали его друг у друга из рук, как бы то ни было, он получил двойной заряд прямо в лицо. То, что осталось от Теда Болдуина, рухнуло на пол к моим ногам. Это его я видел в городе и узнал сейчас, когда он выпрыгивал из-за шторы. Правда, теперь его не узнала бы даже родная мать. Я повидал на своем веку многое, но, когда я увидел, во что он превратился, меня чуть не стошнило.

Я все еще стоял над ним, опираясь о стол, когда в кабинет ворвался Баркер. Потом на лестнице раздались шаги жены, и я подбежал к двери, чтобы не дать ей войти. Не годится женщине такое видеть. Я сказал ей, что скоро поднимусь. Когда она ушла, я что-то начал объяснять Баркеру, но он и сам сразу понял, что произошло. Мы уже начали думать, что говорить слугам, которые должны были сбежаться на шум, но никто не шел. Тут-то мы и поняли, что они не могли ничего услышать, и о том, что произошло, кроме нас, никто не знает. И вот именно тогда мне в голову и пришла эта мысль. Я, честно говоря, сам удивился, насколько все удачно сложилось. У трупа один рукав сбился наверх, и на руке его я увидел знак ложи. Такой же, как у меня, смотрите.

Человек, которого мы узнали под именем Дуглас, расстегнул манжету, закатил рукав и показал нам на своем предплечье коричневый треугольник, вписанный в круг, точно такой же, какой мы видели на руке мертвеца.

– Это и натолкнуло меня на эту мысль. Я вмиг понял, как все можно обустроить. Рост у него такой же, как у меня, волосы, фигура – все совпадало. Лица у этого несчастного почти не осталось. Тогда я принес свою одежду, мы с Баркером за пятнадцать минут переодели его и положили так, как вы видели. Его вещи мы скрутили в узел, я сунул в него единственный тяжелый предмет, который нашелся под рукой, и швырнул сверток за окно в воду. Карточка, которую он собирался оставить рядом с моим телом, осталась лежать рядом с ним.

Мы переодели на него мои кольца, но когда дело дошло до обручального, – он вытянул мускулистую руку, – сами видите. Я не снимал его со дня свадьбы, и теперь пришлось бы очень сильно повозиться, чтобы стянуть его с пальца. Да и вряд ли бы я согласился с ним расстаться, а если бы и согласился, не уверен, что это получилось бы. Пришлось обойтись без него, в надежде, что никто такой мелочи не заметит. Зато я принес пластырь, отрезал кусочек и приклеил ему на подбородок в том же месте, что и у меня. Между прочим, мистер Холмс, вы, конечно, человек умный, но тут дали маху. Если бы вы отклеили этот пластырь, вы бы увидели, что под ним нет никакой раны.

Ну вот, такая заварилась каша. Если бы мне удалось отсидеться, потом уехать куда-нибудь со своей «вдовой», у нас бы наконец появилась возможность жить спокойно. Эти дьяволы не оставили бы меня в покое до тех пор, пока я хожу по земле, но вот если бы увидели в газетах, что Болдуин сделал свое дело, тогда моим бедам пришел бы конец. У меня не было времени, чтобы объяснить это все Баркеру и жене, но в общих чертах они поняли, что к чему, и согласились помочь мне. Мне давно было известно, что в комнате есть тайник, прекрасно знал о нем и Эймс, но ему не пришло в голову связать его с убийством, поэтому он туда не заглядывал. Я укрылся в нем, все остальное сделал Баркер.

Думаю, вы и сами понимаете, что именно он сделал. Он открыл окно и оставил на подоконнике след, чтобы все подумали, будто убийца ушел через него. Конечно, все это выглядело очень неправдоподобно, но что поделать, мост уже подняли, поэтому выбора не оставалось. Потом он громко позвонил в звонок. Все, что было после этого, вам известно. Итак, джентльмены, я рассказал вам всю правду, и теперь вы можете поступать так, как считаете

нужным, и да поможет мне Бог! Я хочу знать, как мои действия расценивают английские законы.

Наступило молчание. Первым заговорил Холмс.

– Английские законы в основном справедливы. Никто не станет специально сгущать краски, мистер Дуглас. Но вот что я хочу знать: как этот человек узнал, где вы живете, как попасть в дом и где вас дожидаться?

– Понятия не имею.

Лицо Холмса сделалось бледным и глубокомысленным.

– Боюсь, что история эта еще не закончилась, – сказал он. – Вам может грозить опасность пострашнее английского правосудия или даже ваших американских врагов. Зло не оставило вас. Мой вам совет, мистер Дуглас, – все время будьте настороже.

А теперь, мои терпеливые читатели, я прошу вас вместе со мной покинуть Берлстоун и старинную усадьбу, а также и тот год, когда мы совершили эту удивительную поездку в Суссекс, закончившуюся странным рассказом человека, который называл себя Джоном Дугласом. Я хочу перенести вас на двадцать лет в прошлое и на несколько тысяч миль западнее для того, чтобы поведать о событиях настолько фантастических и жутких, что, возможно, вы откажетесь в них верить, даже несмотря на мой рассказ, даже несмотря на то, что все это происходило в действительности.

Не подумайте, что я берусь за новую историю, не доведя до конца предыдущую. Читая дальше, вы убедитесь, что это не так. А когда я изложу вам подробности и вы разгадаете эту загадку прошлого, мы с вами снова встретимся в квартире на Бейкер-стрит, где, подобно множеству других невероятных событий, и закончится эта история.

Часть 2 «Сердитые»

Глава 1 Человек

Было четвертое февраля тысяча восемьсот семьдесят пятого года. В последние месяцы в Гилмертонских горах мело почти не переставая, так что ущелья были завалены снегом чуть ли не до самых вершин. Правда, железнодорожную линию, которая соединяла растянувшиеся на долгие мили поселки шахтеров, добывающих каменный уголь и железную руду, постоянно расчищали паровыми снегоочистителями. Вечерний поезд медленно полз в гору, пробираясь из Стэгвилла в долине до Вермиссы, местного центра, расположенного в изголовье долины с тем же названием – Вермисса. Оттуда путь шел вниз, по направлению к разъезду Бартонс в Хелмдейле и округу Мертон, традиционно сельскохозяйственному району. Эта железная дорога была однопутной, но на каждой ветке, а их тут было множество, стояли длинные груженые углем и железной рудой составы, свидетельствующие о том скрытом под землей богатстве, которое и привлекло в эту глухомань простой грубоватый люд и наполнило ее кипящей, беспокойной жизнью.

И правда, другого такого глухого места было не сыскать во всех Соединенных Штатах Америки! Вряд ли первый землепроходец, пересекший эту долину, мог представить себе, что прекрасные бескрайние прерии и покрытые буйной растительностью земли не стоят ничего по сравнению с этим краем унылых черных скал и дремучих лесов, где над темными, почти непроходимыми зарослями со всех сторон вздымаются огромные лысые утесы в шапках снега, оставляя в середине длинную излучистую равнину. Вот эту-то равнину и пересекал маленький поезд.

Масляные лампы только что зажглись в первом пассажирском вагоне. Здесь ехало человек двадцать-тридцать, и большей частью это были рабочие, возвращающиеся домой из долины. Около дюжины из них были шахтерами, на что указывали их темные от въевшейся пыли лица и висящие на плечах фонари. Они сидели группой, курили и тихими голосами что-то обсуждали, то и дело посматривая на двух мужчин, сидевших в другом конце вагона, форма и значки которых свидетельствовали о том, что это полицейские.

Кроме них, в вагоне ехало несколько бедно одетых женщин, пара-тройка других пассажиров, возможно мелких местных лавочников и молодой человек, который держался в сторонке. Именно этот человек нас и интересует. Присмотритесь к нему получше, ибо он того стоит.

Выглядит он свежо, особенным ростом или статностью фигуры не отличается, и с виду ему немногим более тридцати. Из-за стекол очков поблескивают большие серые глаза, добрые, но пронзительные, которыми он время от времени, помаргивая, с любопытством обводит людей вокруг себя. Легко можно понять, что по натуре он открыт, скорее всего, общителен, дружелюбен со всеми, кто его окружает. Любой, едва взглянув на него, сразу скажет, что рядом с человеком с такой располагающей улыбкой и живым умом никогда не почувствуешь себя скованно или неуверенно. Но тот, кто присмотрится к нему внимательнее, заметит и твердый обвод скул, и строгую линию губ, и поймет, что на самом деле он совсем не так прост и что, в какое бы общество ни попал этот приятный темноволосый ирландец, он непременно оставит в нем свой добрый или недобрый след.

Попытавшись пару раз заговорить с сидящим рядом шахтером и не услышав в ответ ничего, кроме нескольких коротких неприветливых фраз, путешественник угрюмо замолчал и стал смотреть в окно. Пейзажи, на которые пал его взгляд, не были живописными или радостными. В сгущающихся сумерках на склонах холмов пульсировали красными точками горнила. Повсюду были видны огромные шлаковые и угольные горы, над которыми возвышались копры шахт. Иногда мимо проплывали группки жмущихся друг к другу убогих деревянных домишек с тускло освещенными окнами, и все многочисленные полустанки, которые проезжал поезд, были запружены их чумазыми обитателями.

Железородные и угольные долины Вермиссы – не место для праздных или изнеженных. Здесь повсюду видны мрачные следы безжалостной борьбы за выживание. Здесь нет таких, кому живется легко. Работа здесь тяжелая, и выполняют ее люди сильные и грубые.

Молодой путешественник всматривался в безрадостный пейзаж за окном с отвращением и интересом, что свидетельствовало о том, что в этих краях он впервые. Время от времени он доставал из кармана толстый конверт, вынимал из него письмо, читал и делал на его полях кое-какие заметки. Один раз откуда-то из-за спины он достал предмет, который никак нельзя было ожидать увидеть в руках такого приятного с виду молодого человека. Это был флотский револьвер самого крупного калибра. Когда он повернул его наискосок к свету, в барабане блеснули медными капсюлями патроны – револьвер был полностью заряжен. Он быстро вернул оружие в потайной карман, но не раньше, чем на него обратил внимание рабочий, сидевший на соседней скамье.

– Ого, приятель! – воскликнул шахтер. – Я вижу, ты хорошо подготовился.

Молодой человек неловко улыбнулся.

– Да, – сказал он. – В тех местах, откуда я еду, такие штуки иногда бывают очень кстати.

– Откуда ж ты к нам пожаловал?

– Из Чикаго.

– В наших краях впервые?

– Да.

– Здесь эта игрушка тебе тоже может пригодиться, – заметил рабочий.

– В самом деле? – несколько оживился молодой человек.

– Ты что, не слыхал, что тут творится?
– Нет, ничего такого не слышал.
– Надо же, а я думал, в стране только об этом и болтают! Ну ничего, скоро ты все узнаешь. Так что тебя привело к нам?
– Говорят, здесь всегда есть работа для того, кто не боится руки мозолить.
– Ты состоишь в Союзе?
– Конечно.
– Ну, тогда, я думаю, без работы не останешься. Друзья у тебя есть?
– Пока нет, но я знаю, как их найти.
– Это как же, интересно?
– Я член Великого ордена свободных тружеников. В каждом городе есть своя ложа, а там, где есть ложа, я всегда могу найти друзей.

Это признание произвело неожиданное впечатление на его попутчика. Он с подозрением оглянулся на остальных пассажиров. Шахтеры все еще шушукались, двое полицейских дремали. Мужчина подсел ближе к молодому путешественнику и протянул ему ладонь.

– Держи, – сказал он.

Они пожали руки.

– Вижу, ты говоришь правду, – сказал рабочий, – но всегда неплохо и проверить.

Он поднял правую руку и прикоснулся к правой брови. Путешественник тут же поднял левую руку и прикоснулся к левой брови.

– Темные ночи неприветливы, – произнес рабочий.

– Да, для странников в чужом краю, – ответил сероглазый ирландец.

– Этого хватит. Я брат Сканлан, ложа 341, долина Вермисса. Добро пожаловать в наши края.

– Спасибо. Я брат Джон Макмердо, ложа 29, Чикаго. Владыка – Дж. Х. Скотт. Но я рад, что сразу же встретил брата.

– Вообще-то нас тут много. Нигде в Штатах Орден так не процветает, как здесь у нас, в Вермиссе. Но ты, я вижу, парень хваткий, нам такие нужны. Скажи, а что же ты в Чикаго без работы остался, если ты член Союза?

– Работы было полно, – ответил Макмердо.

– Почему же уехал оттуда?

Макмердо кивнул в сторону полицейских и улыбнулся.

– Я думаю, что эти ребята тоже хотели бы это узнать.

Сканлан понимающе хмыкнул.

– Что, проблемы? – спросил он, понизив голос.

– Большие.

– Каталажка светит?

– Даже хуже.

– Неужто ты пришел кого?

– По-моему, нам еще рано обсуждать такие вопросы, – сказал Макмердо с видом человека, который понял, что сболтнул лишнее. – Я уехал из Чикаго, и у меня были на то причины. На этом все. А с чего тебя это так интересует? – Его свинцовые глаза неожиданно зло блеснули за стеклами очков.

– Да все в порядке, приятель, я не хотел тебя обидеть. Нашим ребятам все равно, что ты там натворил. Так куда ты путь держишь?

– В Вермиссу.

– Это через две остановки на третью. Где ты остановишься?

Макмердо достал конверт и поднес его к грязной масляной лампе.

– У меня тут записано... Джейкоб Шафтер, Шеридан-стрит. Эту гостиницу посоветовал мне один знакомый в Чикаго.

– Такой не знаю. Но я в Вермиссе редко бываю – сам-то я живу в Хобсонс-пэтч. Как раз подъезжаем. Знаешь что, перед тем, как мы распрощаемся, я хочу тебе кое-что посоветовать. Если в Вермиссе возникнут неприятности, иди сразу в Дом Союза, к боссу Макгинти. Он владыка вермисской ложи. Все, что происходит здесь, делается по воле Черного Джека Макгинти. Ну, прощай, приятель. Может, как-нибудь еще увидимся вечером в ложе. Но не забудь: если что – иди к боссу Макгинти.

Сканлан сошел с поезда, и Макмердо снова остался наедине со своими мыслями. За окном наступила ночь, и в темноте гудели и прыгали огни металлургических печей. На фоне этих зловещих огненных языков четко выделялись темные фигуры, которые медленно, натужно сгибались и выпрямлялись, словно в невероятном усилии крутили колеса невидимых лебедок, и движения их словно были подчинены ритму не имеющего ни начала, ни конца лязга металла и вечному реву огня в горнилах.

– Наверное, примерно так выглядит ад, – произнес чей-то голос.

Обернувшись, Макмердо увидел, что один из полицейских, вытянув шею, смотрит в окно.

– Что там выглядит! – поддержал второй полицейский. – Может статься, что это он и есть. Если в мире и существуют настоящие дьяволы, то живут они именно здесь. Вы, молодой человек, впервые в этих краях?

– Ну, допустим, и что с того? – неприязненно произнес Макмердо.

– Я всего лишь хочу посоветовать вам, мистер, быть внимательным в выборе друзей. На вашем месте я бы не стал начинать с Майка Сканлана или кого-то из его банды.

– А какое вам дело до того, кто мои друзья? – вскричал Макмердо таким голосом, что все, кто был в вагоне, повернулись в его сторону. – Я что, просил мне советовать? Или вы думаете, я такой сопляк, что без вас не разберусь, что мне делать? Если мне понадобятся ваши советы, я сам к вам обращусь, только ждать вам этого придется очень долго!

Он задрал подбородок и ослабил, показав зубы, как рычащий пес.

Полицейские, оба грузные и добродушные, были удивлены таким несдержанным ответом на обычный дружеский совет.

– Никто не собирался обижать вас, – сказал один из них. – Это было просто предупреждение для вашего же блага, вы же сами сказали, что до этого здесь не бывали.

– Не бывал, зато мне уже приходилось встречаться с вашим братом! – зло бросил Макмердо. – Думаю, все вы одинаковые, суетесь со своими советами, когда вас никто не просит.

– Ничего-ничего, может, скоро мы снова встретимся, – один из полицейских усмехнулся. – Вы, я вижу, парень не промах.

– Да, я тоже так думаю, – поддержал его напарник. – Встретимся и познакомимся поближе.

– Только не надо меня пугать, я вас не боюсь, – воскликнул Макмердо. – Я Джек Макмердо... Захотите встретиться – найдете меня у Джейкоба Шафтера на Шеридан-стрит в Вермиссе. Убедились? Я не собираюсь ни от кого прятаться. Можете приходите хоть днем, хоть ночью.

По группе сидящих поодаль шахтеров прокатился одобрителный гул. Полицейские пожали плечами и вернулись к своему разговору.

Через несколько минут поезд остановился у большой полутемной станции. Из вагонов вышли почти все, поскольку Вермисса была самым крупным населенным пунктом на этой железнодорожной линии. Макмердо взял свой саквояж и уже хотел выходить, как к нему обратился один из шахтеров.

– Клянись Богом, приятель, неплохо ты отшил фараонов, – с уважением сказал он. – Мы тут просто заслушались! Давай свой саквояж, я помогу нести, заодно дорогу покажу. Мне домой как раз мимо Шафтера идти.

С платформы они спускались под одобрительные возгласы остальных шахтеров и дружные пожелания спокойной ночи. Так сорвиголова Макмердо стал известен в Вермиссе еще до того, как ступил на ее землю.

Окрестности города производили гнетущее впечатление, но сам город казался еще более ужасным местом. В долине, в безумной пляске огней и медленном движении бескрайних клубов дыма, хотя бы чувствовалось какое-то грозное величие. Циклопические горы шлака, окружающие каждую шахту, говорили о силе и упорстве людей, которые их создали. Город же мог поразить разве что крайней степенью уродства и нищеты. Движение превратило главную улицу в ужасную кашу из слякоти, перемешанной со снегом, тротуары были узкими и неровными. Тусклый свет многочисленных газовых фонарей только подчеркивал, какими убогими и грязными были дома, выстроившиеся длинными рядами верандами на улицу.

Когда они подошли к центру городка, картина немного освежилась яркими витринами нескольких магазинов. Оказалось, что здесь даже имеются несколько баров и игорных домов, в которых шахтеры расставались со своими, хоть и заработанными тяжким трудом, но все же немалыми деньгами.

– Это Дом Союза, – провожатый указал на один из салунов, почти дотягивающий до уровня гостиницы. – Тут главный Джек Макгинти.

– А кто это? – поинтересовался Макмердо.

– Ты что, никогда не слышал о боссе?

– Ты же знаешь, что я только что приехал, как я мог о нем слышать?

– Ну, я думал, что его по всей стране знают. В газетах о нем постоянно пишут.

– С чего бы это?

– Да так, есть причины, – понизил голос шахтер.

– Какие причины?

– Господи! Чудной ты человек, в самом деле. В здешних краях интересуются только одним. «Сердитыми».

– А, я в Чикаго, кажется, читал о «сердитых». Это ведь банда убийц, верно?

– Тише ты! – шикнул шахтер и тревожно оглянулся по сторонам. – Что ты орешь на всю улицу? Жить надоело? Тут у нас и не за такое могут избить до смерти.

– Да я ничего о них не знаю. Так в газетах пишут.

– Я и не говорю, что в газетах пишут неправду. – Мужчина все беспокойнее всматривался в тени, как будто почувствовал приближение опасности. – Если казнь называть убийством, то да, это убийцы. Только боже упаси тебя, незнакомец, упоминать рядом с этим словом имя Джека Макгинти. Он знает о каждом вздохе на улицах этого города, а уж такое он просто так не оставит, можешь быть уверен. Вон дом, который тебе нужен, вон тот, в глубине улицы. Говорят, старина Джейкоб Шафтер – честный человек.

– Спасибо тебе. – Макмердо пожал руку новому знакомому, дошел до гостиницы и, не выпуская из рук саквояжа, громко постучал.

Дверь распахнулась почти сразу, но, увидев, кто ее открыл, молодой человек удивленно замер. Это была женщина, молодая и необыкновенно красивая. Лицо у нее было германского типа: светлая кожа, белокурые волосы, только прекрасные глаза ее были неожиданно темны. Слегка смутившись, она окинула взглядом гостя. Макмердо показалось, что еще никогда в жизни он не видел ничего более красивого, чем эта девушка, стоящая в потоке света, любуясь на унылую темную улицу из открытой двери. Случись ему найти прекрасную нежную фиалку на одном из тех черных холмов шлаковой массы, которыми усеяна вся долина,

он и то удивился бы меньше. Молодой человек был настолько поражен, что стоял и молча смотрел на девушку, пока она сама не заговорила.

– Я думала, это отец, – с приятным, едва заметным немецким акцентом произнесла она. – Вы к нему пришли? Он ушел в город, но должен с минуты на минуту вернуться.

Макмердо еще какое-то время рассматривал прекрасную незнакомку, чем смутил ее еще больше. Не выдержав его прямого взгляда, она потупила глаза.

– Нет, мисс, – наконец сказал он. – Я пришел не для того, чтобы с ним встретиться. Мне посоветовали вашу гостиницу. Я зашел посмотреть, все ли меня здесь устроит... Теперь вижу, что устроит.

– Быстро же вы осмотрелись, – улыбнулась дочь хозяина гостиницы.

– Я же не слепой, – ответил молодой человек, во все глаза глядя на девушку.

– Входите, сэр, – рассмеявшись, сказала она. – Я мисс Этти Шафтер, дочь мистера Шафтера. Мать умерла, поэтому я в доме хозяйка. Вы можете посидеть в гостиной у печи, пока отец вернется... Ах, вот и он! Договаривайтесь с ним.

К дому подошел немолодой плотный мужчина. В нескольких словах Макмердо объяснил ему свое дело. В Чикаго этот адрес дал ему человек по фамилии Мерфи, который в свою очередь узнал его от кого-то еще. Старый Шафтер был рад оказать свои услуги. Приезжий не задумываясь согласился на все условия и о цене спорить не стал. Денег у него, очевидно, хватало, так что, заплатив семь долларов за неделю вперед, он получил полный пансион.

Итак, Макмердо, который, по его же собственным словам, не в ладах с законом, стал жить под одной крышей с Шафтерами. И это был первый шаг, приведший к долгой и мрачной череде событий, закончившихся в далекой стране за тысячи миль отсюда.

Глава 2 Владыка

Макмердо нельзя было назвать неприметным человеком. Где бы он ни появлялся, скоро о нем знали уже все. Не прошло и недели, как он оказался в центре внимания постояльцев гостиницы Шафтера. Кроме него здесь жило еще человек десять-двенадцать, но все это были обычные тихие прорабы или продавцы местных магазинов, которые не шли ни в какое сравнение с молодым ирландцем. По вечерам, когда все они собирались, его шутки вызывали самый радостный смех, его рассказы слушали с наибольшим интересом и его песням аплодировали громче всего. Он был буквально создан для общества. У него был настоящий дар притягивать к себе людей. И все же бывали случаи, когда настроение у него резко менялось, как тогда в вагоне, он неожиданно выходил из себя, и всем, кто его знал, это внушало уважение и даже страх. Он не скрывал глубочайшего презрения к полиции и всему, что с ней связано, чем у одних своих соседей по гостинице вызывал восхищение, а у других – тревогу.

С самого начала он открыто дал понять, что дочь Шафтера с первого взгляда пленила его сердце красотой и нравом. Робким поклонником он не был, так что уже на следующий день сказал ей, что любит ее, и стал повторять это снова и снова, не обращая ни малейшего внимания на ее отговорки или возражения.

– Кто-то другой? – кричал он в ответ. – Так ему же хуже! Пусть пеняет на себя. Я не собираюсь ради кого-то другого отказываться от своего счастья. Можете продолжать говорить «нет», Этти. Когда-нибудь настанет такой день, когда вы ответите мне «да», и я достаточно молод, чтобы дождаться этого.

Он был опасным поклонником. Острым на язык, обходительным и настойчивым. К тому же было в нем и сочетание опытности и загадочности, которые так манят женщин. Он рассказывал о милых его сердцу долинах графства Монахан, откуда он был родом, о далеком

прекрасном острове, о невысоких холмах и зеленых лугах, которые здесь, в этом месте, где нет ничего, кроме въевшейся грязи и снега, казались ему еще более прекрасными.

Потом он принимался рассказывать о больших городах Севера, о Детройте, о жизни в поселке лесорубов у великого озера Мичиган, наконец, о Чикаго, где он работал на лесопильне. После этого прозвучал намек на некую тайну, на то, что в этом огромном городе с ним произошли какие-то странные события. Настолько странные и затронувшие такие глубоко личные стороны его жизни события, что о них и рассказывать было нельзя. С тоской в голосе он поведал о том, как ему пришлось поспешно уезжать, сжигая за собой все мосты, о побеге в эту унылую долину, которая кажется ему совершенно незнакомым миром. И Этти слушала, слушала, ее черные глаза начинали блестеть от жалости и сострадания... от тех чувств, которые так незаметно и быстро превращаются в любовь.

Макмердо был хорошо образован и временно устроился на должность счетовода. Почти все свое время он проводил на работе и пока еще не успел представиться главе местной ложи Великого ордена свободных тружеников. Однако вскоре ему об этом напомнили, и сделал это не кто иной, как Майк Сканлан, который однажды вечером зашел к нему в гостиницу. Его давешний попутчик, невысокий дерганый человек с острым лицом и темными глазами, был рад новой встрече. После пары стаканов виски он поведал о цели своего прихода.

– Все просто, Макмердо, – приятельским тоном произнес он, – я запомнил твой адрес, ну и решил наведаться. Знаешь, я удивлен, что ты еще не представился владыке. Ты почему к боссу Макгинти до сих пор не ходил?

– Некогда было, работу искал.

– Ну, уж на него тебе нужно было найти время. Черт возьми, Макмердо, ты совершил большую ошибку, когда не пошел в Дом Союза в первый же день! Если вздумаешь пойти против него... В общем, о таком и не думай.

Макмердо удивился.

– Я состою в ложе больше двух лет, Сканлан, но никогда не слышал о таких строгостях.

– Это у вас в Чикаго.

– Но здесь-то общество то же.

– Ты думаешь?

Сканлан бросил на него долгий, значительный взгляд. Что-то зловещее было в его глазах.

– А разве нет?

– Поговорим об этом через месяц. Я слышал, ты после того, как мы расстались в поезде, успел и с полицейскими поговорить.

– Откуда ты знаешь?

– Люди говорят... В наших краях новости быстро расходятся.

– Да, поговорил. Я сказал этим псам, что о них думаю.

– Ну ты даешь! Макгинти это оценит.

– Он что, тоже фараонов ненавидит?

Сканлан рассмеялся.

– Тебе нужно с ним встретиться, парень, – сказал он, собираясь уходить. – Если ты этого не сделаешь, он не фараонов, а тебя начнет ненавидеть! Послушай дружеского совета, сходи к нему как можно быстрее!

Случилось так, что в тот же вечер у Макмердо состоялся еще один, более важный разговор, который закончился обсуждением той же темы. Может быть, внимание, которое он оказывал Этти, стало более заметным или просто наступило время, когда добрый Шафтер наконец-то понял, какие отношения завязываются у его дочери и Макмердо, но, какова бы ни была причина, старый немец пригласил молодого человека в свою комнату и без околичностей сразу же заговорил на волнующую его тему.

– Мне кажется, мистер, – сказал он, – что вы сильно увлечены моей Этти. Это так или я ошибаюсь?

– Да, это так, – ничуть не смутился молодой человек.

– Что же, тогда я должен сказать вам, что вы напрасно тратите время. У нее уже есть кафалер.

– Я знаю, она мне об этом говорила.

– Можете поферить, она гофорить правду. Она сказала вам, кто он?

– Нет. Я спрашивал, но она отказалась признаваться.

– Ну конечно! Наферно, она не хотела вас испугать.

– Испугать? Меня? – Кровь тут же закипела в жилах Макмердо.

– Да-да, мой друг! Но не фолнуйтесь, вы том, чтобы бояться такого человека, нет ничего зорного. Федь это Тедди Болдуин.

– Что еще за Тедди Болдуин, черт возьми?

– Это помощник босса «сердитых».

– «Сердитых»? Я уже не первый раз слышу о них. Почему все кругом только о них и говорят? И почему всегда шепотом? Чего же вы все так боитесь? Да кто они такие, в самом деле?

Хозяин гостиницы невольно понизил голос, как делали все, кто говорил об этом страшном обществе.

– «Сердитые», – многозначительно произнес он, – это Великий орден свободных тружеников!

Молодой человек оторопел.

– Как! Но я ведь сам – член Ордена.

– Вы?... Вы! Да я, если бы об этом знал, никогда не пустил бы вас к себе в дом... Даже если бы вы платили и сто долларов вам неделю.

– Но почему? Ведь Орден служит для того, чтобы оказывать помощь нуждающимся и поддерживать своих членов. Так сказано в уставе!

– Может быть, где-то так и есть, но только не здесь.

– А в чем разница?

– Здесь это общество убийц, фот вы чем разница.

Макмердо недоверчиво рассмеялся.

– Как это? Вы что, можете это доказать?

– Доказать? Пятьдесят человек уже убито, вам этого недостаточно? Милман, Фан Шорст, семья Николсонов, а старый мистер Эйм, а малыш Билли Джеймс, а остальные? Доказать! Да вы этой долине все об этом знают.

– Послушайте, – твердо сказал Макмердо. – Либо возьмите свои слова обратно, либо докажите, что говорите правду. Я не уйду из этой комнаты, пока вы этого не сделаете. Поставьте себя на мое место. Я в этом городе человек новый. Я являюсь членом совершенно безобидного общества. Его отделения вы найдете в любой точке Соединенных Штатов, и нигде никто не считает его обществом злодеев. А здесь, когда я собираюсь обратиться к своим братьям за поддержкой, вы мне заявляете, что мое общество – это воплощение зла, и утверждаете, что Орден тружеников и банда убийц, которые называют себя «сердитые», – это одно и то же! Вы либо должны извиниться, либо объяснить, что здесь происходит, мистер Шафтер.

– Я могу вам рассказать только то, что и так всем известно, мистер. И тем и другим обществом управляют одни и те же люди. Чем-то не угодите одним, с вами разделаются другие. Мы фидели этому слишком много доказательств.

– Да это просто... слухи! Мне нужны настоящие доказательства! – воскликнул Макмердо.

– Если пожифете здесь подольше, получите доказательства. Но я забыл, фы же один из них. Фы скоро станете таким же, как они. Фам нужно найти другую гостиницу, мистер. Я не хочу, чтобы фы у меня остафались. Мало того, что один из них уфифается за моей Этти, а я не осмеливаюсь отказать ему, так еще терпеть у себя ф гостинице другого! Зафтра же съезжайте!

Итак, приговор был вынесен: Макмердо было отказано в праве занимать свой удобный номер и видеться с девушкой, которую он любил. Тем же вечером он нашел ее в гостинице и рассказал о своих бедах.

– Ваш отец меня выставляет, – сказал он. – Если бы дело касалось только жилья, мне было бы наплевать, но поверьте, Этти, я знаком с вами всего неделю, но вы для меня все. Вы – воздух, которым я дышу! Я не смогу жить без вас!

– Тише, мистер Макмердо! Умоляю, не говорите так! – взволнованно воскликнула девушка. – Я же говорила вам, что вы опоздали. Есть другой человек, я хоть еще и не дала ему слова выйти за него, но не могу обещать этого никому другому.

– А если бы я оказался первым, Этти, у меня была бы надежда?

Девушка закрыла лицо руками и тихо промолвила:

– Я была бы счастлива, если бы первым оказались вы.

Макмердо бросился перед ней на колени.

– Во имя всего святого, Этти, пусть все будет так, как мы хотим! – вскричал он. – Неужели вы погубите и свою, и мою жизнь из-за кого-то! Желанная моя, прислушайтесь к своему сердцу! Это лучший подсказчик!

Он взял ее белую ладонь своими сильными смуглыми руками.

– Скажите, что будете моей, и вместе мы справимся со всеми трудностями!

– Я не могу.

– Можете, можете!

– Нет, Джек! – Он уже прижимал ее к себе. – Я здесь не могу... Ты увезешь меня отсюда?

На лице Макмердо отразилась внутренняя борьба, но лишь на миг.

– Нет, здесь, – твердо сказал он. – Я сумею защитить тебя, Этти. Мы должны остаться здесь.

– Но почему мы не можем уехать вместе?

– Нет, Этти, я не могу отсюда уехать.

– Но почему?

– Я не смогу дышать полной грудью, если буду знать, что нам пришлось от кого-то убежать. К тому же чего нам бояться? Мы же свободные люди и живем в свободной стране. Если мы любим друг друга, кто посмеет встать между нами?

– Ты не знаешь, Джек. Ты слишком мало здесь прожил, чтобы понять, кто такой этот Болдуин. Ты не знаешь ни Макгинти, ни его «сердитых».

– Нет, я их не знаю и не боюсь, и я не верю в них! – сказал Макмердо. – Мне приходилось жить среди жестоких людей, моя дорогая, и не я боялся их, а они всегда боялись меня. Слышишь? Всегда. Это безумие какое-то! Если эти люди, как говорит твой отец, совершили столько преступлений в этой долине и если об этом известно всем, почему до сих пор никого не судили? Ответь мне, Этти!

– Потому что все боятся! Никто не осмеливается давать против них показания в суде. Тот, кто это делает, не проживет и недели. К тому же у них всегда найдутся люди, которые под присягой покажут, что тот, кого обвиняют, был где-нибудь совсем в другом месте. Но как же так, Джек, неужели ты ничего об этом не читал? Ведь во всех газетах по всем штатам пишут про это.

– Нет, что-то я, конечно, читал. Но я думал, что все это выдумки, что у этих людей, может быть, есть какое-то оправдание, что, может быть, что-то их заставляет так поступать.

– О, не говори так, Джек! Так же и *он* говорит!

– Болдуин... Значит, вот что он тебе говорит.

– Поэтому я его так и презираю! О Джек, теперь я могу сказать тебе правду. Я презираю и ненавижу его всем сердцем, но я боюсь его. Я боюсь за себя, но еще больше я боюсь за отца. Я знаю, что нас постигнет большое горе, если я осмелюсь вслух сказать то, что чувствую на самом деле. Поэтому я и тяну время, не говоря ему ни «да», ни «нет». На самом деле для нас это единственная надежда. Но, если бы ты согласился бежать со мной, мы бы взяли отца и стали бы жить где-нибудь далеко-далеко, где этот страшный человек не имеет власти.

Опять по лицу Макмердо скользнула тень, но он снова совладал с собой.

– Никто не причинит тебе вреда, Этти... Ни тебе, ни твоему отцу. А что касается этих людей... Может статься, что скоро я сам покажусь тебе страшнее самых страшных из них.

– Нет, нет, Джек! Я верю тебе!

Макмердо горько рассмеялся.

– Боже, как же мало ты обо мне знаешь! Твое чистое, невинное сердце даже не догадывается, что творится у меня в душе. Но постой! Кто это там?

Дверь в гостиную резко распахнулась, и в комнату развязной походкой с хозяйским видом вошел молодой парень. Лощеный, красивый, он был примерно одного возраста и роста с Макмердо. Под широкополой черной фетровой шляпой, которую он не потрудился снять, на красивом лице с хищно изогнутым носом зло блеснули холодные и властные глаза. Он остановился и посмотрел на пару, сидящую у печи.

Этти вскочила и срывающимся от смущения и волнения голосом сказала:

– Рада видеть вас, мистер Болдуин. Я думала, вы будете позже. Прошу, проходите, садитесь.

Болдуин остался на месте. Уперев руки в бока, он смотрел на Макмердо.

– Это кто? – резко спросил он.

– Мой друг, мистер Болдуин. Он наш новый постоялец. Мистер Макмердо, познакомьтесь, это мистер Болдуин.

Молодые люди холодно кивнули друг другу.

– Возможно, мисс Этти рассказала вам о наших отношениях? – спросил Болдуин.

– Насколько я понял, между вами нет отношений.

– Вот как? Ну так сейчас я вам сам растолкую. Эта юная леди принадлежит мне, так что лучше сходите прогуляйтесь, погода сейчас хорошая.

– Спасибо, но у меня настроение не для прогулок.

– Неужели? – В дьявольских глазах молодого человека сверкнули молнии. – Может быть, вы в настроении выяснить отношения прямо сейчас, мистер Постоялец?

– А вот это с удовольствием! – воскликнул Макмердо, вскакивая.

– Господи, Джек! Не надо! – в отчаянии закричала бедная Этти. – Нет, Джек! Нет! Он убьет тебя!

– Ах, он для тебя Джек? – процедил Болдуин и выругался. – Вы уже до этого дошли...

– Тед, образумься... Прошу, ради меня, Тед! Если ты меня любишь, оставь его, прости.

– Этти, я думаю, если ты позволишь нам поговорить наедине, мы сумеем уладить отношения, – спокойным голосом сказал Макмердо. – Или вы, мистер Болдуин, предпочитаете выйти со мной на улицу? Вечер, как вы заметили, хороший, а за соседним домом есть пустырь.

– Я не стану марать руки, – бросил его враг. – Но скоро ты пожалеешь, что попал в этот город. Я еще с тобой разберусь!

– Почему бы не сделать этого прямо сейчас?

– Я сам решу, когда мне это сделать, мистер. Смотри. – Он неожиданно закатил рукав и поднял руку. На его предплечье красовался знак, который, похоже, был выжжен прямо на коже, как тавро: круг с вписанным в него треугольником. – Знаешь, что это значит?

– Не знаю и знать не хочу.

– Ничего, скоро узнаешь, я тебе это обещаю. И это будет последнее, что ты узнаешь в своей жизни. Мисс Этти тебе расскажет, что это значит. А ты, Этти, приползешь ко мне на коленях. Слышишь, девчонка? На коленях, и тогда я решу, какое выбрать для тебя наказание. Посмотрим, кто будет смеяться последним!

Он окинул их испепеляющим взглядом, развернулся и вышел, громко хлопнув дверью.

Несколько мгновений Макмердо и девушка стояли молча. Потом она бросилась ему на грудь.

– О Джек! Какой же ты храбрый! Но это не поможет, теперь тебе нужно бежать! Сегодня же, Джек... Сегодня же! Это твоя единственная надежда. Он убьет тебя. Я увидела это в его жутких глазах. Их придет дюжина, тебе не справиться с ними. Ведь за ними будет стоять и босс Макгинти, и вся ложа.

Макмердо освободился из ее объятий, поцеловал и бережно усадил обратно на стул.

– Тише, тише, милая, успокойся. Не бойся за меня. Я ведь и сам из свободных тружеников. Твоему отцу я уже об этом рассказал. Возможно, я не лучше остальных, так что не делай из меня святого. Теперь, когда я и тебе рассказал, может быть, ты и меня возненавидишь.

– Возненавидеть тебя, Джек? Этого не будет, пока я живу. Я слышала, что в других местах в Ордене состоят обычные люди и в этом нет ничего зазорного. Так почему же мне тебя ненавидеть? Но, Джек, если ты сам труженик, почему тебе не пойти к боссу Макгинти и не подружиться с ним? О Джек, скорее! Ты должен первым с ним поговорить, прежде чем произойдет что-то страшное.

– Я тоже об этом подумал, – сказал Макмердо. – Я пойду и поговорю с ним прямо сейчас. Отцу скажи, что сегодня на ночь я еще останусь здесь, но завтра с утра пойду искать новое жилье.

Бар в салуне Макгинти был, как всегда, переполнен. Публика поглубже предпочитала приходить именно сюда, потому что хозяин заведения всегда был весел и по-свойски приветлив со всеми, умело пряча под этой маской свою истинную суть. Но помимо страха перед этим человеком, которым был охвачен весь город, страха, который расползся по всей тридцатимильной долине и даже за окаймляющие ее с обеих сторон горы, было достаточно причин, чтобы его заведение никогда не пустовало. Никому не хотелось портить с ним отношения.

Этот человек обладал не только негласной безграничной властью. Кроме этого, он занимал высокий пост муниципального советника и возглавлял комиссию по дорожному строительству. Эти должности ему обеспечили голоса бандитов, надеющихся на его благосклонность. Налоги и сборы в городскую казну были непомерными; почти все общественные работы были приостановлены; счета подделывались подкупленными ревизорами; рядовые жители были запуганы до такой степени, что предпочитали расставаться со своими деньгами молча, никто не смел раскрыть рта, чтобы не накликать на себя еще большую беду.

И так длилось годами. Бриллиантовые булавки на галстуках босса Макгинти становились все роскошнее, золотые цепочки на жилетах – все более тяжелыми, костюмы – все более великолепными. Салун его стремительно разрастался и уже угрожал поглотить целую сторону центральной площади.

Макмердо толкнул дверь в салун и чуть не задохнулся, когда в лицо ему ударил спертый воздух, насыщенный густым табачным дымом и едким запахом спиртного. Он стал пробираться сквозь толпу. Бар был прекрасно освещен, огромные, в золоченых рамах зеркала, развешанные на всех стенах, многократно отражали ослепительный искусственный свет ламп.

Несколько барменов в рубашках выбивались из сил, смешивая напитки для посетителей, облепивших широкую, обитую медью стойку. В дальнем конце зала, прислонившись спиной к стойке, в расслабленной позе стоял высокий, крепко сбитый мужчина. В углу рта он держал сигару. Судя по всему, это и был всемогущий Макгинти. Этот гигант с черной густой бородой до глаз и огромной копной смоляных волос был смугл, как итальянец, его непроницаемые угольные глаза, которые к тому же слегка косили, придавали ему необыкновенно зловещий вид.

Все остальное в этом человеке – высоко поднятая голова, приветливое выражение лица и небрежные манеры – все соответствовало тому образу радушного хозяина, который он в данную минуту принял. Весь вид его как будто говорил, что он обычный добродушный и простой парень и, хоть разговаривает несколько грубовато, сердце у него чистое и доброе. И только когда на тебя устремлялись его мертвые черные глаза, бездонные и безжалостные, внутри тебя все сжималось, возникало ощущение, что перед тобой – воплощение извечного, безграничного зла, за которым стоят сила, неустранимость и коварство, делающие это зло в тысячу раз страшнее.

Присмотревшись со стороны к этому человеку, Макмердо стал проталкиваться к нему. С обычной нагловатой бесцеремонностью он растолкал группку подхалимов, крутящихся вокруг могущественного босса и дружно хохочущих над каждой оброненной им шуткой. Ирландец спокойно выдержал обратившийся на него гипнотизирующий взгляд черноглазого бородача.

– Молодой человек, мне ваше лицо не знакомо.

– Я тут недавно, мистер Макгинти.

– Настолько недавно, что не считаете нужным, обращаясь к человеку, называть его титул?

– Перед вами советник Макгинти, молодой человек, – тут же подсказал сзади чей-то голос.

– Извините, советник. Я еще не знаком с тем, как у вас тут принято себя вести. Но мне посоветовали увидеться с вами.

– Ну, увидели меня? И как я вам? Что скажете?

– По-моему, выводы еще рано делать, но если сердце у вас такое же большое, как тело, а душа такая же прекрасная, как лицо, то большего мне и не надо, – сказал Макмердо.

– Складно говоришь, ирландец! – воскликнул владелец салуна, еще не решивший, стоит ли снизойти до разговора с этим нагловатым молодым человеком. – Так значит, внешность мою ты одобряешь?

– Конечно, – сказал Макмердо.

– И тебя направили ко мне?

– Да.

– Кто же тебя направил?

– Брат Сканлан из ложи 341, Вермисса. За ваше здоровье, советник, и за наше знакомство. – Он поднес к губам бокал, который налил ему один из барменов, и выпил, отставив в сторону мизинец.

Макгинти, не сводивший с него глаз, удивленно поднял брови.

– Ах вот оно что, – проговорил он. – Что ж, тогда придется кое-что проверить, мистер...

– Макмердо.

– Придется кое-что проверить, мистер Макмердо. У нас не принято доверять на слово.

И верим мы не всему, что нам говорят. Давайте-ка зайдем вот сюда на минуту.

Оказалось, за баром есть небольшая комнатка. Плотно закрыв за собой дверь, Макгинти уселся на одну из бочек, которые плотными рядами стояли у стен, и, задумчиво пожевывая сигару, окинул внимательным взглядом своего спутника. Минуты две он молчал. Но

Макмердо этот затянувшийся осмотр ничуть не смутил. Он стоял, одну руку засунув в карман, а другой покручивая коричневый ус, и даже как будто слегка улыбался. Неожиданно Макгинти чуть-чуть наклонился, и в следующий миг в его руке зловеще блеснул револьвер.

– Вот что я тебе скажу, весельчак, – угрожающим тоном произнес он. – Если мне хоть на секунду покажется, что ты затеял какую-то игру, я в два счета с тобой разделаюсь.

– Как-то странно слышать от владыки ложи свободных тружеников такое приветствие брату, – не моргнув глазом, ответил Макмердо.

– Какой ты брат, мы сейчас проверим, – сказал Макгинти. – И да поможет тебе Бог, если я тебе не поверю! Где тебя принимали?

– Ложа 29, Чикаго.

– Когда?

– Двадцать четвертого июня тысяча восемьсот семьдесят второго года.

– Кто?

– Владыка Джеймс Х. Скотт.

– Как зовут вашего районного управителя?

– Бартоломью Уилсон.

– Хм, отвечаешь довольно уверенно. Что ты здесь делаешь?

– Работаю. Тем же, кем и вы... Только получаю меньше.

– Ты, я вижу, за словом в карман не лезешь.

– Да, отвечать на вопросы я умею.

– А действовать?

– Испытайте меня – узнаете.

– Испытаем. Может быть, даже раньше, чем ты думаешь. Ты что-нибудь о нашей ложе знаешь?

– Слышал, что кого попало вы к себе не принимаете.

– Это точно, мистер Макмердо. А что ж ты из Чикаго уехал?

– Это мое личное дело, и я не буду отвечать.

Макгинти раскрыл глаза от удивления. К таким ответам он не привык. Подобная простоватая наглость ему понравилась.

– Почему ты не хочешь об этом говорить?

– Потому что братьям запрещено говорить друг другу неправду.

– А правда настолько ужасна, что поделиться ею нельзя?

– Можно и так сказать.

– Но ты же должен понимать, что я, как владыка, не имею права принять в ложу человека, за прошлое которого не могу поручиться.

Сперва Макмердо удивился, но потом достал из внутреннего кармана газетную вырезку.

– Надеюсь, в полицию вы с этим не пойдете? – спросил он.

– Что? – взревел Макгинти. – Да ты как со мной разговариваешь?

– Да-да, советник, – кротко склонил голову Макмердо. – Вы правы. Прошу прощения. Я сказал, не подумав. Конечно же, вам можно всецело довериться. Взгляните на вырезку.

Макгинти принял листок и пробежал глазами заметку, в которой рассказывалось о смерти некоего Джонаса Пинто, который был застрелен в салуне «Лейк» на Маркет-стрит в Чикаго в первую неделю тысяча восемьсот семьдесят четвертого года.

– Твоя работа? – спросил он, возвращая вырезку.

Макмердо кивнул.

– За что ты его?

– Я помогал дяде Сэму делать доллары. Может быть, золото в моих долларах было не таким чистым, как в его, но выглядели они точно так же, а делать их было дешевле. Этот Пинто помогал мне сливать их...

– Что помогал?

– Ну, это значит сбывать их. Потом я узнал, что он собирается сдать меня. Может быть, уже сдал. Я не стал дожидаться, чтобы это выяснить наверняка, пришел его и дал деру в шахтерские края.

– Почему именно сюда?

– Потому что об этом районе много в газетах пишут.

Макгинти рассмеялся.

– Значит, ты сначала был фальшивомонетчиком, потом – убийцей, а потом приехал в наш город, думая, что здесь тебя примут с распростертыми объятиями?

– Где-то так, – ответил Макмердо.

– Да, ты, я вижу, далеко пойдешь. Скажи-ка, а доллары делать ты еще не разучился?

Макмердо достал из кармана с полдюжины монет.

– Эти были сделаны не на филладельфийском монетном дворе, – сказал он.

– Неплохо, совсем неплохо! – Макгинти поднес огромную волосатую, как у гориллы, руку к свету, чтобы получше рассмотреть доллары. – Я не вижу разницы. Сдается мне, ты будешь полезным для ложи братом. Я думаю, одного-двух людей с темным прошлым мы все же потерпим в своих рядах, друг мой Макмердо. Нам ведь и самим иногда тяжело приходится. На нас со всех сторон давят, и, если мы не будем работать локтями, нас скоро сотрут в порошок.

– Я готов поработать локтями вместе с остальными ребятами.

– Ты, похоже, парень крепкий. Когда я на тебя револьвер наставил, не вздрогнул даже.

– Опасность-то не мне грозила.

– А кому же?

– Вам, советник, – Макмердо вытащил из кармана куртки револьвер. – Я все время держал вас на мушке. Думаю, что мой выстрел был бы таким же быстрым, как ваш.

– Черт! – сначала Макгинти побагровел от гнева, но потом захохотал. – Да ты суший дьявол, я такого молодца уже много лет ищу. Думаю, ложа будет гордиться таким членом... Ну ладно, выкладывай, чего ты хочешь? Я что, не могу поговорить с человеком пять минут, чтобы мне никто не мешал?

Последнее восклицание было обращено к бармену, который открыл дверь и испуганно замер на пороге.

– Простите, советник, но вас спрашивает Тед Болдуин. Он говорит, что у него срочное дело.

Впрочем, объяснения эти были излишни, потому что за плечом слуги показалось злое лицо самого Болдуина. Он грубо вытолкнул бармена из комнаты и закрыл дверь.

– Ага, – сказал он, буравя Макмердо глазами, – значит, ты явился сюда первым. Я должен вам кое-что сказать об этом человеке, советник.

– Так говори это прямо сейчас, при мне, – не скрывая неприязни, вскричал Макмердо.

– Я это сделаю тогда, когда посчитаю нужным.

– Ну-ну! – сказал Макгинти, пряча свой револьвер. – Так не пойдет. Это наш новый брат, и нам не годится так принимать его. – Не знаю, что там между вами произошло, но вы должны помириться. Пожмите друг другу руки.

– Ни за что! – Лицо Болдуина перекошилось от ярости.

– Я предлагал ему по-мужски выяснить отношения, если он считает, что я чем-то его обидел, – сказал Макмердо. – Я готов драться без оружия или любым оружием по его выбору. Но, может быть, вы, советник, рассудите нас как владыка ложи?

– Так что вы не поделили?

– Молодую леди. Она имеет право сама выбрать.

– Ничего она не имеет! – зарычал Болдуин.

– Поскольку вы оба брата по ложе, я считаю, что имеет, – сказал босс.

– Это ваше решение?

– Да, Тед Болдуин, – сказал Макгинти, и глаза его сделались ледяными. – Вы хотите его оспорить?

– Вы так просто отмахиваетесь от человека, который все эти пять лет был рядом с вами, ради того, кого видите первый раз в жизни? Вас избрали владыкой не навечно, Джек Макгинти, и, клянусь Господом, когда будут следующие выборы...

Но советник не дал ему договорить. Он, как тигр, накинулся на него, схватил своей огромной лапой за горло и швырнул на одну из бочек. В этом приступе бешенства он бы мог запросто задушить его, если бы не вмешался Макмердо.

– Успокойтесь, советник! Господи Боже, успокойтесь! – закричал он, отгаскивая черногривого гиганта от его жертвы.

Макгинти разжал руку, и Болдуин, с выпученными от страха глазами и дрожа всем телом, привстал с бочки, едва переводя дух, как человек, только что увидевший свою смерть в лицо.

– Ты давно на это напрашивался, Тед Болдуин... И наконец получил свое! – загремел Макгинти, тяжело дыша могучей грудью. – Может, ты метишь на мое место, если меня в следующий раз не изберут владыкой? Так вот, это будет решать ложа. Но, пока я тут главный, я никому не позволю идти против меня и моей воли.

– Я не собирался идти против вас, – прохрипел Болдуин, держась за горло.

– Вот и прекрасно! – неожиданно во весь рот улыбнулся советник. – Значит, все мы снова друзья, и делу конец.

Он снял с полки бутылку шампанского и выкрутил пробку.

– Ну вот что, – продолжил он, наполняя три бокала. – Давайте-ка выпьем за примирение так, как принято у нас в ложе. После этого, как вы знаете, между братьями не может быть вражды. Итак, приложи левую руку к моей шее. Я говорю тебе, Тед Болдуин: в чем обида, сэр?

– Тучи сгустились, – ответил Болдуин.

– Но они развеются.

– И в этом я клянусь!

Они выпили бокалы, потом тот же обряд повторили Болдуин и Макмердо.

– Вот и славно! – воскликнул Макгинти, потирая руки. – Хватит уже грызться. За нарушение правил ложи, брат Макмердо, будешь держать ответ. А рука у нас тяжелая, брат Болдуин не даст соврать... Так что смотри, не напрашивайся!

– Я вовсе не ищу ссоры, – сказал Макмердо и протянул руку Болдуину. – Я быстро завожусь, но и быстро прощаю. Говорят, в этом виновата моя ирландская кровь. Но я уже все выбросил из головы и не держу зла.

Болдуину пришлось пожать протянутую руку дружбы, но, похоже, сделать это его заставил лишь тяжелый взгляд босса – по его брезгливому выражению лица было видно, что откровенность ирландца вовсе не тронула его.

Макгинти хлопнул их обоих по плечам.

– Эх, женщины, женщины! – вздохнул он. – Подумать только, из-за какой-то юбки ссорятся мои ребята! Кто бы мог подумать! Ну да ладно, вопрос этот должна решить сама ваша избранница, потому что в обязанности владыки это, слава богу, не входит. У нас и без женщин дел хватает. Ты будешь принят в ложу 341, брат Макмердо. У нас тут свои порядки

и методы, не такие, как в Чикаго. Собираемся мы по субботам вечером. Приходи, и станешь одним из нас, вермисцев.

Глава 3

Ложа 341, Вермисса

На следующий день после того вечера, полного стольких неожиданных и важных событий, Макмердо переехал из гостиницы старого Джейкоба Шафтера в меблированные комнаты вдовы Макнамара на самой окраине города. Вскоре в Вермиссу приехал Сканлан, тот самый, с которым Макмердо познакомился еще в поезде, и они стали жить вместе. В доме других жильцов не было. Хозяйка, старая простодушная ирландка, к ним навевалась нечасто, что вполне их устраивало, поскольку, имея общие тайны, они могли спокойно разговаривать, не опасаясь быть услышанными посторонними.

Шафтер снизошел до того, чтобы разрешить Макмердо приходить в свой бар в любое время, поэтому его отношения с Этти никоим образом не прервались. Напротив, с каждой неделей они становились все ближе и связь их крепла.

В таком отдалении от центра города Макмердо, почувствовав себя в полной безопасности, достал и установил в своей спальне штемпель, и многие братья по ложе приходили к нему, чтобы, предварительно дав клятву хранить все увиденное в строжайшей тайне, иметь возможность взглянуть на этот механизм и унести с собой образцы фальшивых монет, выполненные столь искусно, что их можно было безбоязненно тратить в любом месте. То, что Макмердо, владея таким замечательным искусством, все еще продолжал ходить на работу, безмерно поражало его новых знакомых, хотя он и пытался, как мог, объяснить им, что, живя без законного заработка, очень скоро привлек бы к себе внимание полиции.

Надо сказать, что один полицейский им все же заинтересовался, но, к счастью, это принесло молодому фальшивомонетчику намного больше пользы, чем вреда. После первого знакомства с Макгинти Макмердо почти каждый день навевался в его салун, где сошелся с «ребятами» – таким озорным словом называли себя участники этой грозной банды, которые собирались там. Залихватские замашки и полное отсутствие страха перед кем бы то ни было вскоре сделали его всеобщим любимчиком, а то мастерство и хладнокровие, с которым он отделал своего противника в одной из драк, случившихся в баре, принесли ему и уважение этого грубого общества. Но другой случай еще больше поднял Макмердо в их глазах.

Однажды вечером дверь переполненного салуна открылась и вошел человек в синей униформе и в фуражке шахтерской полиции. Это было специальное подразделение, созданное владельцами железных дорог и шахт в помощь обычной полиции, которая совершенно не справлялась с разгулом организованной преступности в этом регионе. По толпе прошел шумок, и на вновь вошедшего устремилось множество любопытных глаз. Однако кое-где в Соединенных Штатах между полицией и преступниками существуют довольно своеобразные отношения, так что Макгинти, который стоял у стойки, ничуть не смутился, увидев среди своих клиентов полицейского.

– Виски. Вечер сегодня холодный, – сказал полицейский. – Мы с вами до сих пор как будто не встречались, советник?

– Вы, надо полагать, новый капитан? – спросил Макгинти.

– Да. Я капитан Марвин. Мы бы хотели, чтобы вы и другие видные жители города помогли нам наконец навести здесь порядок.

– Знаете, мы справимся с этим делом и без вас, капитан Марвин, – холодно сказал Макгинти. – В городе есть своя полиция, мы не нуждаемся в помощи извне. Тем более в помощи таких, как вы, наемников на содержании богатых капиталистов. Сколько людей, честных работяг, уже пострадало от ваших дубинок и револьверов?

– Что ж, понятно. Спорить с вами на эту тему я не собираюсь, – легкомысленно заметил полицейский. – Мы все выполняем свой долг так, как его понимаем, правда, понимаем-то мы его по-разному. – Он выпил свой виски и уже собрался уходить, как вдруг увидел Джека Макмердо, стоявшего у стойки с хмурым видом недалеко от него. – Кого я вижу! – воскликнул он, окидывая его взглядом. – Старый знакомый!

Макмердо презрительно подался в сторону.

– У меня друзей среди фараонов нет и никогда не было, – сквозь зубы процедил он.

– Знакомый не всегда друг, – широко улыбнулся капитан. – Ты Джек Макмердо из Чикаго, и можешь этого не отрицать.

Макмердо пожал плечами.

– А с чего бы мне это отрицать? – сказал он. – Я своего имени не стыжусь.

– Хотя, может, и следовало бы.

– Что? Какого черта! Что ты хочешь этим сказать? – тут же вспыхнул ирландец, сжимая кулаки, как будто был готов броситься на полицейского.

– Не стоит, Джек, так шуметь, на меня это не действует. Я был офицером полиции в Чикаго еще до того, как приехал в эту чертову угольную дыру, так что на таких, как ты, преступников глаз у меня наметанный.

Макмердо побледнел.

– Только не говори мне, что ты – тот Марвин из центральной полицейской части Чикаго! – несколько взволнованно воскликнул он.

– Да, да. Он самый, старина Тедди Марвин, к твоим услугам. Убийство Джонаса Пинто мы еще не забыли.

– Я не убивал его.

– Неужели? Ну, раз ты так говоришь, это, конечно же, меняет дело... Только вот смерть его была для тебя очень выгодна, иначе ты пошел бы под суд за печатание фальшивых денег. Ну да ладно, забудем об этом. Между нами, хотя, конечно же, говорить тебе об этом права я не имею, но доказательств-то против тебя так и не собрали, так что в Чикаго ты можешь вернуться хоть завтра.

– Мне и здесь неплохо.

– Как знаешь. Но, я думаю, тебе стоило бы поблагодарить меня за эту весть.

– Что ж, ты, конечно, ничего плохого не имел в виду, так что большое спасибо, – не очень любезно отозвался Макмердо.

– Пока ты живешь тихо-мирно, и я поднимать шума не стану, – сказал капитан. – Но смотри, еще раз во что-нибудь вляпаешься, тогда уже просто так не отделаешься, даю тебе слово! Счастливо оставаться. До свидания, советник.

Как только полицейский ушел, по салуну прокатился одобрителный гул. Здесь уже давно ходили слухи о подвигах Макмердо в далеком городе Чикаго. Правда, до сих пор на любые вопросы он с улыбкой на лице отказывался отвечать, как скромный человек, не желающий лишней славы. Но теперь, когда все получило официальное подтверждение, посетители бара окружили его и стали искренне жать руку. Отныне он был, что называется, «принят в общество». Макмердо умел пить не пьянея, но в тот день, если бы рядом не оказалось его приятеля Сканлана, который отвел его домой, новоиспеченный герой наверняка заночевал бы в салуне под барной стойкой.

В субботу вечером Макмердо был принят в ложу. Он думал, что, поскольку в Чикаго однажды уже проходил обряд посвящения, на этот раз обойдется без церемоний, но в Вермиссе существовали свои обычаи, которыми местные вольные труженики очень гордились, и соблюсти их обязаны были все, кто готовился присоединиться к их числу. Собрание проводилось в специальном зале в Доме Союза. Присутствовало всего шестьдесят человек, но это никоим образом не передавало всей мощи вермисской организации, поскольку еще

несколько лож существовало в долине и за окружающими ее горами. Все они в случае необходимости объединялись и обменивались членами, чтобы преступление совершали не местные братья, а люди со стороны, не известные в этих местах. Во всем шахтерском районе проживало не менее полутысячи вольных тружеников.

В большом пустом зале собравшиеся расселись за длинным столом. В стороне стоял еще один стол, уставленный бутылками и бокалами, на который кое-кто из присутствующих уже посматривал с нетерпением. Место во главе стола занял Макгинти. Он был в плоской черной бархатной шапочке, из-под которой выбивалась грива спутанных смоляных волос, на плечах у него висела длинная полоса светло-фиолетовой ткани, что делало его похожим на магистра, проводящего какой-то сатанинский ритуал. По правую и по левую руку от него сидели самые важные чины организации. Среди них нельзя было не заметить и жестокое, но красивое лицо Теда Болдуина. На каждом из них был либо шарф, либо медальон, указывающий на его ранг. Большею частью это были мужчины в возрасте, но остальное собрание состояло из молодых парней от восемнадцати до двадцати пяти лет, сильных и смысленных агентов, готовых выполнять любые приказания сверху. По лицам многих старших было видно, какие свирепые, не знающие жалости сердца бьются у них в груди, но, глядя на рядовой состав, трудно было поверить, что все эти энергичные молодые люди с открытыми лицами – участники жестокой банды убийц. Их души были настолько извращены, что то страшное дело, которым они промышляли, являлось для них предметом особой гордости. Наибольшее уважение здесь вызывали те, кто лучше других умел делать «чистую работу», как они это называли.

Для их исковерканных душ не было большего подвига, чем вызваться на дело против человека, который не сделал им ничего плохого и которого они чаще всего никогда раньше и не видели. Вернувшись с дела, они спорили из-за того, кто нанес смертельный удар, и развлекали друг друга и компанию слушателей описанием криков и предсмертных мук жертвы.

Поначалу злодеи готовили и воплощали в жизнь свои темные дела втайне, но к тому времени, которое описывается в этом рассказе, они уже действовали почти в открытую, поскольку беспомощность полиции и полная безнаказанность убедили их, что, с одной стороны, никто не осмелится давать показания против них, а с другой – им легко разыщут множество свидетелей, готовых подтвердить любое алиби, и наймут самых лучших адвокатов в штате. За десять лет насилия и произвола ни одно преступление не закончилось предъявлением обвинения. Единственная угроза для «сердитых» исходила от самой жертвы, которой все же иногда удавалось оставить след на теле кого-либо из нападавших, несмотря на то что те всегда приходили неожиданно и целой группой.

Макмердо предупредили, что его ждет некое испытание, но, у кого он ни спрашивал, никто не стал объяснять, в чем оно заключалось. Двое молчаливых братьев торжественно ввели его в прихожую. Из-за деревянной перегородки доносился приглушенный гул многих голосов. Пару раз он различил свое имя и понял, что сейчас обсуждается его кандидатура. Через какое-то время из зала в прихожую вышел страж в зеленой с золотым перевязи.

– Владыка велит связать ему руки, закрыть глаза и ввести.

Втроем они сняли с Макмердо куртку, закатали правый рукав сорочки, потом обвязали веревкой повыше локтей. Наконец натянули на голову плотный черный колпак так, чтобы он закрывал всю верхнюю часть лица, и ввели в зал.

Под колпаком было совершенно темно и крайне неудобно. Со всех сторон Макмердо слышал шепот и приглушенные разговоры. Потом откуда-то издалека раздался голос Макгинти.

– Джон Макмердо, – торжественно произнес голос, – являешься ли ты членом Великого ордена свободных тружеников?

В знак согласия он кивнул.

– Ты состоишь в ложе номер 29, Чикаго?

Он снова кивнул.

– Темные ночи неприветливы, – сказал голос.

– Да, для странников в чужом краю, – ответил ирландец.

– Тучи сгустились.

– Да, приближается буря.

– Братья удовлетворены? – спросил владыка.

Вокруг согласно загудели голоса.

– Твои ответы удостоверили нас, что ты действительно наш брат, – сказал Макгинти. –

Однако сейчас ты узнаешь, что в нашем округе и в других округах в этой части страны существуют определенные обряды и определенные обязанности, поэтому нам нужны надежные люди. Ты готов к испытанию?

– Да.

– Отважное ли у тебя сердце?

– Да.

– Сделай шаг вперед и докажи это.

Как только были произнесены эти слова, Макмердо почувствовал прикосновение. Что-то тонкое и твердое уперлось в его закрытые колпаком глаза, и ощущение было такое, что, сделав любое движение вперед, он лишится их. И все же он набрался мужества и шагнул вперед. И сразу же давление на глаза исчезло. Со всех сторон раздались негромкие аплодисменты.

– У него отважное сердце, – провозгласил Макгинти. – Боишься ли ты боли?

– Не больше других, – ответил он.

– Испытайте его!

Макмердо пришлось изо всех сил сцепить зубы, чтобы не закричать, потому что в эту секунду страшная пронизывающая боль обожгла его предплечье. От неожиданности он чуть не лишился сознания. Закусив губу и сжав изо всех сил кулаки, он все же заставил себя устоять на ногах.

– И это все? – спросил он, отдышавшись.

На этот раз аплодисменты были громче и увереннее. В ложе такого посвящения еще не видели. Посыпались поздравления, его стали одобрительно хлопать по плечам, с головы сдернули колпак. Макмердо стоял в окружении братьев, моргал от неожиданно ударившего в глаза света и улыбался.

– И последнее, брат Макмердо, – сказал Макгинти. – Ты уже давал клятву хранить тайны общества и быть преданным ему. Тебе известно, что за ее нарушение существует одно наказание – немедленная и неминуемая смерть?

– Да, – твердо сказал Макмердо.

– И ты согласен безоговорочно принимать власть владыки?

– Да.

– Тогда от имени ложи 341, Вермисса, я рад приветствовать тебя в наших рядах и приглашаю разделить наши права и обязанности. Неси вино, брат Сканлан, выпьем за здоровье нашего достойного брата.

Макмердо вернули куртку, но, прежде чем надеть ее, он посмотрел на свою правую руку, которая все еще невыносимо болела. На предплечье, в том месте, куда впилося раскаленное железо, прямо на коже пылал красный выжженный круг со вписанным треугольником. Некоторые из сидевших рядом братьев завернули рукава и показали такие же отметины.

– У нас у всех такие знаки, – сказал один из соседей. – Правда, не все перенесли боль так же, как ты.

– Разве это боль? Пустяки, – равнодушно пожал плечами он, хотя на самом деле боль в руке до сих пор была адской.

Когда возлияния по случаю принятия в ложи нового брата закончились, собрание приступило к обычным делам. Макмердо, по чикагской привычке ожидавший чего-то неинтересного и наводящего тоску, наблюдал за тем, что последовало, с вытянутым от удивления лицом.

– Итак, первый вопрос на повестке дня – обсуждение следующего письма от мастера Уиндла, главы мертоновского отделения ложи 249. Вот что он пишет: «Дорогой сэр! Необходимо поработать с Эндрю Рэем из нашей местной угольной компании „Рэй-энд-Стермаш“. Несомненно, вы не забыли, о том, что прошлой весной двое наших братьев помогли вам уладить вопрос с патрульным полицейским. Пошлете к нам двух надежных людей, они поступят в распоряжение казначея нашей ложи Хиггинса, адрес которого вам известен. Он и сообщит им, что нужно будет сделать и когда. Ваш брат Дж. У. Уиндл, глава отделения Д. О. С. Т.» Уиндл никогда не отказывал, когда мы просили прислать пару-тройку человек нам в помощь, поэтому и мы не можем ему отказать, – Макгинти замолчал и обвел зал холодным змеиным взглядом. – Есть добровольцы на эту работу?

Руки подняли несколько молодых людей. Владыка одобритительно кивнул.

– Пойдешь ты, Тигр Кормак. Надеюсь, справишься не хуже, чем в прошлый раз. И ты, Уилсон.

– Только у меня оружия нет, – сказал Уилсон, совсем еще мальчишка, не старше двадцати.

– Ты ведь до этого не участвовал в настоящем деле, верно? Ну что ж, когда-нибудь крещение кровью все равно должно состояться. Для тебя это будет прекрасное начало. А оружие, я уверен, тебе дадут. На место явитесь в понедельник, раньше не стоит. Когда вернетесь, мы встретим вас, как полагается.

– А на этот раз что-нибудь заплатят? – спросил Кормак, здоровенный смуглокожий парень со зверским лицом, который получил прозвище Тигр за безграничную жестокость.

– Не думай о деньгах. Думай о том, какая честь выпала тебе. Может быть, когда дело будет сделано, несколько лишних долларов и найдется.

– А что натворил этот парень? – спросил юный Уилсон.

– Это не твое дело. Его уже осудили, и все остальное – не наше дело. От вас требуется только выполнить их поручение. И когда нам понадобится их помощь, они поступят так же. Кстати, на следующей неделе к нам приезжают двое братьев из мертоновской ложи.

– А кто они? – спросил кто-то из собравшихся.

– О, этого лучше не знать. Чем меньше знаешь, тем меньше сможешь разболтать. Но это проверенные люди, и сработают чисто.

– Давно пора навести тут порядок! – воскликнул Тед Болдуин. – Кое-кто у нас тут начинает забывать свое место. Только на прошлой неделе бригадир Блейкер уволил троих наших парней. Он давно напрашивается на неприятности и теперь получит сполна.

– Что он получит? – шепотом спросил у своего соседа Макмердо.

– Увольнение... из дула дробовика! – громко ответил тот и захохотал. – Чем мы, по-твоему, занимаемся, брат?

Похоже, преступная душа Макмердо уже пропиталась флюидами зла, которые носились здесь, в зале для собраний этого страшного общества, членом которого он отныне стал.

– А мне это нравится! – воскликнул он. – Да, это подходящее занятие для парня с характером.

Некоторые из сидевших рядом услышали слова Макмердо и поддержали его аплодисментами.

– Что там у вас? – поинтересовался с дальнего конца стола чернобородый председатель.

– Да тут наш новый брат говорит, как ему у нас нравится, сэр.

Макмердо на секунду привстал.

– Я хочу сказать, великий владыка, что для меня было бы честью оказаться полезным ложе.

На эти слова восторженными рукоплесканиями ответил уже весь зал. Похоже, над горизонтом восходила новая звезда. Однако не все старейшины такую напористость новичка встретили с энтузиазмом.

– Выдвигаю предложение, – произнес секретарь Харрауэй, старый седой бородач с сумрачным лицом, сидевший рядом с владыкой, – чтобы брат Макмердо подождал, пока ложа сама не посчитает нужным воспользоваться его услугами.

– Ну да, я это и хотел сказать. Можете в любое время располагать мною, – сказал Макмердо.

– И твое время придет, брат, – провозгласил председатель. – Мы видим, что ты полон сил и горишь желанием работать, и уверены, что у тебя еще будет возможность проявить себя в наших краях. Ну а пока, если тебе так не терпится, можешь помочь в одном небольшом дельце, которое запланировано на сегодня.

– Я лучше дождусь чего-то стоящего.

– Как хочешь, но все равно приходи сегодня вечером, узнаешь, какие цели преследует наше общество. Объявление я сделаю позже. А пока, – он заглянул в повестку дня, – у нас еще есть несколько пунктов, которые нужно вынести на обсуждение. Во-первых, я прошу казначея отчитаться о состоянии нашего банковского баланса. Что там с вдовой Джима Карнауэя? Он ведь погиб, выполняя задание ложи, так что нужно проследить, чтобы она получила пенсию.

– Беднягу Джима подстрелили в прошлом месяце, когда они пытались убить Честера Уилкокса из Марли-крик, – пояснил Макмердо его сосед.

– На сегодняшний день наши счета в прекрасном состоянии, – доложил казначей, раскрывая перед собой большой грессбук. – Фирмы начали хорошо платить. «Макс Линдер и Ко» откупились пятью сотнями. «Братья Уолкер» прислали сотню, но я принял решение вернуть им эти деньги с требованием увеличить сумму в пять раз. Если до среды они не отзовутся, их подъемный механизм может выйти из строя. Напомню, что в прошлом году нам пришлось сжечь их дробилку, чтобы они были посговорчивее. Далее. Угольная компания Западного региона прислала годовой взнос. Денег у нас достаточно для выплат любых обязательств.

– А как насчет Арчи Суиндона? – поинтересовался кто-то из братьев.

– Он продал дело и уехал. Этот старый дьявол еще оставил для нас записку, мол, он лучше станет мести улицы где-нибудь в Нью-Йорке, чем будет крупным горнозаводчиком во власти кучки вымогателей. Клянусь Богом, ему повезло, что он успел сбежать до того, как его письмо попало к нам. Думаю, в этой долине он уже никогда не посмеет показаться.

Немолодой чисто выбритый мужчина с благодушным лицом и открытым широким лбом поднялся с противоположного от председателя края стола.

– Господин казначей, – произнес он, – можем ли мы узнать, кто выкупил собственность у этого человека?

– Да, брат Моррис. Его собственность купила Железнодорожная компания штата и округа Мертон.

– А кто выкупил шахты Тодмэна и Ли, которые по тем же причинам оказались выставленными на продажу в прошлом году?

– Та же самая компания, брат Моррис.

– А как насчет металлургических заводов Мэнсона, Шумана, Ван Деера, Этвуда, которые отказались вести здесь дело?

– Все их купила Уэст-Гилмертонская горная компания.

– Для нас, – сказал председатель, – вряд ли имеет значение, кто их покупает, поскольку они все равно остаются в нашем регионе.

– При всем уважении к вам, великий владыка, я думаю, что это может иметь для нас огромное значение. Этот процесс длится уже долгих десять лет. Мы постепенно выживаем мелких частников. И что в результате? Им на смену приходят такие крупные компании, как Железнодорожная или Горная, директора которых сидят в Нью-Йорке или Филадельфии, и им совершенно наплевать на наши угрозы. Мы можем взять в оборот их местных начальников, но это ничего не даст, на их место просто пришлют новых, но мы же при этом подвергнемся опасности. Мелкие владельцы предприятий нам ничем не угрожают, у них для этого нет ни денег, ни власти. Поэтому до тех пор, пока мы не выжмем из них все до последней капли, они будут подчиняться нам. Но, если крупные компании решат, что из-за нас они лишаются доходов, они ведь не пожалеют ни сил, ни денег, чтобы разделаться с нами и отправить всех нас под суд.

После этих зловещих слов все притихли, лица братьев посерьезнели, в глазах их появилась тревога. До сих пор никто не осмеливался противостоять их безграничной власти, и мысль о возможной расплате никогда не тревожила их. Но то, что они услышали сейчас, заставило похолодеть даже самых беспечных из них.

– Я считаю, – продолжил выступающий, – что мы должны дать небольшое послабление частникам. Потому что в тот день, когда последний из них вынужден будет уехать отсюда, наше общество рухнет.

Горькая правда всегда воспринимается в штыки. Когда выступающий сел, зал наполнился недовольными криками. Помрачневший Макгинти поднялся со своего места.

– Брат Моррис, – произнес он, – ты всегда был брюзгой. До тех пор, пока члены этой ложи будут держаться вместе, им не страшна никакая сила в Соединенных Штатах. Сколько раз мы доказывали это в залах суда? Я думаю, что крупные компании точно так же, как и мелкие, считают, что проще платить, чем сопротивляться. А теперь, братья, – Макгинти снял черную бархатную шапочку и фиолетовую ленту с шеи, – я объявляю, что на этом сегодняшнее заседание ложи закрыто. Но прежде чем мы разойдемся, уделим время братскому отдыху и гармонии.

Правду говорят, что душа человека – потемки! Для этих людей убийство стало обычным делом. Не моргнув глазом, они могли лишиться семью кормильца, и сердца их оставались совершенно глухими к крикам женщин и плачу беспомощных детей, но вот нежный музыкальный перелив или прочувствованное исполнение песни могло довести их до слез. Макмердо обладал чудесным баритоном, и если до сих пор ему еще не удалось завоевать расположение всех членов ложи, то после того, как он исполнил «Сижу я на крыльце, Мэри» и «На берегах реки Аллан», уже никто не мог противиться его обаянию.

В первый же день новичок стал самым популярным членом братства, никого не оставили равнодушным его целеустремленность и веселый нрав, многие уже готовы были предречь ему большое будущее. Однако для того, чтобы стать настоящим свободным тружеником, кроме компанейского характера, требовались и другие качества, и уже к концу дня он получил возможность узнать, какие именно. Когда бутылка виски уже много раз прошла по кругу, а у братьев покраснели лица и зачесались кулаки, снова поднялся владыка.

– Ребята, – обратился он к младшим братьям, – в нашем городе есть один тип, которого нужно немного осадить, и вам решать, как это сделать. Я говорю о Джеймсе Стейнджере из «Геральд». Вы видели, что он опять про нас написал в своей газетенке?

Собравшиеся загудели, кто-то негромко выругался. Макгинти достал из кармана жилета листок бумаги.

– «ЗАКОН И ПОРЯДОК!» – так он это озаглавил. «ЦАРСТВО УЖАСА В ДОЛИНЕ УГЛЯ И ЖЕЛЕЗА. Прошло уже двенадцать лет со времени первых убийств, которые доказали, что в нашем краю существует преступное общество. И с тех пор насилие не прекращается. Кровавый произвол превратил нас в позор для всего цивилизованного мира. Неужели ради этого наша великая страна раскрыла свои объятия, приглашая к себе всех бегущих от европейской тирании? Неужели эти люди сами превратились в тиранов для тех, кто предоставил им кров и дал возможность спокойно жить и трудиться? Неужели власть беззакония и террора установится под священным звездным флагом свободы; та власть, которая, как нам до сих пор казалось, существует только в самой жалкой и загнивающей из восточных монархий; та власть, которая заставляет нас холодеть от ужаса, когда мы читаем о ней в газетах? Имена тех, кто стоит за этим, известны. Они не скрываются, более того, их общество существует вполне легально. Долго ли еще мы будем это терпеть? Неужели мы будем продолжать жить...» Ну хватит. Я больше не могу читать этой дряни! – вскричал председатель и швырнул газетную страницу на стол. – Вы слышали, что он говорит о нас. Теперь я спрашиваю: что мы скажем ему?

– В расход его! – закричали несколько гневных голосов.

– Я возражаю, – заявил брат Моррис, тот самый чисто выбритый мужчина с широким лбом. – Говорю вам, братья, наша рука слишком тяжела в этой долине. Если мы не начнем действовать осторожнее, все эти люди объединятся и пойдут против нас. Джеймс Стейнджер – человек в возрасте. Его уважают в городе и во всем районе. Его газету знают все. Если мы пустим его в расход, во всем штате начнутся волнения, и это закончится гибелью для нас.

– И что же они с нами сделают, мистер Осторожность? – воскликнул Макгинти. – Пойдут в полицию? Но вы же знаете, что половина фараонов нами подкуплена, а вторая боится нас как огня. Или они станут судиться с нами? Мы это уже проходили, и что из этого вышло?

– А если дело попадет в руки судьи Линча? – спросил брат Моррис.

От подобного предположения зал взорвался гневными криками.

– Да мне стоит только поднять палец, – загремел Макгинти, – и здесь соберутся две сотни человек, которые прошерстят этот город от края до края так, что ни одного вонючего пса, который открывает на нас рот, в нем не останется. – Потом, сдвинув брови, он вдруг добавил: – Знаешь что, брат Моррис, я к тебе уже давно присматриваюсь. Мало того, что ты сам труслив как заяц, так ты еще и остальных братьев с толку сбиваешь. Смотри, пожалеешь, когда на очередном заседании *твое* имя попадет в повестку дня. А я как раз начинаю об этом задумываться.

Моррис побледнел, ноги его подкосились, и он безвольно опустился на стул. Прежде чем ответить, он дрожащей рукой поднял бокал и выпил.

– Прошу прощения у вас, великий владыка, и у всех братьев ложи за то, что сказал больше, чем нужно. Я преданный член общества, вы же все это знаете, и если и говорю тревожные слова, то только потому, что переживаю о безопасности ложи. Я ни на секунду не сомневался в мудрости вашего руководства и обещаю, что больше не стану ставить под сомнения ваши слова.

Взгляд владыки потеплел.

– Что ж, хорошо. Мне и самому было бы очень неприятно, если бы пришлось преподавать тебе урок, брат Моррис. Но до тех пор, пока я занимаю это место, наша ложа останется сплоченной как на словах, так и в деле. А теперь, ребята, – он обвел взглядом присутствующих, – я вот что скажу. Если поступить с этим Стейнджером так, как он того заслуживает, могут возникнуть проблемы, которые нам вовсе не нужны. Редакторы всех газет знают друг друга, так что тут же поднимется шум, они сразу побегут в полицию, в общем начнется большая заваруха. И все же мы должны сурово предупредить его. Ты справишься с этим, брат Болдуин?

– Конечно! – с готовностью воскликнул молодой человек.

– Сколько людей тебе нужно?

– Полдюжины и двое, чтобы стеречь дверь. Пойдешь ты, Гоуэр, ты, Мэнсел, и ты, Скэнлан. Оба Уиллаби, вы тоже готовьтесь.

– Я обещал нашему новому брату, что он тоже пойдет, – сказал председатель.

Тед Болдуин взглянул на Макмердо, и по глазам его было видно, что он ничего не забыл и не простил.

– Если хочет, может идти, – безразлично бросил он. – Этого хватит. Чем раньше примемся за работу, тем лучше.

Компания расходилась шумно, с криками, взрывами хохота и пьяным пением. Бар все еще был полон засидевшихся посетителей, поэтому многие братья решили остаться. Группка избранных для дела выходила на улицу по двое и по трое, чтобы не привлекать к себе внимания. Ночь была ледяной, на стылом звездном небе ярко горел полумесяц. Мужчины вновь собрались во дворе напротив высокого здания с надписью золочеными буквами между ярко освещенных окон: «Вермисса Геральд». Изнутри доносился лязг печатного станка.

– Эй ты, – обратился Болдуин к Макмердо, – станешь у двери, будешь следить, чтобы никто не сунулся и не помешал нам выйти. С тобой останется Артур Уиллаби. Остальные идут со мной. Бояться нечего, ребята, десяток свидетелей подтвердит, что мы в это время находились в баре Дома Союза.

Время близилось к полуночи, поэтому на улице не было почти никого, лишь пара-тройка запозднившихся гуляк шли домой нетвердой походкой. Компания перешла через дорогу. Болдуин, не останавливаясь, ворвался в здание и вместе со своими людьми помчался вверх по лестнице, которая начиналась прямо от двери. Макмердо с одним из Уиллаби остался внизу. Из кабинета наверху донесся крик, призыв о помощи, после этого послышался топот ног, грохот падающих стульев, и на лестницу выбежал седой старик.

Но прежде чем он успел сделать шаг вниз, его схватили и повалили на пол. Звякнув о пару ступенек, к ногам Макмердо шлепнулись его очки. Лежащего ничком мужчину стали избивать палками. Звук частых глухих ударов слился в жуткую дробь. Несчастный скорчился от боли, его длинные руки и ноги судорожно задергались. Когда через какое-то время остальные наконец оставили жертву, Болдуин со звериной улыбкой на лице продолжал осыпать ударами голову мужчины, у которого теперь едва хватало сил на то, чтобы прикрываться руками. По седым волосам старика струилась кровь, но это, казалось, только распалило Болдуина. Он все еще стоял над своей жертвой и наносил короткие и мощные удары, как только замечал незащищенное место на голове несчастного, когда Макмердо взбежал по лестнице и оттолкнул его в сторону.

– Хватит! – крикнул он. – Ты убьешь его!

Болдуин не поверил своим глазам.

– Что? – взревел он. – Какого дьявола? Кто ты такой, чтобы вмешиваться? Тебя только сегодня приняли в ложу, а ты будешь указывать мне, что делать? А ну в сторону!

Он замахнулся на него своей палкой, но Макмердо молниеносным движением выхватил из кармана револьвер.

– Сам отойди! – грозно крикнул он. – Еще одно движение в мою сторону, и я тебе рожу разнесу. Что касается ложи... Владыка дал четкое указание не убивать этого человека. А ты хочешь забить его насмерть?

– Он дело говорит, – заметил кто-то из братьев.

– Эй вы там! Пора рвать когти! – раздался крик снизу. – Тут уже шум поднимается, через пять минут здесь будет весь город.

И в самом деле, с улицы доносились крики, у лестницы начала собираться небольшая толпа наборщиков и печатников, уже готовых вступить в драку. Оставив изувеченное и неподвижное тело наверху, преступники сбежали вниз по ступенькам и со всех ног бросились на улицу. Когда добежали до Дома Союза, часть из них смешалась с толпой в салуне Макгинти, кто-то шепнул боссу через стойку, что дело сделано. Остальные рассыпались по переулкам и окольными дорогами разошлись по домам.

Глава 4 Долина Ужаса

Едва открыв глаза на следующее утро, Макмердо тут же вспомнил свое вчерашнее посвящение в ложу. Голова раскалывалась от выпитого, рука с выжженным клеймом горела и распухла. Имея свой тайный дополнительный заработок, на работу он ходил не каждый день и тогда, когда это было удобно ему, поэтому, позавтракав, он остался дома и потратил все утро на сочинение длинного письма другу, после чего взял свежий выпуск «Дейли Геральд». В специальной колонке, вставленной в газету в последний момент, он прочитал: «АКТ НАСИЛИЯ В РЕДАКЦИИ „ГЕРАЛЬД“. ТЯЖЕЛО РАНЕН РЕДАКТОР». Это была короткая статья о ночных событиях, в которых он сам принимал участие. Заканчивалась заметка следующими словами:

«Дело уже взяла в свои руки полиция, но вряд ли от нее можно ожидать лучших результатов, чем в прошлом. Некоторых из участников нападения удалось опознать, поэтому все же есть надежда, что они будут задержаны и наконец предстанут перед судом. Нет нужды говорить, что за нападением стоит все та же печально известная организация, которая уже так давно терроризирует наше общество и которой столь упорно противостоит „Геральд“. Спешим успокоить многочисленных друзей мистера Стейнджера: несмотря на многочисленные раны, в том числе и на голове, жизнь его находится вне опасности».

В самом конце было сказано, что для охраны редакции газеты полиция предоставила специальный отряд, вооруженный винчестерами.

Макмердо отложил газету и стал дрожащими после вчерашнего руками раскуривать трубку, когда в дверь постучали. Это была его хозяйка, она принесла записку, которую только что доставил какой-то парень. Послание было анонимным, и вот что в нем говорилось:

«Необходимо поговорить, только не у вас дома. Встретимся у флаштока в Миллер-хилл. Приходите прямо сейчас. Мне нужно сообщить вам нечто очень важное».

Макмердо в полнейшем недоумении дважды перечитал записку – ему было совершенно непонятно, о чем с ним хотят поговорить и кто автор записки. Если бы почерк был женский, можно было бы подумать, что это начало одного из тех приключений, которых в его прошлой жизни было предостаточно. Но письмо было написано мужской рукой, причем писал явно человек образованный. После некоторого колебания он все же решил пойти на встречу.

Миллер-хилл – это почти заброшенный парк в самом центре города. Летом он превращается в одно из любимых мест отдыха горожан, но зимой туда редко кто заходит. В середине парка имеется холм, с вершины которого видно как на ладони не только весь трудовой, черный от въевшейся сажи город, но и всю извилистую долину с черными пятнами разбросанных по ней шахт и заводов, и окаймляющие ее горы с заснеженными вершинами и лесистыми склонами.

Макмердо шагал по обсаженной кустами дорожке, пока не вышел к ресторану. Летом это заведение неизменно ломилось от толп посетителей, но сейчас было закрыто. Рядом с ним стоял голый флашток, а под ним – мужчина в низко надвинутой шляпе и пальто с

поднятым воротником. Когда он повернулся на звук шагов, Макмердо увидел, что это брат Моррис, тот самый, который вчера навлек на себя гнев владыки. Братья приветствовали друг друга условным сигналом ложи.

– Хотел перебраться с вами парой слов, мистер Макмердо. – Неуверенный взгляд пожилого мужчины указывал на то, что разговор намечается деликатный. – Спасибо, что пришли.

– Почему вы не подписали свое послание?

– Приходится соблюдать осторожность, мистер. Жизнь сейчас такая, что не знаешь, чего ждать. Так же, как не знаешь, кому можно доверять, а кому нельзя.

– Но своим-то братьям по ложе уж можно было бы доверять.

– К сожалению, не всегда, – с чувством воскликнул Моррис. – Все, что мы говорим, становится известно Макгинти. Иногда мне кажется, что он каким-то образом узнает даже то, о чем мы думаем.

– Послушайте! – строго произнес Макмердо. – Вам прекрасно известно, что только вчера вечером я присягнул на верность нашему владыке. Вы что, хотите, чтобы я нарушил клятву?

– Что ж, если вы к этому так относитесь, – с грустью в голосе сказал Моррис, – я могу только попросить у вас прощения за беспокойство. Да, действительно, наступили плохие времена, если двое свободных людей не могут высказать друг другу свои мысли.

Макмердо, который до этого настороженно присматривался к собеседнику, несколько расслабился.

– Я говорил за себя, – сказал он. – Вы же знаете, я в этих краях недавно и еще не привык к местным порядкам. Но вы можете быть уверены, мистер Моррис, что тайны я хранить умею, и, если вы хотите мне что-то сказать, я готов вас выслушать.

– И передать мои слова боссу Макгинти! – горько усмехнулся Моррис.

– Ну, это вы зря! – воскликнул Макмердо. – Я предан ложе, но скажу вам честно: я бы перестал уважать самого себя, если бы превратился в доносчика. Можете быть уверены, все, что вы мне скажете, останется между нами. Только предупреждаю сразу: если вы что-то задумали, помогать вам я не стану, и не надейтесь.

– Я уже давно перестал надеяться на чью-либо помощь, – сказал Моррис. – После того как я вам доверюсь, моя жизнь будет в ваших руках... Вы, как я вчера убедился, не лучше остальных, но, по крайней мере, человек в ложе новый, поэтому сердце ваше еще не успело огрубеть, как у остальных... Именно поэтому я и решил поговорить с вами.

– Так о чем же вы хотели со мной поговорить?

– Если вы меня выдадите, будете прокляты на веки вечные!

– Я же сказал, что не сделаю этого.

– Тогда ответьте мне на такой вопрос: когда вы, вступая в Орден свободных тружеников в Чикаго, клялись соблюдать устав и помогать страждущим, вам приходило в голову, что вы становитесь на дорогу, ведущую к преступлению?

– Если вы называете это преступлением... – ответил Макмердо.

– Называю ли я это преступлением? – дрожащим от волнения голосом вскричал Моррис. – Вы, очевидно, еще мало видели, если называете это как-то иначе! А то, что вчера пожилой человек, который вам в отцы годится, был зверски избит, это не преступление? Вы это называете каким-то другим словом?

– Я бы сказал, что это война, – глухо произнес Макмердо. – Война двух классов. А на войне каждый сражается так, как умеет.

– Хорошо, но вы думали об этом, когда вступали в Орден в Чикаго?

– Нет. Тогда такие мысли мне в голову не приходили.

– Я тоже ни о чем подобном не думал, когда вступал в него в Филадельфии. Там это было благотворительное общество, скорее клуб, где можно было общаться с друзьями. Потом я узнал об этом месте... Будь проклята та минута, когда я впервые услышал его название!.. Надеюсь на лучшую жизнь, я переехал сюда. Надо же, на лучшую жизнь! Со мной приехали жена и трое детей. Я открыл бакалейную лавку на Маркет-сквер и стал неплохо зарабатывать. В городе как-то узнали, что я свободный труженик, и меня заставили вступить в местную ложу, так же, как вас вчера. У меня на руке такое же позорное клеймо, но на сердце – кое-что похуже. Оказалось, что теперь я обязан подчиняться приказам этого злодея, я угодил в преступную сеть. Что я мог поделать? Все, что бы я ни говорил, надеюсь хоть как-то улучшить положение вещей, принималось за измену, так же как и вчера. Я не могу уехать, потому что кроме моего магазина у меня ничего нет. Выйти из общества я тоже не могу, за это меня ждет смерть, а что станет с моей женой и детьми, только Бог знает. Как же все это страшно... как страшно! – Он закрыл лицо руками, и тело его содрогнулось.

Макмердо пожал плечами.

– У вас слишком добрая душа для такой работы, – сказал он. – Не для вас это все.

– Раньше я считался со своей совестью, я был религиозным человеком, но они превратили меня в преступника. Меня послали на задание. Я знал, что случилось бы со мной, если бы я отказался идти. Может быть, я трус. Может быть, трусом меня делает любовь к моей бедной жене и детям. В общем, я пошел. Наверное, этот кошмар будет преследовать меня до конца жизни. Это был одинокий дом, в двадцати милях отсюда, у горы, вон там. Как и вас вчера, меня оставили у двери, побоялись доверить основную работу. Остальные вошли внутрь. Когда они оттуда вышли, все руки у них были в крови. Мы развернулись, чтобы уйти, и тут в доме закричал ребенок. Понимаете, отца пятилетнего мальчика убили у него на глазах. Я тогда чуть не лишился рассудка от ужаса, но мне нужно было смеяться вместе со всеми, делать вид, что мне все равно, потому что я прекрасно знал, что, если я этого не сделаю, в следующий раз они из моего дома выйдут с окровавленными руками и точно так же будет кричать мой маленький Фред. Тогда я и превратился в преступника, ведь я стал соучастником убийства. С тех пор на этом свете мне нет покоя, и на том свете моей душе покоя не будет. Я ведь ревностный католик... Только священник отказался разговаривать со мной, когда узнал, что я – один из «сердитых», поэтому даже в религии мне нет утешения. Вот так я и живу. И вы, похоже, стоите в начале того же пути. А теперь ответьте мне: что вас ждет в конце этой дороги? Вы хотите превратиться в хладнокровного убийцу или есть другой выход?

– А что вы предлагаете? – резким голосом спросил Макмердо. – Донести на братьев?

– Боже упаси! – испугался Моррис. – Да стоит мне только подумать об этом, и жизнь моя не будет стоить и цента.

– Да, это так, – мрачно сказал Макмердо. – Я думаю, что вы просто слабый человек и неправильно все воспринимаете.

– Неправильно? Поживите здесь подольше – сами увидите. Вот посмотрите на долину! Видите дым десятков труб, который густой тучей навис над ней? Так вот, зло здесь висит над головами людей еще более страшной черной тучей. Это Долина Ужаса, Долина Смерти! Здесь нет ни одного человека, сердце которого по ночам не холодело бы от любого шороха. Со временем вы это сами поймете, молодой человек.

– Что ж, если я что-нибудь пойму со временем, я вам дам знать, – беспечным голосом сказал Макмердо. – Ну а пока что я понимаю только то, что это место не для вас и чем раньше вы продадите свой магазин (если, конечно, вам кто-нибудь заплатит за него хоть что-то) и уедете отсюда, тем для вас будет лучше. О нашем разговоре я никому рассказывать не стану. Но если, не дай бог, я узнаю, что вы – стукач...

– Нет! Нет! – в страхе вскричал Моррис.

– Хорошо. Тогда закончим на этом. Ваши слова я не забуду, и, может быть, когда-нибудь мы вернемся к этому разговору. Надеюсь, вы с добрыми намерениями затеяли этот разговор. Мне пора домой.

– Еще одно слово, прежде чем мы попрощаемся, – сказал Моррис. – Если нас видели вместе, они захотят узнать, зачем мы встречались.

– Хорошая мысль, я об этом как-то не подумал.

– Я предлагал вам работу в своем магазине.

– И я отказался. Об этом мы и говорили. Всего доброго, брат Моррис, и пусть вам больше повезет в будущем.

В тот же день, когда Макмердо сидел у себя дома перед камином и курил, погруженный в какие-то свои мысли, дверь в его комнату неожиданно распахнулась. Повернувшись на звук, Макмердо увидел босса Макгинти. Его могучая фигура заняла почти весь дверной проем. Мужчины обменялись условными знаками приветствия, после чего гигант вошел в комнату и сел напротив молодого человека. Какое-то время он молча смотрел ему в глаза. Макмердо так же молча выдержал этот взгляд.

– Я редко хожу в гости, брат Макмердо, – наконец нарушил молчание великий владыка. – Чаще ходят ко мне. Но для тебя я решил сделать исключение. Дай, думаю, зайду, посмотрю, как ты на новом месте обосновался.

– Это большая честь для меня, советник, – искренне сказал Макмердо, доставая из буфета бутылку виски. – И, честно говоря, неожиданная.

– Как рука? – поинтересовался босс.

Макмердо поморщился.

– Побаливает. Но оно того стоит.

– Да, оно того стоит, – пророкотал Макгинти. – Для тех, кто верен ложе и готов на все ради нее. О чем вы утром разговаривали с братом Моррисом в Миллер-хилл?

Вопрос этот прозвучал так неожиданно, что застал бы Макмердо врасплох, если бы у него не было заранее подготовленного ответа. Он рассмеялся.

– Моррис не знал, что я могу зарабатывать себе на жизнь, не выходя из дома. И не узнает – уж очень он совестливый человек, как по мне. Но вообще-то у старика доброе сердце. Он решил, что я оказался на мели, и захотел помочь мне, предложил работу в своем бакалейном магазине.

– И все?

– Ну да, все.

– И ты отказался?

– Конечно же. Зачем мне это? Я столько же заработаю за четыре часа в своей спальне.

– Это верно. Но все равно я бы тебе не советовал заводить близкое знакомство с Моррисом.

– Почему?

– Да хотя бы потому, что я так говорю. В наших краях для большинства людей этого вполне достаточно.

– Может, для большинства этого и достаточно, но не для меня, советник, – несколько не смутился Макмердо. – Если вы разбираетесь в людях, вы должны это понимать.

Темноволосый великан бросил на него быстрый взгляд, его волосатая пятерня сомкнулась на бокале, словно он собирался запустить им в голову собеседника. Но потом он рассмеялся, как обычно громко, безудержно и неискренне.

– Интересный ты человек, в самом деле, – сказал он. – Хорошо, если хочешь знать причину, я скажу тебе. Моррис тебя не настраивал против ложи?

– Нет.

– А против меня?

– Нет.

– Ну, это просто потому, что он не решился тебе довериться. На самом деле он не предан ложе. Нам это хорошо известно, поэтому мы за ним следим и ждем случая сделать ему замечание. Я думаю, что это произойдет уже очень скоро. В нашем загоне нет места для паршивой овцы. Но, если ты станешь якшаться с предателем, мы начнем сомневаться, можно ли тебе доверять. Понимаешь?

– Я и не собираюсь с ним заводить дружбу. Этот человек вообще мне не нравится, – ответил на это Макмердо. – А что касается предательства, если бы эти слова сказали не вы, а кто-то другой, он бы об этом сильно пожалел.

– Что ж, хватит тратить время на разговоры, – сказал Макгинти и выпил залпом свой бокал. – Я пришел дать тебе своевременный совет, и ты его получил.

– Я бы хотел знать, – сказал Макмердо, – а как вы узнали, что я встречался с Моррисом? Макгинти рассмеялся.

– Моя работа и заключается в том, чтобы знать, что творится в этом городе, – ответил он. – Можешь не сомневаться, я знаю все. Ну ладно, мне пора. Осталось только...

Однако прощание было прервано самым неожиданным образом. Дверь в комнату Макмердо с грохотом отлетела в сторону. На пороге стояли трое полицейских с напряженными лицами, из-под козырьков фуражек блестели решительные глаза. Макмердо вскочил и схватился за револьвер, но рука его замерла в воздухе, когда он увидел, что в голову ему целятся два винчестера. В комнату, держа наготове большой шестизарядный револьвер, вошел человек в форме. Это был капитан Марвин из Чикаго, ныне служащий в шахтерской полиции. Глядя на Макмердо, он усмехнулся и покачал головой.

– Я знал, что рано или поздно ты ввяжешься в неприятности, мистер Чикагский Мошенник, – сказал он. – Ты ведь у нас парень бойкий. Бери шляпу, пойдешь с нами.

– Вам это не сойдет с рук, капитан Марвин, – хладнокровно произнес Макгинти. – Я бы хотел знать, по какому праву вы подобным образом врываетесь в дом и арестовываете ни в чем не повинного, законопослушного человека?

– Вас это дело не касается, советник Макгинти, – ответил капитан полиции. – Мы пришли не за вами, а за этим человеком, Макмердо. Вам бы следовало помогать нам, а не мешать выполнять наш долг.

– Этот человек – мой друг, за его поведение я отвечаю, – сказал босс.

– Вы, мистер Макгинти, лучше бы думали о том, что скоро вам придется отвечать за свое поведение, – сказал на это капитан. – Макмердо был преступником еще до того, как приехал в этот город. И остается им до сих пор. Ребята, держите его на мушке, пока я заберу у него оружие.

– Вот мой револьвер, – хладнокровно произнес Макмердо. – Если бы мы, капитан Марвин, встретились с вами один на один, вам бы так легко меня взять не удалось.

– А ордер у вас есть? – спросил Макгинти. – Черт побери, можно подумать, что мы живем не в Вермиссе, а где-нибудь в России! Пока такие люди, как вы, служат в полиции, порядка здесь не будет. Это произвол, и я сделаю все, чтобы вы за это ответили!

– Вы, советник, исполняйте свой долг так, как его понимаете, а мы будем исполнять свой.

– В чем меня обвиняют? – спросил Макмердо.

– В причастности к избиению мистера Стейнджера в редакции «Геральд». И тебе повезло, что это не обвинение в убийстве.

– Ну, если его обвиняют только в этом, – рассмеялся Макгинти, – то вы напрасно тратите свое время, капитан. Бросьте это дело. Когда это произошло, этот человек находился рядом со мной в моем салуне. До самой полуночи он играл в покер. Я могу предоставить дюжину свидетелей.

– Меня это не касается. Завтра расскажете все это на суде. Пока что давай, Макмердо, на выход. И без глупостей, если не хочешь по морде прикладом получить. Отойдите в сторону, Макгинти! Предупреждаю вас, я на службе и не потерплю сопротивления!

У капитана был такой решительный вид, что и Макмердо, и его боссу пришлось смириться с тем, что происходит. Однако прежде, чем ирландца увели, Макгинти успел шепнуть ему пару слов.

– А что с...? – он дернул большим пальцем вверх, имея в виду станок для штамповки денег.

– Все в порядке, – одними губами беззвучно ответил Макмердо. Машинка была спрятана в надежном тайнике под полом.

– Скоро встретимся, – громко произнес босс, и мужчины пожали руки. – Я обращусь к адвокату Рейли и сам прослежу за ходом дела. Можешь поверить, они тебя надолго не задержат.

– Я бы не стал об этом говорить так уверенно. Уведите арестованного. Если он попытается сбежать, стреляйте без предупреждения. А я пока обыщу его квартиру.

Однако обыск не дал никаких результатов. Тайника со станком он не обнаружил. Капитан спустился и вместе со своими людьми повел Макмердо в участок. Уже стемнело, и дул такой пронизывающий ветер, что почти никто из жителей города не решался выходить на улицу, и все же за небольшой процессией увязалось несколько человек. Осмелев от темноты, они осыпали проклятиями заключенного.

– Линчевать этих «сердитых» надо! – кричали они. – Линчевать его!

Когда Макмердо вталкивали в полицейский участок, они смеялись и улюлюкали. После того как дежурный инспектор задал ему несколько формальных вопросов, Макмердо отвели в общую камеру. Там уже сидели Болдуин и еще трое участников вчерашнего «дела». Всех их арестовали днем, и теперь они дожидались суда, который был назначен на завтрашнее утро.

Но оказалось, что даже сюда, в этот бастион правосудия, может проникнуть длинная рука Ордена свободных тружеников. Поздно вечером тюремщик принес им набитые соломой матрацы. Из них заключенные извлекли две бутылки виски, несколько стаканов и колоду карт. Ночь прошла бурно, никто, похоже, не задумывался о том, что ждет их на следующий день.

И, как показало утро, причин для беспокойства у них действительно не было. Магистрат на основании свидетельских показаний не считал возможным передать дело в вышестоящую судебную инстанцию. С одной стороны, наборщикам и печатникам пришлось признать, что освещение было слабое, что они сами были сильно возбуждены и не могут с уверенностью утверждать, что хорошо рассмотрели нападавших, хотя и полагали, что обвиняемые находились среди них. После того как опытный адвокат, нанятый Макгинти, подверг их перекрестному допросу, их показания стали еще путаннее и сбивчивее.

Сам потерпевший заявил, что, поскольку нападение произошло так быстро, он не успел никого рассмотреть. Единственное, в чем он был уверен, – это то, что у человека, который нанес первый удар, были усы. К тому же он не сомневается, что это были «сердитые», так как никто другой неприязни к нему не питал, и именно «сердитые» уже давно угрожали ему расправой за те откровенные статьи о них, которые публиковались в его газете. С другой стороны, судья выслушал четкие и слаженные показания шести горожан, в их числе и видного представителя городской власти советника Макгинти, которые утверждали, что все обвиняемые в тот вечер играли в карты в Доме Союза и засиделись там гораздо позднее того времени, когда было совершено нападение.

Не приходится и говорить, что всех задержанных освободили из-под стражи прямо в зале суда, чуть ли не с извинениями за причиненные неудобства. Капитану Марвину и полиции было вынесено замечание за недобросовестную работу.

Когда судья огласил свое решение, присутствующие в зале, среди которых Макмердо увидел и много знакомых лиц, зааплодировали. Братья по ложе улыбались и радостно махали руками, но были здесь и такие, кто наблюдал за освобождением обвиняемых с хмурыми лицами, сведя брови и плотно сжав губы. Один из них, невысокий темнородый мужчина с решительным лицом, высказал свои мысли и мысли своих товарищей вслух, когда бывшие заключенные проходили мимо него.

– Проклятые убийцы! – с ненавистью в голосе бросил он. – Мы еще до вас доберемся!

Глава 5 Тьма сгущается

Если что и могло еще выше поднять популярность Джека Макмердо среди братьев по ложе, так это его арест и последующее оправдание. За всю историю общества еще не было случая, чтобы прямо в день посвящения новичок совершил нечто такое, за что предстал бы перед судом. К этому времени он уже заслужил репутацию эдакого рубахи-парня, жизнерадостного гуляки, а вдобавок еще и запальчивого человека, который не простит оскорбления никому, даже всесильному боссу. Кроме того, он сумел убедить всех, что, если нужно будет составить какой-нибудь план очередного кровавого преступления, лучше него с этим не справится никто и никто лучше него не воплотит его в жизнь. «Этому парню по плечу выполнить чистую работу», – говорили друг другу старейшины ложи и ждали времени, когда можно будет применить его в деле.

У Макгинти и без того было достаточно талантливых исполнителей, но он понимал, что этот ирландец выгодно выделялся даже на их фоне. Он чувствовал себя как человек, удерживающий на поводке породистую охотничью собаку. Для повседневной работы было полно дворняг, но когда-нибудь настанет тот день, когда он отпустит поводок и натравит это создание на добычу. У некоторых членов ложи, среди них был и Тед Болдуин, столь стремительный взлет новичка не вызывал восторга, наоборот, они ненавидели его за это, однако предпочитали держаться от него подальше, потому что он всегда шел в драку с такой же готовностью, с какой ходил с друзьями в салун.

Впрочем, если среди товарищей по ложе он добился полного успеха, то в другом, более важном для него обществе, все складывалось далеко не так гладко. Теперь отец Этти Шафтер даже имени его слышать не хотел, не говоря уже о том, что запретил ему появляться на пороге своего дома. Сама Этти была слишком сильно влюблена, чтобы полностью отречься от него, но ее здравый смысл подсказывал ей, что брак с человеком, которого считают преступником, ни к чему хорошему не приведет.

Однажды утром, после бессонной ночи, она все же решилась увидеться с ним (может быть, думала она, в последний раз) для того, чтобы попытаться вырвать его из трясины, которая затягивала молодого человека все сильнее. Она пришла к нему домой, о чем он так часто просил ее, и направилась в небольшую гостиную. Макмердо сидел за столом спиной к двери над каким-то письмом. Он не услышал, как она открыла дверь, и, очевидно, от этого ею неожиданно овладело игривое настроение – ведь Этти было всего девятнадцать. Она неслышно, на цыпочках подошла к молодому человеку и легонько положила руку ему на плечо.

Если она хотела заставить его вздрогнуть от неожиданности, ей это в полной мере удалось, да только в следующую секунду ей самой пришлось испугаться не меньше, потому что, стремительно вскочив, он с разворота вцепился одной рукой ей в горло, а другой скомкал

лежавший перед ним листок. На миг он замер, но потом удивление и неподдельная радость сменили то жуткое выражение, которое приняло его лицо, то непонятное ей выражение, которое заставило ее отпрянуть, как от какого-то доселе неизвестного ей ужаса, который впервые вторгся в ее безмятежную жизнь.

– Ты! – воскликнул он, проведя рукой по лбу. – Подумать только, ты, отрада моего сердца, пришла ко мне, а я вместо объятий хотел тебя задушить! Но иди же ко мне, дорогая. – Он раскрыл объятия. – Позволь мне исправить свою ошибку.

Однако выражение затаенной вины и страха, которое она только что прочитала в его взгляде, все еще стояло у нее перед глазами. Особое женское чутье подсказывало ей, что человек, просто испугавшийся неожиданного прикосновения, так бы себя не повел. Вина, вот что это было... Вина и страх!

– Что на тебя нашло, Джек? – воскликнула она. – Почему ты так испугался? О Джек, если бы у тебя на душе все было спокойно, ты бы так не вскинулся!

– Ну да, я просто задумался о своем, а ты подкралась так бесшумно своими милыми ножками, и я...

– Нет, нет, это было что-то большее, Джек... – И тут внезапное подозрение охватило ее. – Покажи письмо, которое ты сейчас писал.

– Ах, Этти, я не могу этого сделать.

Ее подозрение тут же превратилось в уверенность.

– У тебя есть другая женщина! – вскричала она. – Я знаю! Что еще ты можешь скрывать от меня? Может быть, ты пишешь своей жене? Откуда мне знать, может, ты женат? Ты же... ты же совсем чужой, о тебе здесь никто ничего не знает!

– Я не женат, Этти. Клянусь! Ты для меня единственная женщина на всем белом свете. Клянусь Крестом Христовым!

Лицо его сделалось таким бледным, он смотрел на нее так искренне, что она не могла не поверить его словам.

– Ну хорошо, – сказала она. – Так ты... не покажешь мне это письмо?

– Поверь, милая, – покачал он головой, – я дал слово никому его не показывать. Как никогда не нарушил бы я клятвы, данной тебе, так же не могу нарушить и это обещание. Письмо это связано с ложей, и даже тебе я не могу раскрыть эту тайну. Понимаешь, когда я ощутил прикосновение к плечу, первым делом я подумал, что это какой-нибудь сыщик.

Этти почувствовала, что он говорит правду, а он обнял ее, прижал к груди и поцелуем заставил позабыть все страхи и сомнения.

– Садись сюда, посиди рядом со мной. Конечно, это не подходящий трон для такой королевы, но это лучшее, что может найти твой бедный поклонник. Но ничего, я думаю, скоро все изменится. Ну что, ты успокоилась?

– Как я могу быть спокойна, Джек, если знаю, что ты сам преступник и общаешься с преступниками? Когда я каждое утро просыпаюсь с мыслью о том, что тебя могут судить за убийство? «Макмердо-сердитый» – вот как тебя назвал вчера один из наших постояльцев. И эти слова резанули меня прямо по сердцу.

– Ну, это всего лишь слова.

– Но он ведь сказал правду.

– Милая, не все так плохо, как ты думаешь. Мы всего лишь бедные люди, которые пытаются по-своему отстоять свои права.

Этти обвила плечи любимого руками.

– Брось их, Джек! Ради меня, ради Господа Бога, брось их! Я ведь пришла сегодня, чтобы просить тебя об этом. О Джек, видишь? Я буду просить тебя на коленях! Я стою перед тобой на коленях и умоляю: брось все это!

Взяв за плечи, он поднял ее и прижал к груди.

– Поверь, дорогая моя, ты не знаешь, чего просишь. Если я это сделаю, я нарушу клятву и предаю своих товарищей. Если бы ты узнала, что это все для меня на самом деле значит, ты бы не стала меня об этом просить. К тому же, если бы я захотел, как бы я смог это сделать? Ты же не думаешь, что ложа отпустит человека, которому известны ее тайны!

– Джек, я уже думала об этом. Я уже все спланировала. Отец скопил немного денег. Он уже давно хочет уехать из этого страшного места и готов сделать это в любую минуту. Мы можем вместе уехать куда-нибудь в Нью-Йорк или Филадельфию, где они не смогут нас найти, и мы будем в безопасности.

Макмердо рассмеялся.

– У ложи длинные руки. Ты думаешь, они не достанут до Филадельфии или Нью-Йорка?

– Ну, тогда на Запад, или в Англию, или в Германию, на родину отца... Куда угодно, лишь бы подальше от этой Долины Ужаса!

Макмердо вспомнил старого брата Морриса.

– Я уже второй раз слышу, что эту долину так называют, – сказал он. – Похоже, многих из вас действительно гнетет это место.

– Мы живем здесь, как в аду. Ты думаешь, Тед Болдуин простил нас? Что, по-твоему, с нами было бы, если бы он не боялся тебя? Если бы ты только видел, как он смотрит на меня своими черными голодными глазами!

– Что? Ну, я научу его манерам, если когда-нибудь замечу это! Но послушай, девочка моя, я не могу отсюда уехать. Не могу... Поверь мне. Но, если ты позволишь мне самому во всем разобраться, я попытаюсь с честью, не потеряв лица, выбраться отсюда.

– О чем ты говоришь? Здесь о чести не может быть и речи!

– Это как посмотреть. Дай мне еще полгода, я сделаю так, что смогу оставить это место и мне не стыдно будет смотреть людям в глаза.

Девушка счастливо рассмеялась.

– Шесть месяцев! – воскликнула она. – Ты обещаешь?

– Ну, может быть, семь или восемь. Самое большое – год, и тогда мы уедем из этой долины.

Большого Этти добиться от него не смогла, и все же теперь у нее появилась надежда. Неуверенный, слабый лучик затрепетал в окружающем мраке безысходности. Домой к отцу она вернулась в таком приподнятом настроении, какого у нее еще никогда не было с тех пор, как Джек Макмердо ворвался в ее жизнь.

Поначалу Макмердо считал, что его, как члена ложи, будут ставить в известность обо всех делах общества, но вскоре выяснилось, что устройство организации намного сложнее и масштабнее, чем могло показаться, и не ограничивается одной лишь ложей. Даже босс Макгинти много чего не знал, поскольку в Хобсонс-пэтч, чуть ближе к середине долины, если ехать по железной дороге, жил человек (все его называли окружным делегатом), который возглавлял сразу несколько лож. Надо сказать, управлял он ими довольно жестко, и никто не понимал, какими он руководствовался соображениями, принимая те или иные решения. Макмердо видел его лишь однажды. Это был маленький, по-крысиному юркий человек с серенькими волосами, мягкой походкой и косым злобным взглядом. Звали его Эванс Потт, и даже великий босс Вермиссы испытывал перед ним нечто наподобие страха и отвращения, как, возможно, гигант Дантон перед невзрачным с виду, но опасным Робеспьером.

Однажды Сканлан, сосед Макмердо, получил письмо от Макгинти. В конверт была вложена записка от Эванса Потта, в которой тот сообщал, что направил в Вермиссу двух надежных людей, Лоулера и Эндрюса, для выполнения определенного задания, правда, чем именно они будут заниматься, в записке сказано не было. Окружной делегат просил владыку подыскать им удобное жилье на то время, пока они будут оставаться в Вермиссе. Макгинти в

своем письме добавил: из-за того, что поселить их в Доме Союза невозможно, там слишком много посторонних глаз, он был бы весьма признателен, если бы Макмердо и Сканлан на несколько дней приняли гостей у себя.

Посланцы Эванса Потта прибыли в тот же вечер, у обоих в руках было по саквоюжу. Лоулер был пожилым мужчиной, молчаливым и замкнутым, с пронизательным взглядом. Одет он был в старый черный сюртук, который в сочетании с мягкой фетровой шляпой и клочковатой седой бородой придавал ему сходство с приходским священником. Его спутник, Эндрюс, был еще совсем мальчишкой. Открытое улыбчивое лицо, ясные глаза, беззаботный взгляд. И вел он себя так, словно приехал в Вермиссу на отдых и был намерен насладиться каждой минутой своего пребывания здесь. Они оба наотрез отказались пить и вообще вели себя как образцовые граждане с той лишь небольшой разницей, что на самом деле были наемными убийцами, одними из лучших в своей организации.

– Именно нас послали на это дело, потому что ни я, ни этот парень не пьем, – пояснил Лоулер, когда все четверо сели ужинать. – Они уверены, что мы не сболтнем лишнего. Не поймите меня неправильно, но мы подчиняемся только приказам окружного делегата.

– Ну понятно, мы же все в одном котле варимся, – сказал Сканлан.

– Да, это верно. Мы можем хоть до утра обсуждать убийство Чарли Вильямса или Саймона Берда либо любую другую предыдущую работу, но об этом задании, пока оно не выполнено, – ни слова.

– Черт возьми, здесь есть полдюжины гадов, с которыми я сам хотел бы перекинуться парой ласковых, – взволнованно воскликнул Макмердо. – Надеюсь, вы не за Джеком Кноксом из Айрон-хилла приехали?

– Нет, на этот раз не за ним.

– И не за Германом Строссом?

– Нет, и не за ним.

– Ну, не хотите говорить – не надо, но все-таки было бы очень интересно узнать.

Лоулер с улыбкой покачал головой. Дело свое он знал.

Несмотря на замкнутость гостей, Сканлан и Макмердо все же решили во что бы то ни стало посмотреть, как будет проходить «веселье», как они это называли. Поэтому однажды рано утром Макмердо, услышав тихие шаги на лестнице, разбудил Сканлана, и они стали одеваться. Когда оделись, оказалось, что Лоулер и Эндрюс уже вышли из дома, оставив дверь открытой. Рассвет еще не наступил, но света фонарей хватило, чтобы рассмотреть вдали две удаляющиеся фигуры. Хозяева пошли следом за своими скрытными гостями, бесшумно ступая по глубокому снегу.

Дом, в котором они жили, находился на самой окраине города, поэтому довольно скоро они вышли в предместье. На одном из перекрестков их поджидали трое мужчин. Они коротко поговорили и дальше пошли вместе. Похоже, работа предстояла серьезная, требующая больших сил. В этом месте от дороги отходило несколько тропинок, ведущих к разным шахтам. Незнакомцы двинулись по той, что вела к «Кроу-хилл», большому предприятию, в котором благодаря жесткой хватке энергичного и бесстрашного управляющего – выходца из Новой Англии Джосайи Х. Данна все еще удавалось поддерживать порядок и дисциплину, несмотря на столь долгое господство страха.

К этому времени уже начало светать, по уходящей черной змейкой вдаль дорожке группами и по одному медленно шли шахтеры. Макмердо и Сканлану было нетрудно затеряться среди них, держа при этом в поле зрения заговорщиков.

Все вокруг было укрыто густым туманом, и откуда-то из самого его чрева неожиданно раздался вопль парового свистка. Этот сигнал означал, что через десять минут клетки опустятся под землю и начнется рабочий день.

Когда дошли до открытой площадки у входа в шахту, там уже столпилась сотня шахтеров. Пытаясь хоть как-то согреться, они переступали с ноги на ногу и дышали на окоченевшие пальцы – было очень холодно. Незнакомцы стояли отдельной группкой у машинного здания. Сканлан и Макмердо, чтобы лучше видеть все вокруг, взобрались на кучу шлака. Оттуда они увидели, как из машинного здания вышел горный инженер, огромного роста бородатый шотландец по имени Мензис, и дал сигнал к началу работы.

Как только прозвучал свисток, высокий стройный молодой человек с чисто выбритым сосредоточенным лицом энергичной походкой двинулся ко входу, но, сделав пару шагов, остановился, заметив знакомцев у машинного здания, которые стояли неподвижно и молча, надвинув на глаза шляпы и пряча лица за поднятыми воротниками. На миг предчувствие смерти холодной рукой сдавило сердце молодого управляющего. Однако в следующую секунду он прогнал это чувство и сделал то, что велел ему долг.

– Кто вы такие? – спросил он, подходя к ним. – Что вам здесь нужно?

Вместо ответа юный Эндрюс сделал шаг вперед и выстрелил управляющему в живот. Никто из сотни шахтеров не пошевелился. Все они стояли, словно парализованные. Управляющий схватился двумя руками за рану и согнулся пополам. Потом он попытался отбежать, но кто-то другой из убийц выстрелил ему в спину. Он упал рядом с кучей шлака, поджал ноги, впился пальцами в землю и замер. Видя, что происходит, шотландец Мензис, взревев, бросился на убийц с железной монтировкой, но, получив две пули в лицо, рухнул замертво к их ногам.

По толпе шахтеров прошло движение, кто-то закричал от ужаса, раздалось несколько невнятных криков возмущения, но двое из нападавших разрядили свои револьверы над головами толпы, и шахтеры бросились врассыпную, кое-кто побежал со всех ног домой, в Вермиссу. Когда несколько самых смелых из них собрались и решили все же вернуться к шахте, банды убийц там уже не было, они растворились в утреннем тумане, и никто из свидетелей не смог бы опознать тех, кто на глазах сотни людей совершил это двойное преступление.

Сканлан и Макмердо поспешили обратно. Сканлан был изрядно подавлен, поскольку это было первое убийство, которое он увидел собственными глазами, и все оказалось не так весело, как об этом рассказывали его бывалые братья. Ужасные крики жены погибшего менеджера преследовали их, пока они торопливо шли к городу. Макмердо был мрачен и молчалив, но никакого сочувствия к слабости спутника не проявлял.

– Это как на войне, – все повторял он. – Да, мы на войне и бьем врага так, как можем.

Вечером в зале Дома Союза было шумно и весело. И не только из-за убийства управляющего и инженера шахты «Кроу-хилл», которое отныне поставит это предприятие в один ряд с остальными запуганными компаниями в этом районе, исправно выплачивающими дань вымогателям. Отмечали также и успешное завершение дела, выполненного руками самой логи.

Оказывается, окружной делегат, направив в Вермиссу пятерых своих людей, потребовал за это, чтобы вермисская ложа тайно подобрала и прислала ему троих своих бойцов, которые должны были убить Уильяма Хейлса из «Стейк-ройял», одного из самых известных и успешных горнозаводчиков в районе Гилмертон. О нем говорили, что у этого человека во всем мире нет ни одного врага, потому что свои дела он ведет честно и справедливо. Однако от своих работников он всегда требовал строгого соблюдения дисциплины и недавно за пьянство и прогулы уволил нескольких человек, которые оказались членами всемогущего общества. Записки с угрозами, которые вешали ему на дверь, не ослабили его решимости, поэтому этот свободный гражданин цивилизованной страны оказался обречен на смерть.

И вот казнь была приведена в исполнение. Убийство было спланировано Тедом Болдуином, который сейчас сидел, развалившись, на почетном месте рядом с владыкой. Раскрасневшееся лицо, горящие, налитые кровью глаза свидетельствовали о том, что в последнее

время он долго не спал и много пил. Прошлую ночь он с двумя друзьями провел в горах. Вернулись они грязные и уставшие, но товарищи приветствовали их как настоящих героев.

Рассказ о том, как прошло дело, быстро расползлся по залу, со всех сторон то и дело разносились крики восторга и взрывы грубого смеха. Жертву подстерегли на вершине крутого обрыва, где он по вечерам обычно проезжал на лошади домой. На нем была такая плотная шуба, что он даже не сумел достать из-под нее свой пистолет. Его просто стащили с лошади, бросили на землю и расстреляли. Он кричал, умолял о пощаде, и эти мольбы теперь повторялись под общий хохот собравшихся.

– А ну-ка, давайте еще раз послушаем, как он визжал! – кричали братья.

Никто из них не знал этого человека лично, но убийство всегда действует возбуждающе на толпу, к тому же они показали гилмертонским «сердитым», что и в Вермиссе кое-что умеют и что на них всегда можно положиться.

Правда, во время проведения операции возникло одно непредвиденное осложнение. Продолжая расстреливать из револьверов уже затихшее тело, они увидели на дороге мужчину с женой. Сначала они хотели убить и их, но это были совершенно посторонние, безобидные люди, никоим образом не связанные с шахтами, поэтому их отпустили и велели ехать своей дорогой и держать язык за зубами, если они не хотят, чтобы с ними случилось что-нибудь пострашнее. Оставив залитый кровью труп в назидание другим несговорчивым владельцам шахт, трое «благородных мстителей» поспешили скрыться в скалах, которые нависают над бесчисленными горнами и терриконами долины. И вот они дома, целы и невредимы, работа выполнена, и друзья рукоплещут им.

Это был великий день для «сердитых». Туча над долиной сгустилась еще сильнее. Но, как мудрый полководец, чувствуя, что настало время побеждать, решает удвоить усилия, чтобы сломить противника, пока тот не оправился от очередного удара, так и босс Макгинти, обводя поле битвы хмурым, недобрим взглядом, замыслил еще одну атаку на тех, кто продолжал противиться ему. Когда захмелевшая братия начала расходиться, он хлопнул по плечу Макмердо и провел в ту самую тайную комнату, в которой состоялся их первый разговор.

– Могу тебя обрадовать, – сказал он. – Наконец-то нашлась достойная тебя работа. Разработку и проведение я доверяю тебе.

– О, это честь для меня, – ответил Макмердо.

– Можешь взять двух человек... Мандерса и Рейли. Их уже предупредили. Мы не добьемся полной власти в этом районе, пока не уладим дело с Честером Уилкоксом. Все ложи, существующие в долине, будут благодарны тебе, если ты избавишь нас от этого человека.

– По крайней мере, сделаю все, что в моих силах. Кто он и где мне его найти?

Макгинти вынул изо рта вечную сигару и набросал на листке из записной книжки грубую схему.

– Он старший мастер в «Айрон-Дайк компани». Крепкий орешек, ветеран войны, бывший полковой сержант-знаменщик, весь в шрамах, седой. Мы два раза пытались достать его, но оба раза неудачно. Прошлый раз погиб Джим Карнауэй. Теперь тебе предстоит наконец закончить это дело. Теперь смотри, слушай и запоминай. Вот это его дом... Стоит на отшибе, у перекрестка Айрон-Дайк, видишь, как на карте нарисовано? Других домов рядом нет. Днем туда соваться не стоит – он всегда вооружен и вопросов не задает, стреляет быстро и точно. Но ночью... Живет он с женой, тремя детьми и служанкой. Свидетелей оставлять нельзя. Убить надо всех. Если удастся подложить под дверь мешок пороха с фитилем...

– Что он сделал?

– Ты что, не знаешь? Он подстрелил Джима Карнауэя.

– За что?

– Какого дьявола это тебя интересует? Карнауэй крутился ночью у его дома, он его и застрелил. И мне, и тебе этого достаточно. Ты должен поквитаться с ним.

– А эти две женщины и дети? Их тоже в расход?

– Придется, иначе как мы до него доберемся?

– Довольно жестоко, они-то ни в чем не виноваты.

– К чему эти глупые разговоры? Ты что, отказываешься?

– Тише, советник, тише! Я когда-нибудь говорил или делал что-нибудь такое, что вы могли бы подумать, будто я стану отказываться исполнять приказы владыки собственной ложи? Хорошо это или плохо – решать вам.

– Так ты это сделаешь?

– Конечно же.

– Когда?

– Я думаю, мне понадобится одна-две ночи, чтобы присмотреться к дому, придумать план. Потом...

– Прекрасно, – Макгинти пожал ему руку. – Я на тебя надеюсь. Когда ты принесешь нам хорошие вести, для всех нас это будет великий день. После такого удара все наши враги падут на колени.

Макмердо долго и глубоко размышлял над неожиданным заданием. Одиноким домом, в котором жил Честер Уилкоккс, находился в глубине долины, милях в пяти от города. В ту же ночь Макмердо сам отправился к дому на разведку и вернулся только утром. На следующий день он поговорил со своими помощниками, Мандерсом и Рейли, легкомысленными молодыми людьми, которые радовались этому заданию, словно им предстояло участвовать в охоте на оленя.

Двумя ночами позже они встретились за городом. Все трое были вооружены, у одного в руках был мешок с порохом, который применяется при горных разработках. К дому подошли в два часа ночи. Ночь была ветреная, через неполный диск луны стремительно пронеслись рваные облака. Заговорщики знали, что нужно опасаться сторожевых собак, поэтому продвигались очень осторожно, держа наготове револьверы. Но кроме завывания ветра не было слышно ни звука, и нигде не было заметно ни движения, лишь ветки качались у них над головами.

Макмердо подкрался к двери и прислушался. В доме все было тихо. Тогда он положил на порог мешок с порохом, ножом прорезал в нем отверстие, вставил фитиль и поджег. Едва фитиль разгорелся, все трое со всех ног бросились прочь и успели залечь на безопасном расстоянии от дома в неглубоком овраге, когда сперва прогремел оглушительный взрыв, а потом глухой рокот обрушившихся стен здания дал понять им, что дело сделано. Более «чистой» работы за всю свою кровавую историю общество еще не видело.

Но увы, вся эта прекрасно организованная и идеально выполненная работа оказалась напрасной! Зная о судьбе предыдущих жертв и догадываясь, что в покое его не оставят, Честер Уилкоккс всего за день до этого переехал вместе с семьей в более безопасное место, под охрану полиции. Взрыв разрушил пустой дом, и суровый отставной сержант-знаменщик по-прежнему продолжал следить за дисциплиной на шахте «Айрон-Дайк».

– Оставьте его мне, – сказал Макмердо. – Я достану этого человека, хоть бы пришлось ждать целый год.

На общем собрании ложи исполнителям были вынесены благодарность и доверие, и на какое-то время дело отложили. Когда через несколько недель газеты сообщили, что Уилкоккс был застрелен из засады, не понадобилось объяснять, что это Макмердо сдержал обещание и довел до конца начатое дело.

Вот чем жил Орден свободных тружеников, вот какими приемами «сердитые» насаждали страх в великом и богатом шахтерском районе, обитатели которого так долго страдали

от их власти. К чему пятнать эти страницы рассказом об очередных преступлениях? И о людях, и об их поступках сказано уже достаточно.

Все эти события вписаны в историю, желающие узнать подробности могут обратиться к архивам. Там можно прочитать о том, как были застрелены полицейские Хант и Эванс, которые решились арестовать двух членов общества... Это двойное убийство было спланировано в вермисской ложе и хладнокровно воплощено в жизнь, когда жертвы были безоружны и беззащитны. Там же можно прочитать о том, как застрелили миссис Ларби, выхаживавшую своего мужа, которого по приказу босса Макгинти забили чуть не до смерти; об убийстве старшего Дженкинса и о последовавшей в скором времени расправе над его братом; о том, как изувечили Джеймса Мердока; о взрыве, унесшем жизни семьи Степхаусов; о жуткой смерти Стендалов; обо всех тех злодеяниях, которые были совершены в ту кошмарную зиму.

Страх накрыл Долину Ужаса черным крылом. Весна пришла вместе с побежавшими ручьями и распутившимися почками на деревьях. Природа, так долго скованная железной хваткой холода, была полна надежд, но для мужчин и женщин, живущих под игом террора, надежды не было никакой. Никогда еще тучи не сгустились над ними так плотно, как в начале лета тысяча восемьсот семьдесят пятого года.

Глава 6 Опасность

Господство страха достигло своего расцвета. Макмердо уже избрали младшим дьяконом, и многие видели в нем преемника Макгинти на посту владыки. Теперь ни одно собрание ложи не обходилось без него и ничто не делалось без его участия или совета. Однако, чем большим уважением он пользовался среди свободных тружеников, тем большую ненависть питали к нему остальные жители Вермиссы. Когда он проходил по улицам, не было такого лица, которое не омрачилось бы при встрече с ним. Несмотря на страх, горожане начали спланировать против ненавистных угнетателей. До ложи дошли слухи о собраниях, проводившихся тайно в помещении редакции «Геральд», о том, что среди законопослушных граждан стали распространять огнестрельное оружие. Впрочем, Макгинти и его людей эти вести волновали мало. Их было много, они были решительны и хорошо вооружены. Противники их были разобщены и слабы. Все это должно было, как и раньше, закончиться бесполезными разговорами, возможно, парой бессмысленных арестов. Так считали Макгинти, Макмердо и остальные стойкие духом братья.

Был май, субботний вечер. Собрания ложи всегда проводились по субботам, и когда Макмердо уже собирался направиться в Дом Союза, к нему зашел брат Моррис, считавшийся в ложе паршивой овцой. Он был очень бледен и тревожно хмурил брови.

– Могу я разговаривать с вами открыто, мистер Макмердо?

– Конечно.

– Я не забыл, что однажды доверился вам и вы не выдали меня, несмотря на то что сам босс приходил к вам и расспрашивал обо мне.

– Я же пообещал сохранить наш разговор в тайне, поэтому не мог поступить иначе. Но это не означает, что я согласен со всем, что вы тогда сказали.

– Я это прекрасно знаю, но вы – единственный человек, которому я могу доверять, не опасаясь за свою жизнь. У меня есть тайна, – приложил он к груди руку. – И она не дает мне покоя, сжигает меня изнутри. Мне бы очень хотелось, чтобы о ней узнал не я, а кто-нибудь из вас, но... Если я раскрою ее, это закончится очередным убийством. Но, если не раскрою, можем погибнуть мы все. Боже, я не знаю, что мне делать!

Макмердо удивленно посмотрел на гостя, тот весь дрожал.

– Выпейте, для таких, как вы, это лучшее лекарство, – он налил в стакан виски и протянул Моррису. – А теперь рассказывайте.

Моррис выпил, и его бледные впалые щеки слегка порозовели.

– Весь рассказ можно уместить в одно предложение, – сказал он. – По нашему следу идет сыщик.

Макмердо недоуменно уставился на него.

– Вы что, с ума сошли? В этом городе полно полиции и сыщиков, но разве когда-нибудь у нас с ними возникали трудности?

– Нет-нет, этот человек не из местных. Своих-то мы всех знаем, и понятно, что нам они ничего не сделают. Но вы когда-нибудь слышали об агентстве Пинкертона?

– Да, что-то читал о них.

– Можете мне поверить, когда за тебя берется кто-то из них – тебе конец. Это не обычные ищейки, которым наплевать, чем все закончится. Это профессионалы, работающие за деньги, и они не отступятся, пока не доведут дело до конца, чего бы это им ни стоило. Если за нас взялся кто-то из них – мы пропали.

– Мы должны убить его!

– Вот вы как думаете! Наверняка в ложе тоже об этом подумали бы в первую очередь. Я же вам говорил, что дело закончится убийством.

– Ну и что? В наших краях этим никого не удивишь.

– О да! Только я не хочу быть наводчиком. Я потом до конца дней своих не буду знать покоя. Но ведь на кону и наши собственные головы! Господи, подскажите, что мне делать? – В отчаянии он схватился руками за голову и стал раскачиваться из стороны в сторону.

Его слова взволновали Макмердо. Было заметно, что он разделяет мнение брата о грозящей им опасности. Он схватил Морриса за плечи и крепко тряхнул.

– Слушайте, хватит сидеть и стонать, как вдова на поминках, – закричал он, едва сдерживаясь. – Давайте разбираться. Кто этот парень? Где он? Как вы о нем узнали? Почему пришли ко мне?

– Потому что вы единственный человек, который может мне посоветовать, как поступить. Я вам когда-то уже рассказывал, что раньше, до переезда сюда, я владел магазином на востоке страны. Там у меня остались хорошие друзья, и один из них работает на телеграфе. Вот это письмо я получил вчера от него. Прочитайте эту часть, вверху страницы.

Вот что прочитал Макмердо:

«Как у вас там с „сердитыми“? У нас о них во всех газетах пишут. Никому не говори, но я очень надеюсь в скором времени получить от тебя ответ. Пять больших корпораций и две железнодорожные компании решили объединиться, чтобы покончить с ними. Дело серьезное, и я не сомневаюсь, что они своего добьются, потому что они наняли Пинкертона, и сейчас этим делом занимается его лучший специалист, Берди Эдвардс. Со дня на день все это должно закончиться».

– А теперь прочитайте постскрипtum.

«Разумеется, то, о чем я тебе написал, я узнал случайно на работе – прочитал на одной из тех лент с точками, ярды которых проходят через мои руки за день. Никто, кроме тебя, об этом знать не должен».

Какое-то время Макмердо сидел молча, продолжая держать письмо в ослабевших руках. На миг туман рассеялся, и он понял, какая пропасть разверзлась перед ним.

– Кто-нибудь еще об этом знает? – наконец спросил он.

– Я больше никому не рассказывал.

– А этот человек... ваш друг, он мог сообщить об этом кому-нибудь еще кроме вас?

– Думаю, у него, кроме меня, есть и другие знакомые.

– Из логи?

– Вполне может быть.

– Я спросил, потому что он мог бы дать нам описание этого Берди Эдвардса... И тогда мы смогли бы вычислить его.

– Это так, но откуда ему знать, как он выглядит? Он же сам случайно о нем узнал. Сам-то он не связан с Пинкертоном.

И тут Макмердо встрепенулся.

– Черт возьми! – вскричал он. – Есть! Я понял! Какой же я болван, что сразу не додумался! Нам повезло, мы выведем его на чистую воду, прежде чем он успеет нам навредить. Послушайте, Моррис, вы позволите мне самому с этим разобраться?

– Конечно, я буду только рад.

– Договорились. Вы отходите в сторону, и за дело берусь я. Даже имя ваше не должно упоминаться. Я все беру на себя, как если бы это письмо получил я. Вас это устроит?

– Об этом я и хотел вас попросить.

– Значит, отныне никому ни слова. А теперь я пойду в ложу, и этот старик Пинкертон пожалеет, что связался с нами.

– Вы не убьете этого человека?

– Чем меньше вы будете знать, друг мой Моррис, тем проще вам будет жить. Не спрашивайте меня ни о чем и доверьтесь мне.

Уходя, Моррис печально покачал головой.

– Я чувствую, что его смерть будет на моей совести, – пробормотал он.

– Самозащита – это ведь не убийство, – улыбнувшись, бросил ему вслед Макмердо. – Либо они нас, либо мы их. Если позволить этому человеку оставаться в долине, он уничтожит нас всех. Знаете, брат Моррис, придется следующим владыкой назначать вас, вы ведь, можно сказать, спасли всю ложу.

И все же поведение Макмердо говорило о том, что это известие он воспринял намного серьезнее, чем хотел показать. Возможно, дело было в его совести, страдающей от сознания вины; возможно, такое впечатление произвело на него упоминание знаменитого агентства Пинкертона или весть о том, что крупные корпорации объединили свои усилия против общества «сердитых», но, как бы то ни было, он повел себя как человек, готовящийся к худшему. Прежде чем выйти из дома, он уничтожил все документы, которые могли навести на него подозрение. Покончив с этим, он вздохнул с облегчением, так, словно посчитал, что теперь ему ничто не угрожает. И все же опасность, должно быть, все еще угнетала его, потому что по пути в ложу он зашел в гостиницу старика Шафтера. Появляться там ему было запрещено, но, когда он постучал в окно, выглянула Этти. Из темных ирландских глаз ее возлюбленного исчезли озорные огоньки – едва увидев его озабоченное лицо, она поняла, что ему угрожает опасность.

– Что с тобой, Джек? – воскликнула она. – Что-то случилось?

– Нет, любимая, пока нет, но будет лучше, если мы не будем терять время.

– Не будем терять время?

– Помнишь, я обещал, что однажды уеду отсюда? Время пришло. Сегодня я получил новость, плохую новость. Приближается беда.

– Полиция?

– Ну, как сказать... Пинкертон. Но тебе, девочка моя, эта фамилия ничего не скажет, ты не поймешь, что это означает для таких людей, как я. Я слишком сильно связан со всем этим, так что мне, может быть, придется убираться отсюда как можно скорее. Ты говорила, что, если я уеду, ты поедешь со мной.

– О Джек, для тебя это единственный шанс спастись.

– Этти, в некоторых вещах я честный человек. Ни за какие сокровища мира я бы не тронул и волоска на твоей прекрасной головке и не посмел бы даже прикоснуться к тому золотому трону на небесах, на котором я тебя всегда представляю. Ты доверишься мне?

Не говоря ни слова, она вложила свою ладонь в его.

– Тогда послушай, что я скажу, и выполни все в точности, потому что для нас действительно нет другого выхода. Эту долину ждут большие перемены. Я чувствую это. Многих может коснуться беда, и я, скорее всего, буду одним из них. Если мне придется отсюда уезжать, ты должна уехать со мной. Когда бы это ни случилось, хоть днем, хоть ночью.

– Я поеду за тобой, Джек!

– Нет, нет, ты должна поехать вместе со мной. Я ведь не оставлю тебя здесь, если сам уже никогда не смогу вернуться в эту долину, и мне, может быть, придется всю жизнь скрываться от полиции и даже лишиться возможности написать тебе. Мы должны уехать отсюда вместе. Там, где я раньше жил, я знаю одну добрую женщину, ты сможешь остаться у нее, пока мы не поженимся. Ну что, поедешь со мной?

– Да, Джек, поеду.

– Благослови тебя Господь! Гореть мне в аду вечным пламенем, если ты когда-нибудь пожалеешь, что доверилась мне. Теперь запомни, Этти, как только ты получишь от меня знак, ты должна будешь бросить все, сразу же пойти на вокзал в зал ожидания и ждать там, пока я не приду за тобой.

– Джек, я сделаю это, обещаю!

Почувствовав некоторое облегчение от того, что подготовка к спасению началась, Макмердо направился в Дом Союза. Заседание уже началось, поэтому попасть внутрь ему удалось только пройдя сложную систему обмена паролями и условными знаками сначала на внешнем, потом на внутреннем посту охраны. При его появлении зал радостно зашумел. Большое, вытянутое в длину помещение было забито людьми. Сквозь густой табачный дым в дальнем конце он рассмотрел спутанную черную гриву владыки, жестокое и надменное лицо Болдуина, секретаря Харрауэя, длинной морщинистой шеей и крючковатым носом напоминающего грифа, и еще с десяток людей из руководства ложи. Он обрадовался, что важную новость можно будет сообщить всем сразу.

– О, рады видеть тебя, брат! – воскликнул председатель. – Мы тут обсуждаем дело, достойное мудрейшего Соломона.

– Это Лэндер и Эган, – пояснил ему сосед, когда он занял свое место. – Они оба претендуют на деньги, которые ложа обещала выплатить тому, кто убьет старика Крэбба из Стайлстауна. Теперь вот не можем решить, кто выстрелил первым.

Макмердо встал и поднял руку. Выражение его лица привлекло к себе общее внимание, зал настороженно притих.

– Великий владыка, – серьезным голосом произнес он. – Прошу предоставить мне слово по неотлагательному делу.

– У брата Макмердо неотлагательное дело, – объявил Макгинти. – Согласно уставу ложи он имеет право выступить вне очереди. Итак, брат, мы слушаем тебя.

Макмердо вытащил из кармана письмо.

– Великий владыка, братья, – начал он. – Сегодня я принес плохие новости. Но хорошо, что мы узнаем о беде заранее и сумеем подготовиться к удару, который может сокрушить нас всех. Я узнал, что самые могущественные и богатые организации нашего штата объединились для того, чтобы уничтожить нас, и что сейчас, в эту самую минуту, в долине орудует один из агентов Пинкертона, некто Берди Эдвардс, он собирает улики, которые многих из нас отправят на виселицу, а всех остальных, присутствующих в этом зале, – за решетку. Вот то неотлагательное дело, которое я хотел вынести на обсуждение.

Стало очень тихо. Молчание нарушил председатель.

– У вас есть доказательства, брат Макмердо? – спросил он.

– Да, они в этом письме, – сказал Макмердо и прочитал вслух нужный отрывок. – Я не могу рассказать, как я получил это письмо, или передать его вам, потому что дал слово не делать этого, но, можете мне поверить, в нем больше нет ничего такого, что затрагивало бы интересы ложи. Как только письмо попало ко мне в руки, я сразу же направился сюда.

– Разрешите сделать замечание, господин председатель, – взял слово один из старейшин. – Мне знакомо имя Берди Эдвардса, он считается одним из лучших в агентстве Пинкертона.

– Кто-нибудь знает его в лицо? – спросил Макгинти.

– Да, – спокойно произнес Макмердо. – Я знаю. – По залу прокатился удивленный ропот. – И я думаю, что он от нас никуда не денется, – продолжил он с торжествующей улыбкой. – Будем действовать быстро и по-умному – уладим это дело. Если вы доверитесь мне и согласитесь помочь, то бояться нам нечего.

– А чего нам, собственно, бояться? Что ему может быть известно о наших делах?

– Если бы все были такими надежными людьми, как вы, советник, то нам действительно нечего было бы бояться. Но за спиной этого человека стоят капиталисты с миллионами долларов на счетах. Вы полагаете, что во всех ложах все братья настолько неподкупны? Он разнюхает наши тайны... Может быть, уже разнюхал. Из этой ситуации есть только один выход.

– Сделать так, чтобы он никогда не покинул эту долину, – зловеще произнес Болдуин. Макмердо кивнул.

– Молодец, брат Болдуин, – сказал он. – Мы с тобой во многом не сходимся, но сейчас ты произнес слова истины.

– Так где он? Как нам его найти?

– Великий владыка, – уверенно произнес Макмердо, – вы понимаете, что это слишком важный вопрос, чтобы обсуждать его при всех. Нет-нет, ни в ком из присутствующих я не сомневаюсь, но, если до слуха этого человека дойдет хоть одно неосторожное слово, мы его уже никогда не поймем. Я прошу ложу собрать комитет из доверенных лиц. Я включил бы в него, если позволите, вас, господин председатель, брата Болдуина и еще пятерых. И тогда я смогу рассказать все, что мне известно, и предложить свой план действий.

Предложение было принято, сразу же был избран и комитет. Кроме председателя и Болдуина в него вошли грифоподобный секретарь Харрауэй, жестокий молодой убийца Тигр Кормак, казначей Картер и братья Уиллаби, отчаянные, не верящие ни в бога, ни в черта парни, готовые на все.

Обычная пирушка, которой заканчивались собрания ложи, прошла невесело и скандално, потому что новость не давала покоя никому из братьев и для многих из них карающий закон впервые закрыл темной тучей безоблачное небо вседозволенности, под которым они так долго жили, не ведая забот. Ужас, который они наводили на других, стал такой неотъемлемой частью их каждодневного существования, что мысль о возможном возмездии давно перестала тревожить их и оттого сейчас поразила их еще больше, когда кара за совершенное зло стала казаться такой близкой. Разошлись рано, оставив своих руководителей решать большие задачи.

– Итак, Макмердо, слушаем тебя, – приступил к делу Макгинти, когда в зале не осталось никого, кроме семи участников комитета, которые сидели на своих местах в застывших позах.

– Как я только что сказал, я знаю Берди Эдвардса, – объяснил Макмердо. – Разумеется, он находится здесь под другим именем. Он храбрый человек, но не сумасшедший. Он называет себя Стивом Уилсоном и снимает квартиру в Хобсонс-пэтч.

– Откуда тебе это известно?

– Потому что я как-то с ним разговаривал. Тогда я об этом не подумал, да и забыл о том разговоре с тех пор, но, когда прочитал это письмо, сразу вспомнил, и теперь я совершенно уверен, что не ошибся. Я встретил его в поезде, когда в среду ездил в Хобсонс-пэтч... Да, сразу видно, он стреляная птица. Назвался репортером из нью-йоркской газеты. Тогда я ему поверил. Он все расспрашивал о «сердитых» и о творящемся у нас «произволе», как он это называл. Само собой, я ничего ему рассказывать не стал. «Я заплачу, – говорил он, – и хорошо заплачу, если добуду что-нибудь такое, что понравится моему редактору». Я наплел ему всякой чуши, чтобы он отстал, и тогда он заплатил мне двадцать долларов и сказал, что заплатит в десять раз больше, если я помогу ему узнать все, что он хочет.

– И что ты ему рассказал?

– Да всякую ахинею, которая в голову пришла.

– Как ты догадался, что он не репортер?

– Он сошел в Хобсонс-пэтче, я тоже. И там я как-то столкнулся с ним в телеграфной конторе. Когда я заходил, он как раз из нее выходил. «Полюбуйтесь, – сказал телеграфист, когда он вышел, – нам бы с него по двойному тарифу нужно брать за такие-то телеграммы». «Это точно», – сказал я, потому что на бланке, который мне показали, была написана какая-то совершенная тарабарщина. «И такое он каждый день шлет, – добавил телеграфист. – Это он так новости для своей редакции шифрует, чтобы другие газеты не перехватили». Так решил телеграфист, и я тогда тоже так подумал. Но теперь я думаю иначе.

– Черт побери, похоже, ты прав! – воскликнул Макгинти. – Так что же ты предлагаешь делать?

– Может, стоит поехать туда прямо сейчас, оторвать ему голову, и дело с концом? – предложил кто-то.

– Да, и чем раньше, тем лучше.

– Я бы сделал это сию же минуту, если бы знал, где там его искать, – сказал Макмердо. – Нам известно, что он в Хобсонс-пэтче, но где он там живет? У меня есть план. Думаю, если вы меня поддержите, он окажется в наших руках.

– Ну так говори!

– Завтра утром я поеду в Хобсонс-пэтч и найду его через телеграфиста, думаю, он должен знать, где живет этот Эдвардс. Я скажу ему, что я сам вольный труженик и что готов продать все тайны ложи за определенную плату. На такую наживку он точно клюнет. Потом я скажу, что все документы хранятся у меня дома, но я не хочу рисковать и приглашать его к себе днем, когда вокруг полно народу, – для меня это слишком опасно. Думаю, он согласится, что это вполне благоразумно. Встречу можно будет назначить на десять вечера. Он приедет, увидит все, что нужно, и это его убедит.

– А дальше?

– Ну а что с ним делать дальше – решайте сами. Дом вдовы Макнамара стоит на отшибе. Она надежный человек, да еще и глухая как пень. В доме, кроме меня и Сканлана, никто не живет. Если мне удастся заставить его дать слово молчать (я вам об этом сообщу позже), вы все семеро соберетесь у меня к девяти, и через час он сам придет к нам в руки. Если после этого ему удастся остаться в живых, что ж, тогда он до конца дней своих может рассказывать всем, что Берди Эдвардс – самый большой везунчик в Штатах!

– Клянусь Богом, скоро у Пинкертона появится вакантное место! Решено! Завтра в девять мы будем у тебя, Макмердо. Тебе нужно будет только впустить его в дом, остальное мы сделаем сами.

Глава 7 Ловушка

Как и сказал Макмердо, дом, в котором он жил, как нельзя лучше подходил для того преступного плана, который был разработан в ложе. Он стоял в глухом, уединенном месте на самой окраине города, вдалеке от дороги. В любом другом случае заговорщики просто подстерегли бы жертву на улице и расстреляли из револьверов, как уже не раз делали раньше, но сейчас было крайне важно предварительно узнать у Эдвардса, как много он успел выведать, каким образом и что уже известно тем, кто его нанял.

Вполне могло оказаться, что они опоздали и пинкертоновский агент уже сделал свое дело. В этом случае они, по крайней мере, могли отомстить ему. Однако они надеялись, что детектив еще не успел разнюхать ничего важного, в противном случае он не стал бы сообщать своему начальству ту чепуху, которую Макмердо, по его словам, наплел ему в поезде. Как бы то ни было, ответы на все эти вопросы они планировали получить от него самого. Когда он попадет к ним в руки, уж они-то найдут способ развязать ему язык – не впервой.

Как и было договорено, Макмердо отправился в Хобсонс-пэтч. В то утро полиция, похоже, проявляла к нему особенный интерес. Капитан Марвин, тот самый, который утверждал, что знал его еще по Чикаго, даже обратился к нему по имени, когда он ждал поезда на станции, но Макмердо просто отвернулся и не стал с ним разговаривать. В Вермиссу он вернулся днем и сразу же направился в Дом Союза, к Макгинти.

– Он приедет, – сообщил Макмердо.

– Хорошо, – сказал Макгинти. Черноволосый гигант был без пиджака, на его жилете поблескивали цепочки с печатками, сквозь косматую черную бороду сверкала бриллиантовая булавка в галстук. Содержание салуна и политика сделали босса очень богатым и могущественным человеком, и оттого представший вчера перед ним призрак тюрьмы или даже виселицы показался ему еще более ужасным.

– Как думаешь, много он успел вынюхать? – с тревогой в голосе спросил он.

Макмердо мрачно покачал головой.

– Он здесь уже давно работает... Месяца полтора самое меньшее. Не думаю, что он приехал в наши края любоваться природой. Если он все это время работал среди нас, имея за спиной деньги железнодорожников, то, скорее всего, уже достаточно разведал и передал хозяевам.

– В ложе нет изменников! – вскричал Макгинти. – Все ребята – преданные и надежные люди, все до единого! Есть, правда, этот слизняк Моррис. Может, стоит его проверить? Если нас кто-то продал, то это наверняка он. Я сейчас пошлю к нему пару ребят, пусть вышибут из него все, что ему известно.

– Это можно, – кивнул Макмердо. – Скажу честно, мне этот Моррис нравится, и мне будет его жаль. Я пару раз разговаривал с ним о делах ложи, и, хоть он и воспринимает все не так, как вы или я, на предателя он не похож. Но решать, что с ним делать, все равно вам.

– Я раздавлю этого старого черта, – зло бросил Макгинти и выругался. – Я давно за ним наблюдаю.

– Дело ваше, – сказал Макмердо, – только все это нужно будет сделать завтра. Пока не уладится дело с Пинкертоном, нам нужно быть тише воды, ниже травы. Нельзя допустить, чтобы полиция зашевелилась, особенно сегодня.

– Твоя правда, – согласился Макгинти. – Да мы и от самого Берди Эдвардса узнаем, кто нас предал, если даже для этого придется вырезать ему сердце. Он ничего не почувял?

Макмердо рассмеялся.

– Думаю, я нашел его слабое место, – сказал он. – Чтобы узнать побольше о «сердитых», он готов и в ад спуститься. Он уже заплатил мне, – Макмердо ухмыльнулся и достал из кармана пачку долларов. – Обещал дать еще столько же, когда увидит бумаги.

– Какие бумаги?

– Да нет никаких бумаг. Я наплел ему, что у общества существует конституция, книги правил, анкеты для поступающих. Он хочет узнать все до мелочей, прежде чем уезжать.

– Узнает, узнает, – зловеще прищурил глаза Макгинти. – Он не спросил, почему ты не привез бумаги с собой?

– Я что, похож на идиота, который станет носить такие вещи при себе? Тем более что сам сижу у полиции на крючке, да еще утром ко мне этот капитан Марвин подкатывал!

– Да, я слышал об этом, – кивнул Макгинти. – Похоже, для тебя это дело становится опасным. Мы-то можем сбросить тело в старую шахту, но им известно, что Эдвардс жил в Хобсонс-пэтче и что ты туда сегодня ездил.

Макмердо пожал плечами.

– Если мы все сделаем как надо, они не смогут доказать, что его убили, – сказал он. – В это время на улице будет темно, никто не увидит, как он зайдет ко мне. Как покинет мой дом, надеюсь, тем более. Советник, сейчас я вам опишу свой план и попрошу, чтобы вы дали указание остальным придерживаться его. Сначала вы все собираетесь у меня заранее. Отлично, дальше. Он приходит в десять и, как мы с ним договорились, стучит три раза. Я вступаю его в дом. Потом закрываю за ним дверь – и все, он весь наш!

– Все достаточно просто и ясно.

– Да, но теперь нужно решить, что делать дальше. Этот парень не так-то прост, к тому же хорошо вооружен. Я-то мозги ему запудрил, но скорее всего он все равно будет начеку. Он рассчитывает, что я в доме буду один, поэтому, когда я проведу его в комнату, где он увидит семерых, начнется стрельба, кто-нибудь может пострадать.

– Верно.

– К тому же на такой шум сбегутся все полицейские города.

– Это точно.

– Вот что я предлагаю. Вы все будете ждать в большой комнате... в той самой, в которой мы с вами однажды разговаривали. Я открою дверь, впущу его, проведу в гостиную, оставлю там, а сам уйду якобы за бумагами. Заодно появится возможность сообщить вам, как все продвигается. Потом я вернусь с какими-нибудь липовыми бумагами. Когда он начнет их проверять, я наброшусь на него, скручу руки, чтобы он не смог взяться за оружие, и крикну вам. Вы тут же влетаете в комнату и вяжете его, и чем быстрее это сделаете, тем лучше, потому что он не слабее меня и всякое может статься. Но я не сомневаюсь, что пару секунд я сумею его удержать.

– Неплохо придумано, – одобрил Макгинти. – Ложа перед тобой в долгу за это. Я думаю, что знаю, кого буду рекомендовать на свое место, когда наступит время избирать нового владыку.

– Ну что вы, советник, я в ложе-то без году неделя, – сказал Макмердо, но по лицу его было видно, что на самом деле значила для него похвала великого человека.

Вернувшись домой, Макмердо взялся за приготовления к решающему вечеру. Первым делом он почистил, смазал и зарядил свой револьвер марки «Смит-Вессон». Потом осмотрел комнату, в которой планировалось устроить ловушку на сыщика. Это было большое помещение с длинным сосновым столом посередине и большой печью у стены. Окна на остальных стенах были без ставен, они закрывались только легкими шторами. Их Макмердо осмотрел с особым вниманием. Несомненно, жертву насторожит то, что для такой тайной встречи выбрана эта почти незащищенная комната. Хотя до дороги далеко, может, это его и успокоит. Покончив с комнатой, Макмердо поговорил со своим соседом. Сканлан, хоть и состоял в

рядах «сердитых», был безобидным малым, которому не хватало духу перечить своим товарищам. Кровавые злодеяния, участником которых ему порой приходилось становиться, в душе ужасали его, но он не осмеливался этого показать. Макмердо в двух словах описал ему, что здесь будет происходить.

– И на твоём месте, Майк Сканлан, я бы не стал сегодня оставаться дома. Ночью здесь прольётся кровь.

– Да, Мак, – согласился Сканлан. – Знаешь, мне не хватает не воли, а хладнокровия. Когда я увидел, как на шахте уложили управляющего Данна, меня чуть не вывернуло. Просто не мое это, не такой я человек, как ты или Макгинти. Если в ложе не против, я поступлю так, как ты советуешь.

Остальные пришли, как и было договорено, заранее. С виду это были вполне добропорядочные горожане, прилично одетые, опрятные, но человек, умеющий читать по лицам, по плотно сжатым губам и холодным глазам, понял бы, что для Берди Эдвардса надежды на спасение нет. Среди этих людей не было никого, чьи руки не были бы раньше обагрены кровью по меньшей мере дюжину раз. Каждый из них, убивая человека, испытывал не больше мук совести, чем мясник, режущий овцу.

Самым страшным из них, и ликом и сердцем, был, конечно же, грозный босс. Секретарь Харрауэй, сухой, злобного вида старик с длинной тощей шеей и костлявыми руками и ногами, был кристально честен во всем, что касалось денежных вопросов Ордена, но безжалостен и несправедлив к остальным людям. Казначей Картер, мужчина средних лет с бесстрастным и недобрым лицом и желтой пергаментной кожей, был способным организатором, и почти все злодеяния, совершенные членами ложи, были порождением его изворотливого ума. Братья Уиллаби, высокие, подтянутые, спортивного вида молодые люди с решительными лицами, были одними из самых опытных убийц в ложе, а их товарищ Тигр Кормак, богатырского телосложения смуглый парень, безграничной жестокостью наводил ужас даже на своих товарищей. Вот какие люди в тот вечер собрались в доме Макмердо, чтобы убить одного из лучших детективов агентства Пинкертон.

Хозяин выставил гостям виски, и те поспешили взбодриться перед предстоящей работой. Болдуин и Кормак еще до этого успели где-то порядком набраться, и выпивка распалила их жестокость. Кормак прикоснулся к печи, которая была жарко натоплена, потому что ночи еще были холодные.

– Сойдет, – криво улыбнулся он, отдернув пальцы.

– Ага, – поддакнул Болдуин, сообразив, что его товарищ имеет в виду. – Привяжем его к ней – он у нас быстро заговорит.

– Уж не беспокойтесь, разговорить его мы сумеем, – невозмутимо произнес Макмердо. Похоже, у этого человека были стальные нервы – несмотря на то что успех всей операции зависел от него, он, кажется, не испытывал ни малейшего волнения. Остальные заметили это и, оценив должным образом, заплодировали.

– Мы тебе доверяем, – с одобрением кивнул босс. – Он ни о чем не должен догадаться, пока ты не возьмешь его за горло. Жаль, что окна здесь без ставен.

Макмердо по очереди обошел окна и зашторил их поплотнее.

– Все, так нас никто не увидит. Он уже скоро должен явиться.

– А что, если он не придет? Может, он почуял опасность? – усомнился секретарь.

– Придет, никуда не денется, – успокоил его Макмердо. – Ему хочется заполучить эти бумаги не меньше, чем вам с ним по квитаться. Тихо!

Все замерли, словно восковые фигуры, кто-то даже не донес стакан с виски до рта. Раздались три громких удара в дверь.

– Тс-с-с! – Макмердо приложил палец к губам. Мужчины обменялись радостными взглядами и взялись за оружие.

– Ни звука! – едва слышно шепнул Макмердо и вышел из комнаты, закрыв за собой дверь.

Убийцы настороженно затихли, вслушиваясь в удаляющиеся по коридору шаги своего товарища. Послышался звук открывающейся двери, слова короткого приветствия. Затем кто-то прошел по коридору, незнакомый голос тихо произнес несколько невнятных слов, в следующую секунду хлопнула дверь и в замке скрежетнул ключ. Все, добыча была в ловушке. Тигр Кормак захохотал, но босс Макгинти мигом закрыл ему рот своей ручищей.

– Тихо, идиот! – просипел он. – Хочешь, чтобы все сорвалось?

В соседней комнате разговаривали, но слов было не разобрать. Притаившимся в засаде убийцам разговор этот показался бесконечным. Но наконец дверь отворилась, и появился Макмердо. Сделав знак молчать, он прошел в комнату, остановился у стола и оглянулся на товарищей. Удивительная перемена произошла с ирландцем. Движения его сделались быстрыми и точными, как у человека, занятого исключительно важным делом. Лицо его словно окаменело. Глаза по-звериному хищно горели за стеклами очков. Теперь он был хозяином положения. Все выжидающе смотрели на него, но он не произносил ни слова, лишь быстро переводил взгляд с одного на другого.

– Ну что? – наконец не выдержал босс Макгинти. – Он здесь? Берди Эдвардс здесь?

– Да. Берди Эдвардс здесь, – медленно произнес Макмердо. – Он перед вами!

Тишина, продлившаяся десять секунд после этой короткой фразы, была такая, что можно было подумать, будто комната опустела. Неожиданно на плите оглушительно засвистел чайник. Семь бледных, скованных беспредельным ужасом лиц были повернуты к этому человеку, который возвышался над ними. И вдруг с громким звоном стекла всех трех окон рассыпались, сорванные шторы полетели на пол и в комнату просунулись блестящие стволы ружей.

Босс Макгинти, взревев, как раненый медведь, вскочил и рванулся к приоткрытой двери, но, увидев направленный ему в голову револьвер и холодные как лед голубые глаза капитана Марвина из шахтерской полиции, попятился назад и снова опустился на свой стул.

– Здесь вам будет безопаснее, советник, – сказал человек, которого они знали под именем Макмердо. – А ты, Болдуин, если не уберешь руку с револьвера, до виселицы не доживешь. Медленно достань его, или, клянусь Создателем... Вот так-то лучше. Вокруг дома сорок вооруженных людей, сами посчитайте, какие у вас шансы. Заберите их оружие, Марвин!

Под дулами ружей сопротивление было совершенно бесполезно. Заговорщиков разоружили. Подавленные, с хмурыми лицами, они молча сидели за столом, затравленно озираясь по сторонам.

– Прежде чем мы расстанемся, я бы хотел сказать вам пару слов, – произнес человек, заманивший их в ловушку. – Думаю, что в следующий раз мы с вами увидимся на суде, когда я буду давать свидетельские показания. Мне бы хотелось, чтобы у вас было над чем подумать на досуге. Теперь, когда вы знаете, кто я, я наконец могу раскрыть карты. Я – Берди Эдвардс из агентства Пинкертон. Мне было дано задание развалить вашу шайку. Это была трудная и опасная игра. Ни одна душа, никто, даже самые близкие и дорогие мне люди, не знали, чем я занимаюсь на самом деле. Об этом было известно только присутствующему здесь капитану Марвину и тем, кто поручил мне это задание. И сегодня я, слава богу, вышел из этой игры победителем.

Семь бледных лиц по-прежнему были обращены к нему. В их глазах отчетливо читалась лютая ненависть. Обведя их взглядом, он сказал:

– Может быть, вы думаете, что игра еще не окончена? Что ж, я готов рискнуть. Но, по крайней мере, некоторые из вас уже вышли из игры, и сегодня же еще шестьдесят человек окажутся за решеткой. Я хочу сказать, что, принимаясь за эту работу, я не верил, что может

существовать такое общество, как ваше. Мне казалось, что вся эта шумиха раздута газетами и я смогу доказать это. Мне сказали, что дело напрямую связано с вольными тружениками, поэтому я отправился в Чикаго и стал одним из них. Там я еще больше убедился, что все это – пустая болтовня, потому что в обществе том я не увидел ничего злого, зато нашел много добра.

Но работу нужно было выполнить, поэтому я отправился в шахтерские районы. Попав сюда, я понял, что ошибался и дело обстоит намного серьезнее, чем могло показаться. Поэтому я остался, чтобы во всем разобраться. В Чикаго я никого не убивал. За свою жизнь я не изготовил ни одного фальшивого доллара. Те монеты, которые я вам раздавал, были настоящие, но я никогда в жизни еще не тратил деньги лучше. Понимая, как добиться вашего расположения, я все обставил так, будто меня преследует полиция. Все прошло, как я задумал.

Вскоре я вступил в вашу дьявольскую ложу и стал ходить на собрания. Кто-то может сказать, что я стал таким же. Это их право, но я все-таки вас взял. К тому же что происходило на самом деле? В ту ночь, когда я был принят в ложу, вы избили старика Стейнджера. Предупредить его об опасности я не мог – не было времени, но я остановил тебя, Болдуин, когда ты хотел убить его. Если я что-то и предлагал вам, чтобы утвердиться в обществе, то только если был уверен, что смогу предотвратить зло. Данна и Мензиса я спасти не мог, потому что у меня не было достаточно информации, но, уж поверьте, я прослежу, чтобы их убийц повесили. Честера Уилкокса я предупредил, и когда был взорван его дом, он сам и его семья находились в безопасном месте. Многих преступлений мне не удалось предотвратить, но, если вы вспомните, сколько раз ваши жертвы либо возвращались домой не той дорогой, либо уезжали в город, когда вы приходили за ними, либо оставались дома, когда вы думали, что они будут выходить, вы увидите мою работу.

– Проклятый иуда! – прошипел сквозь стиснутые зубы Макгинти.

– Если вам, Джон Макгинти, от этого легче, можете называть меня как хотите. Вы и подобные вам были в этих местах настоящими врагами Бога и людей. Кто-то должен был встать между вами и теми несчастными мужчинами и женщинами, которых вы держали в своих лапах. Был лишь один способ сделать это, и я им воспользовался. Вы называете меня предателем, но тысячи других назовут меня избавителем, который спустился в ад, чтобы спасти их. Я провел в этом аду три месяца, и ни за какие сокровища в мире не согласился бы прожить еще три таких месяца. Пока дело не было доведено до конца, я не мог уехать отсюда. Я должен был выведать все тайны, узнать все имена, и я ждал бы еще дольше, если бы случайно не узнал, что моя тайна может быть вот-вот раскрыта. В город пришло письмо, которое могло бы раскрыть вам глаза на то, что происходит у вас под носом. И тогда мне пришлось действовать, и действовать быстро.

Больше мне нечего вам сказать, кроме того, что, когда настанет мой час, мне будет легче умирать с мыслью о той работе, которую я провел в этой долине. Все, Марвин, дольше я вас задерживать не стану. Забирайте их.

Мало что еще можно добавить к этой истории. Сканлану было дано поручение отнести запечатанный конверт на адрес мисс Этти Шафтер. Принимая письмо, он подмигнул и понимающе заулыбался. Ранним утром прекрасная женщина и мужчина с поднятым воротником, с лицом, закутанным по самые глаза шарфом, сели в специальный поезд, предоставленный Железнодорожной компанией, и быстро, без остановок уехали из этого опасного края. Больше ни Этти, ни ее возлюбленный в Долину Ужаса не возвращались никогда. Через десять дней они поженились в Чикаго, свидетелем на их свадьбе был старик Джейкоб Шафтер.

Суд над «сердитыми» прошел далеко от тех мест, где их сторонники могли запугать слуг закона. Напрасно они пытались доказать свою невиновность, напрасно в попытке спа-

сти их лились рекой деньги ложи, деньги, которые выжимались шантажом и насилием из всего шахтерского района. Четкие, уверенные и спокойные показания того, кому были известны все подробности их жизни, организации их общества и их преступлений, перевесили уловки и хитрости их защитников. Наконец после стольких лет они были сломлены и получили по заслугам. Страх навсегда покинул долину.

Макгинти встретил свою судьбу на виселице. Перед смертью он умолял пощадить его и скулил от страха. Восемь его главных помощников разделили его судьбу. Пятьдесят с лишним человек получили разные сроки заключения. Работа Берди Эдвардса закончилась успехом.

И все же, как он и предсказывал, игра еще не была окончена. Предстояло разыграть еще партию, потом еще одну и еще. Виселицы удалось избежать, например, Теду Болдуину, братьям Уиллаби и еще нескольким самым жестоким участникам банды. Мир не видел их десять лет, но потом настал день, когда они снова оказались на свободе. Эдвардс, который прекрасно знал этих людей, понимал, что в этот день его спокойная жизнь закончилась. Они поклялись на всем, что для них было свято, отомстить ему за своих товарищей. И они были готовы на все, чтобы сдержать обещание.

Из Чикаго Эдвардсу пришлось бежать после двух покушений, едва не закончившихся для него смертью. Под вымышленным именем он уехал в Калифорнию, и там на какое-то время свет померк для него, когда умерла Этти Эдвардс. Потом он пережил еще одно покушение, от которого ему удалось спастись лишь чудом. После этого, сменив фамилию на Дуглас, он организовал рудник в одном из уединенных каньонов и вместе со своим английским партнером по фамилии Баркер сколотил приличное состояние. Наконец он получил известие, что неумолимые преследователи снова вышли на его след, и едва успел уехать в Англию. Таким образом в графстве Суссекс появился некий джентльмен по имени Джон Дуглас, который повторно женился на достойной женщине и пять лет прожил в тихом местечке Берлстоун, пока не случились странные события, о которых нам уже известно.

Эпилог

Полицейский суд рассмотрел дело Джона Дугласа и передал его в вышестоящую инстанцию. Уголовный суд четвертных сессий его оправдал, установив, что его действия можно квалифицировать как самозащиту.

«Любой ценой увезите его из Англии, – написал Холмс его жене. – Здесь существуют силы более могущественные, чем те, от которых он спасся. Вашему мужу оставаться в Англии опасно».

Прошло два месяца, мы начали постепенно забывать об этом деле, но однажды утром в нашем почтовом ящике оказалось странное короткое письмо. «Ну-ну, мистер Холмс. Ну-ну», – было написано в этом загадочном послании без обратного адреса и подписи. Я рассмеялся, прочитав эту чудную записку, но Холмс неожиданно посерьезнел.

– Это шутка дьявола, Ватсон, – заметил он и потом еще долго сидел, хмуро глядя в камин.

Вчера поздно вечером к нам вошла миссис Хадсон, наша хозяйка, и сообщила, что мистера Холмса хочет видеть какой-то джентльмен по неотложному делу. Вслед за ней явился Сесил Баркер, наш знакомый по берлстоунской усадьбе с подъемным мостом. Вид у него был безрадостный.

– У меня плохая новость... Ужасная новость, мистер Холмс, – мрачно произнес он.

– Я этого и боялся, – сказал Холмс.

– Вы что, тоже получили каблогранму?

– Нет, но я получил письмо от того, кто получил.

– Бедный Дуглас. Мне говорили, что на самом деле его фамилия Эдвардс, но для меня он всегда будет Джеком Дугласом из каньона Бенито. Я ведь говорил вам, что три недели назад они отплыли в Южную Африку на «Пальмире».

– Да.

– Вчера вечером корабль прибыл в Кейптаун, и сегодня утром я получил от миссис Дуглас вот эту каблограмму: «Джека смыло за борт во время шторма у берегов Святой Елены. Айви Дуглас».

– Вот, значит, как это произошло, – словно подумал вслух Холмс и вздохнул. – Не сомневаюсь, все было исполнено идеально.

– Вы хотите сказать, что это не был несчастный случай?

– Никоим образом.

– Его убили?

– Несомненно.

– Я тоже так думаю. Эти адские отродья «сердитые», это гнездо убийц...

– Нет-нет, дорогой сэр, – покачал головой Холмс. – Здесь чувствуется рука мастера. Никаких укороченных дробовиков, никаких неуклюжих револьверов. Настоящего гения можно узнать по мазку кисти. Я вижу здесь работу Мориарти. Это преступление было задумано в Лондоне, а не в Америке.

– Но мотив?

– Мотив очень простой. За этим убийством стоит человек, который не может позволить себе не довести дело до конца, человек, который достиг вершины потому, что все, за что он берется, обязательно должно закончиться успехом. Великий разум и мощь огромной преступной машины были направлены на то, чтобы уничтожить одного человека. Это все равно что колоть орехи паровым молотом... Абсурдное расточительство энергии, но орех-то расколот.

– Но какое отношение Мориарти вообще имеет ко всему этому?

– Я могу лишь сказать, что впервые мы узнали об этом деле от одного из его помощников. Эти американцы поступили мудро. Когда им потребовалось выполнить работу в Англии, они, как и любой иностранный преступник, обратились за консультацией к лучшему специалисту по подобного рода делам. С той минуты их жертва была обречена. Первым делом он направил свои силы на то, чтобы разыскать нужного им человека. Затем помог организовать нападение. Наконец, узнав из газет о неудаче своих партнеров, вступил в игру сам и поставил точку. Помните, я предупреждал Дугласа в Берлстоуне, что в будущем ему грозит опасность намного большая, чем та, которую он пережил. Теперь вы понимаете, что я был прав?

В бессильной злобе Баркер ударил себя кулаком по голове.

– Неужели мы так и будем сидеть сложа руки? Неужели вы хотите сказать, что никто и никогда не управится с этим дьяволом во плоти?

– Нет, я этого не говорю, – задумчиво произнес Холмс, словно вглядываясь в будущее. – Я не говорю, что его нельзя одолеть. Только дайте мне время... Дайте мне время!

Все мы несколько минут сидели молча, пока его вещей взгляд пытался пронзить завесу грядущего.

Гилберт Кийт Честертон

Гилберт Кийт Честертон родился 29 мая 1874 года в лондонском районе Кенсингтон. Получил начальное образование в школе Святого Павла. Затем учился изобразительному искусству в художественной школе Слейда, чтобы стать иллюстратором, также посещал литературные курсы в Университетском колледже Лондона, но обучение не закончил. В 1896 году Честертон начинает работать в Лондонском издательстве *Redway и T. Fisher Unwin*, где остается до 1902 года. В это же время он становится и журналистом и литературным критиком. В 1901 г. Честертон женится на Фрэнсис Блогг, с ней он проживет всю свою жизнь. В 1902 г. ему доверили вести еженедельную колонку в газете «Daily News», затем в 1905 Честертон начал вести колонку в «The Illustrated London News» – этой работой он занимался в течение 30 лет.

Будучи молодым человеком, Честертон увлекся оккультизмом и вместе с братом Сесилом экспериментировал с доской для спиритических сеансов. Однако позже это увлечение сошло на нет.

У Честертонна рано проявилась тяга к творчеству. Он планировал стать артистом, и его писательское мастерство демонстрирует умение воплощать видимые лишь автору сюжеты в конкретные и запоминающиеся события и образы. Даже в его беллетристике скрыты притчи.

Честертон был крупным человеком: его рост составлял 1,93 метра, а весил он около 130 килограммов. Друзья подшучивали над такими выдающимися габаритами писателя. Как-то раз Честертон сказал очень худому Бернарду Шоу: «Если кто-нибудь посмотрит на тебя, то подумает, что в Англии был голод». И тот ответил: «А если посмотрят на тебя, то подумают, что ты был его причиной».

Честертон любил споры, поэтому современникам посчастливилось присутствовать на его дружеских публичных дебатах с Бернардом Шоу, Гербертом Уэллсом, Бертраном Расселом, Кларенсом Дарроу.

Всего Честертон написал около 80 книг. Его перу принадлежат несколько сотен стихотворений, 200 рассказов, 4000 эссе, ряд пьес, романы «Человек, который был Четвергом», «Шар и Крест», «Перелетный кабак» и другие. Широко известен благодаря циклам детективных новелл об отце Брауне и Хорне Фишере, а также религиозно-философским трактатам, посвященным апологии христианства.

Писатель скончался 14 июня 1936 г. в Биконсфилде (графство Бакингемшир).

Сапфировый крест

Между серебряной лентой утреннего неба и искрящейся зеленой лентой моря к Хариджскому причалу пристал пароход. Он выпустил на берег беспокойный рой темных фигур, и человек, за которым мы последуем, ничем не выделялся среди них... Да он и не хотел выделяться. Ничто в нем не привлекало внимания, кроме разве что некоторого несоответствия между нарядностью выходного костюма и официальной строгостью лица. Одет он был в легкий светло-серый пиджак, белый жилет и соломенную шляпу серебристого цвета с пепельно-голубой лентой. Из-за светлой одежды тощее лицо его казалось темнее, чем оно было на самом деле. Короткая черная бородка мужчины придавала ему определенное сходство с испанцем и одновременно наводила на мысль о гофрированных круглых воротниках елизаветинских времен. С сосредоточенностью человека, которому нечем заняться, он курил сигарету. Глядя на него, никто не догадался бы, что под светлым пиджаком скрывается заряженный револьвер, в кармане белого жилета – удостоверение полицейского, а под соломенной шляпой – один из величайших умов Европы, ибо это был сам Валантэн, глава парижской полиции и самый знаменитый сыщик в мире. Он направлялся из Брюсселя в Лондон, чтобы произвести там самый громкий арест века.

Фламбо был в Англии. Полиция трех стран наконец смогла выследить великого преступника, который из Гента переехал в Брюссель, а из Брюсселя перебрался в Хук-ван-Холланд. Было решено, что он захочет воспользоваться суматохой, вызванной евхаристическим конгрессом, чтобы осесть в Лондоне. Вероятно, он путешествовал под видом какого-нибудь неприметного церковнослужителя или секретаря, приехавшего на съезд духовенства, впрочем, полной уверенности в этом у Валантэна, разумеется, не было. Ни в чем нельзя быть уверенным, когда речь идет о Фламбо.

Прошло уже много лет с тех пор, как этот колосс преступности неожиданно перестал держать мир в волнении; и когда он затих (поговаривают, причиной тому была смерть Роланда), на земле воцарилось великое спокойствие. Но в лучшие свои дни (я, конечно же, имею в виду его худшие дни) Фламбо был велик и повсеместно известен не меньше, чем кайзер. Почти каждое утро газеты приносили весть о том, что новое дерзкое преступление позволило ему избежать преследования за предыдущее. Это был отчаянный гасконец огромного роста и богатырского сложения. О шутках этого атлета ходили самые невероятные легенды. Рассказывали, как однажды он перевернул следователя вверх ногами и наступил ему на голову ногой, «чтобы прочистить ему мозги»; как он бежал по рю де Риволи, неся под мышками по полицейскому. Правда, справедливости ради нужно сказать, что огромную силу свою он пускал в ход чаще всего для подобных бескровных, хоть и унижительных для жертвы выходов; он был вором и крал изобретательно и с размахом. Каждая его кража могла стать новым грехом и была настолько неповторима, что заслуживала того, чтобы посвятить ей отдельный рассказ. Это Фламбо организовал в Лондоне знаменитую «Тирольскую молочную компанию», которая не владела ни молочным хозяйством, ни коровами, ни транспортом, ни молоком, зато имела около тысячи клиентов. Их он обслуживал очень простым способом: собирал по улицам стоящие под дверьми маленькие молочные бидоны и расставлял у порогов своих клиентов. Это ему удавалось вести довольно оживленную и откровенную переписку с одной юной леди, вся почта которой перехватывалась и проверялась. Для этого он придумал поразительно ловкий прием: фотографировал свои послания через микроскоп и посылал ей фотографии, уменьшенные до крошечных размеров. Многие его проделки отличала удивительная простота. Говорят, что как-то раз под покровом ночи он перекрасил номера всех домов улицы лишь для того, чтобы заманить в ловушку свою очередную жертву. Доподлинно известно, что это Фламбо изобрел переносные почтовые ящики; он расставлял

их в пригородах на тихих улочках в расчете на то, что какой-нибудь случайный прохожий опустит туда почтовый перевод. Помимо всего прочего, он был изумительным акробатом; несмотря на большой рост и могучую фигуру, прыгал он, как кузнечик, и мог взобраться на любое дерево не хуже обезьяны. Поэтому великий Валантэн, отправляясь на поиски Фламбо, не сомневался, что приключения его не закончатся, когда он его разыщет.

Но как его найти? Этого великий сыщик еще не решил.

Фламбо был мастером по части грима и маскировки, но в его внешности было кое-что, чего он не мог скрыть, – это необыкновенный рост. Если бы острый глаз Валантэна углядел высокую торговку яблоками, высокого гренадера или даже подозрительно высокую герцогиню, он мог бы незамедлительно арестовать их. Но среди пассажиров поезда, на который он сел, не было никого, похожего на переодетого Фламбо больше, чем замаскированная кошка может походить на жирафа. В своих попутчиках с парохода он не сомневался, тех же, кто сел в поезд в Харидже или подсаживался на промежуточных станциях, было всего шестеро. Это коренастый железнодорожный служащий, едущий до конечной станции, три невысоких огородника, подсевших на третьей остановке, одна вдова совсем маленького роста, направляющаяся в Лондон из какого-то крохотного городка в Эссексе, и такой же низкорослый католический священник, едущий из какой-то крохотной эссекской деревушки. Увидев последнего, Валантэн махнул рукой и чуть не рассмеялся. Этот маленький священник был живым воплощением скучных серых долин востока Англии, которые проплывали за окном. Лицо у него было круглое и бесцветное, как норфолкская лепешка, а глаза – пустые, как Северное море; он с трудом удерживал несколько коричневых бумажных свертков и пакетов, которые то и дело норовили выпасть у него из рук. Евхаристический конгресс наверняка сорвал с насыженных мест множество подобных существ, слепых и беспомощных, как кроты, которых вытаскивали из норы. Валантэн по-французски сурово относился к религии и священников не любил. Однако ничто не мешало ему испытывать к ним жалость, а этот мог вызвать жалость у кого угодно. У него с собой был большой потрепанный зонтик, который постоянно падал на пол; он, похоже, даже не знал, что ему делать с билетом. С простодушием идиота он всем рассказывал, что ему нужно быть осторожным, потому что в одном из коричневых бумажных пакетов он везет с собой что-то, сделанное из «чистого серебра с голубыми камнями». Это удивительное смешение эссекского простодушия с воистину святой простотой удивляло француза всю дорогу до Тоттнема, где священник со всеми своими свертками наконец сошел (кое-как) и вернулся за забытым зонтиком. Снова увидев его в вагоне, Валантэн был так добр, что посоветовал священнику не рассказывать всем вокруг о серебре, если он хочет доставить его в целости и сохранности. Впрочем, с кем бы Валантэн ни разговаривал, бдительности он не терял, и глаза его внимательно рассматривали любого, богатого или бедного, мужчину или женщину, чей рост был близок к шести футам, поскольку рост Фламбо был шесть футов четыре дюйма.

Как бы то ни было, на вокзале Ливерпуль-стрит Валантэн сошел в полной уверенности, что пока что не пропустил преступника. Потом он съездил в Скотленд-ярд официально оформить свое пребывание в городе и договориться о том, чтобы в случае необходимости ему предоставили помощь. Выйдя из полицейского управления, он закурил очередную сигарету и отправился бродить по Лондону. Прохаживаясь по улицам и площадям позади Виктории, он неожиданно остановился. Перед ним была старая тихая, словно застывшая, типично лондонская площадь. Высокие плоские дома вокруг казались одновременно богатыми и необитаемыми. Площадка с кустами в самой ее середине напоминала затерянный в Тихом океане зеленый островок. Одна из четырех сторон площади была значительно выше остальных, как кафедра в зале, и эта ровная линия нарушалась зданием, которое казалось здесь совсем не к месту, но придавало всей площади особое очарование. Это был ресторан, выглядевший так, словно каким-то образом случайно переместился сюда из Сохо. Карликовые растения в

горшочках, длинные белые в лимонно-желтую полоску шторы – чужеродной красотой своей дом этот притягивал к себе взгляд. Он возвышался над остальными зданиями, и высокая лестница, ведущая к парадной двери, чуть ли не на уровне второго этажа, очень напоминала пожарный выход – еще одна типично лондонская нелепость. Валантэн долго стоял перед этим зданием, курил и рассматривал полосатые занавески.

Самое удивительное в чудесах то, что иногда они случаются. Несколько облаков на небе могут сложиться в форме человеческого глаза. Во время утомительного и скучного путешествия можно увидеть одинокое дерево, выделяющееся на фоне пустынного пейзажа, как вопросительный знак. Я сам не так давно видел и то и другое. Нельсон умирает в миг победы, а человек по фамилии Вильямсон совершенно случайно убивает человека, фамилия которого – Вильямсон... Звучит, как отчет о детоубийстве. Короче говоря, в жизни есть место чудесному совпадению, которое может постоянно ускользать от людей прозаического склада ума. Как прекрасно сказано в парадоксе По, мудрость должна полагаться на непредвиденное.

Аристид Валантэн был настоящим французом, а ум француз – это чистый ум и ничего больше. Нет, он не был «мыслящей машиной», поскольку это бессмысленное понятие – не более чем выдумка современных фаталистов и материалистов. Машина является машиной, как раз потому что не может мыслить. Он был мыслящим человеком, при этом прямым и простым. За его поразительным успехом, казавшимся настоящим чудом, стояла обычная четкая французская мысль и железная логика. Французы удивляют мир не парадоксами, а воплощением в жизнь азбучных истин. Они доводят их до... Вспомните Французскую революцию. Но именно поскольку Валантэн понимал, что такое разум, он понимал и пределы разума. Только человек, не знающий ничего о машинах, может говорить о езде без горючего; только человек, не знающий ничего о разуме, может говорить о мышлении, лишенном крепких, фундаментальных предпосылок. Сейчас у Валантэна крепких предпосылок не было. В Харидже Фламбо не обнаружился, и, если он и находился в Лондоне, то мог быть кем угодно, от долговязого бродяги в Уимблдон-коммон до высокого распорядителя застолья в гостинице «Метрополь». Для таких ситуаций, как эта, когда совершенно непонятно, в какую сторону направляться дальше, у великого сыщика имелся особый метод.

В подобных ситуациях он полагался на случай. Когда действовать разумно было нельзя, он спокойно и методично действовал безрассудно. Вместо того чтобы ходить по «правильным» местам (банки, полицейские участки), встречаться с нужными людьми, он начинал ходить по местам «неправильным», заходил в каждый попавшийся на дороге пустой дом, осматривал каждый *cul-de-sac*¹⁵, не пропускал ни одной грязной, заваленной мусором улочки, сворачивал во все закоулки, которые бесцельно уводили его в сторону. И этому безумству у него было вполне логическое объяснение. Он говорил, что, если след есть, это худший путь, если же следа нет – это лучший путь, поскольку оставался шанс, что если что-то необычное привлекло внимание преследователя, оно точно так же могло привлечь внимание преследуемого. Откуда-то ведь нужно начинать, и лучше начинать с того места, где другой мог остановиться. Что-то в крутизне лестницы, ведущей к двери, что-то в спокойствии и необычности ресторана тронуло сыщика за душу, и он решил действовать наудачу. Он поднялся по лестнице, сел за столик у окна и заказал чашечку черного кофе.

Было позднее утро, а сыщик еще не завтракал, о чем ему напомнили остатки чужого завтрака на соседнем столике. Добавив к заказу яйцо-пашот, он стал рассеянно сыпать в кофе белый сахар, думая о Фламбо. Валантэн вспоминал, как Фламбо удавалось уходить от преследования: один раз он использовал для этого маникюрные ножнички, а в другой раз поджег дом; однажды сослался на то, что ему нужно заплатить за письмо без марки и улизнул

¹⁵ Тупик (фр.).

прямо из-под носа, а как-то собрал толпу желающих посмотреть в телескоп на комету, которая могла уничтожить Землю. Глава парижской полиции не сомневался, что его мозг сыщика ничем не хуже мозга преступника, и был прав, но при этом четко осознавал разницу. «Преступник – творец, сыщик – всего лишь критик», – подумал он, горько улыбнулся, медленно поднес чашку кофе к губам и тут же опустил. Вместо сахара он насыпал в напиток соль.

Валантэн посмотрел на сосуд, из которого взял белый порошок. Вне всякого сомнения, это была сахарница. Точно так же предназначенная для сахара, как коньячная бутылка предназначена для коньяка. Почему же в нее насыпана соль? Осмотрев стол, он увидел другие привычные сосуды. Да, вот две солонки, обе полны до краев. Может быть, приправы, находящиеся в солонках, чем-то отличаются? Попробовал – сахар! После этого он со значительно возросшим интересом осмотрелся кругом: нет ли здесь других следов столь оригинального художественного вкуса, который заставил кого-то засыпать сахар в солонки, а соль – в сахарницу? Если не обращать внимания на странное пятно какой-то темной жидкости на белых обоях, ресторан казался самым обычным, чистым и уютным местом. Позвонив в колокольчик, сыщик подозвал официанта.

Когда служитель – растрепанный, со слегка затуманенными в столь ранний час глазами – торопливо подошел, сыщик (который был не чужд простейших форм юмора) попросил его попробовать сахар и сказать, соответствует ли он высокой репутации заведения. Это привело к тому, что официант неожиданно зевнул и проснулся.

– У вас что, принято каждое утро так тонко подшучивать над посетителями? – поинтересовался Валантэн. – Не кажется ли вам, что шутка с подменой сахара солью несколько устарела?

Официант, когда ему стала понятна ирония, заикаясь заверил его, что ни у кого не было намерения делать это специально и что произошла просто нелепая ошибка. Он поднял сахарницу, посмотрел на нее, поднял солонку и так же внимательно повертел ее перед глазами. Удивленное выражение на его лице проступало все отчетливее. Наконец он, коротко извинившись, убежал и вернулся через несколько секунд с хозяином ресторана. Тот тоже осмотрел сначала сахарницу, потом солонку и тоже пришел в удивление.

И вдруг официанта осенило.

– Так это, наверное, – захлебываясь, затараторил он, – это, наверное, те двое священников.

– Какие двое священников?

– Ну, те двое, которые плеснули супом в стену.

– Плеснули супом в стену? – удивленно повторил Валантэн, посчитав, что это, должно быть, какая-то необычная итальянская метафора.

– Да, да! – возбужденно воскликнул официант и указал на темное пятно на белых обоях. – Вон туда на стену плеснули.

Тогда Валантэн перевел вопросительный взгляд на хозяина, и тот пришел на помощь с более подробным рассказом.

– Да, сэр, – сказал он. – Совершенно верно, хотя я не думаю, что это имеет какое-то отношение к сахару и соли. Двое священников сегодня утром, очень рано, как только мы открыли ставни, зашли и заказали бульон. Оба выглядели вполне приличными, спокойными людьми. Потом один расплатился и ушел, а второй (он сразу показался мне копушей) задержался еще на пару минут, вещи свои собирал. Потом и он ушел, только, перед тем как выйти, буквально за секунду до того, как выйти на улицу, взял свою чашку, наполовину полную, и выплеснул ее содержимое на стену. Я тогда был в задней комнате, официант тоже, и когда мы выбежали, в зале уже никого не было, только вот это пятно красовалось на стене. Особо вреда тут нет, но это было сделано настолько нагло, что я выбежал на улицу, чтобы

догнать этих людей. Но они оказались уже слишком далеко. Я только успел заметить, что они свернули за угол на Карстарс-стрит.

Сыщик вскочил, надел шляпу и взял трость. Он уже давно решил, что в бездонной тьме неведения ему должно следовать в направлении, обозначенном первым же указующим перстом, каким бы необычным он ни выглядел. Этот перст казался достаточно необычным. Заплатив по счету и хлопнув стеклянной дверью, вскоре Валантэн уже заворачивал за угол на Карстарс-стрит.

К счастью, даже в такие волнительные минуты он не терял бдительности. Когда он торопливо прошел мимо одной из лавок, что-то привлекло его внимание и заставило вернуться. Оказалось, это была лавка торговца фруктами. На открытом прилавке тесными рядами были аккуратно расставлены ящики с разнообразными товарами, каждый из которых снабжен табличкой с названием и ценой. В двух, самых больших, возвышались две горки, одна из апельсинов, другая из орехов. На горке орехов лежала картонная карточка, на которой синим мелом было жирно написано: «Свежайшие апельсины, 2 шт. – пенни». На горке апельсинов красовалось такое же совершенно четкое и однозначное описание: «Лучшие бразильские орехи, 1 унц. – 6 пенсов». Месье Валантэн посмотрел на эти ценники и почувствовал, что уже сталкивался с таким утонченным чувством юмора, и не так давно. Он указал на эту неточность краснощекому продавцу за прилавком, который угрюмо посматривал по сторонам. Торговец ничего не сказал, но резким движением поменял местами карточки. Сыщик, элегантно опираясь на трость, продолжил осмотр прилавка. Наконец он сказал:

– Прошу прощения за то, что отвлекаю вас, сэр, но я бы хотел задать вопрос из области экспериментальной психологии и ассоциативного мышления.

Краснощекий зеленщик смерил его взглядом, не предвещавшим приятной беседы. Но Валантэн, поигрывая тростью, продолжил самым жизнерадостным тоном.

– Каким образом, – спросил он, – два ошибочно расположенных ценника на прилавке торговца фруктами напоминают нам о священнике, приехавшем по делам в Лондон? Или, если я выражаюсь недостаточно понятно, что за мистическая ассоциация связывает идею об орехах, обозначенных как апельсины, с идеей о двух священнослужителях, один из которых высокий, а второй низкий?

Тут глаза торговца полезли из орбит, как у улитки; на секунду показалось, что он бросится на незнакомца. Наконец, едва сдерживая ярость, он заговорил:

– Не знаю я, какое вам до этого дело, но если вы их знаете, можете им от меня передать, что я им их тупые башки поотбиваю, если они еще раз уронят мои яблоки. И мне все равно, попы они или не попы!

– О! – голосом, полным сочувствия, воскликнул сыщик. – Они в самом деле уронили ваши яблоки?

– Один из них, – продолжал горячиться продавец. – По всей улице раскатились! Я бы поймал этого болвана, так яблоки собрать надо было.

– А куда пошли эти попы?

– Вон по той второй дороге налево вверх, а потом через площадь, – быстро ответил краснощекий.

– Спасибо, – бросил Валантэн и растворился в воздухе, будто фея. На дальней стороне следующей площади он увидел полицейского и подбежал к нему. – Это срочно, констебль; вы не видели двух священников в широкополых шляпах?

Полицейский тихо засмеялся.

– Как же не видел? Видел, сэр, и мне показалось, что один из них был пьяный. Он остановился прямо посреди дороги и с таким удивленным видом...

– Куда они пошли? – не дал ему договорить Валантэн.

– Вон там сели на один из тех желтых омнибусов, – ответил постовой. – До Хампстеда.

Валантэн показал ему свое удостоверение и скороговоркой выпалил:

– Я за ними. Найдите двух человек, мне нужна помощь, – и помчался через дорогу так целеустремленно, что дюжий полицейский без лишних вопросов послушно бросился исполнять поручение. Через полторы минуты французского сыщика на противоположной стороне тротуара догнали инспектор и какой-то человек в штатском.

– Итак, сэр, – спросил инспектор, улыбкой давая понять, что осознает всю важность ситуации, – чем мы можем?...

Валантэн выбросил вперед трость.

– В омнибус! Все расскажу на империале, – крикнул он и метнулся к стоянке, ловко лавируя между потоками карет и машин. Когда все трое, тяжело дыша, заняли места на втором этаже желтого омнибуса, инспектор сказал:

– На такси мы бы доехали в четыре раза быстрее.

– Верно, – спокойно ответил их предводитель, – если знать, куда ехать.

– Так куда же мы едем? – не без удивления поинтересовался его помощник.

Нахмурившись, Валантэн сделал несколько долгих затяжек, потом вынул изо рта сигарету и сказал:

– Если знаешь, что у человека на уме, иди на шаг впереди него, но если хочешь угадать, что у него на уме, держись за ним. Он сбивается с пути – и ты сбивайся с пути, он останавливается – и ты останавливайся, он идет медленно – и ты иди медленно. Это даст возможность увидеть то же, что видел он, и действовать так же, как действовал он. Все, что мы сейчас можем, – это смотреть в оба и попытаться не пропустить что-нибудь необычное.

– На что же нам смотреть? – поинтересовался инспектор.

– На все, – ответил Валантэн и снова погрузился в сосредоточенное молчание. Стало ясно, что дальнейшие расспросы не имеют смысла.

Омнибус медленно полз по улицам северного района, как казалось преследователям, уже много часов. Великий детектив дальнейших объяснений не давал, и его спутники, возможно, почувствовали неосознанное и все возрастающее сомнение в правильности своего решения прийти ему на помощь. Возможно, также они почувствовали и неосознанное и все возрастающее чувство голода, поскольку время обеда уже давно прошло, а бесконечные дороги северных лондонских предместий все увеличивались и увеличивались в длину, словно какой-то гигантский телескоп. Это была одна из тех поездок, когда путешественника не покидает мысль о том, что он вот-вот доберется до края белого света, пока не обнаруживает, что всего лишь въезжает в Тафнелл-парк. Лондон с его грязными тавернами и унылыми кустами остался позади, потом каким-то невообразимым образом снова показался впереди, на этот раз в виде оживленных широких улиц и кичливых гостиниц. Это напоминало путешествие по тринадцати разным городам и городишкам, расположившимся рядом друг с другом. Хмурые зимние сумерки уже начали сгущаться над дорогой, но парижский сыщик сидел попрежнему молча и сосредоточенно рассматривал проплывающие по обеим сторонам фасады домов. К тому времени, когда они выехали из Камден-тауна, полицейские уже почти заснули, по крайней мере, они резко встрепенулись, когда Валантэн неожиданно вскочил, схватился за плечи обоих спутников и закричал, чтобы кучер остановился.

Они скатились по ступенькам, не имея понятия, зачем их заставили выходить, и, когда повернулись за объяснениями к Валантэну, увидели, что тот торжествующе указывает пальцем на окно в доме на левой стороне дороги, – большое окно, которое являлось частью роскошного с позолотой фасада гостиницы. Эта часть здания, украшенная вывеской «Ресторан», предназначалась для обедов уважаемой публики. Окно с матовым узорчатым стеклом, как и у всех остальных окон фасада, выделялось лишь одним: прямо посередине на нем зияла большая черная дыра, напоминающая лунку во льду.

– Вот он, наш ключ, наконец-то! – воскликнул Валантэн, размахивая тростью. – Дом с разбитым окном.

– Какое окно? Какой ключ? – растерянно переспросил его главный помощник. – С чего вы взяли, что это может иметь к ним какое-то отношение? Вы можете это доказать?

Валантэн в сердцах чуть не сломал бамбуковую трость.

– Доказать? – вскричал он. – Черт побери, ему нужны доказательства! Ну разумеется, шансы двадцать против одного, что это не имеет к ним никакого отношения. Но что мне остается делать? Неужели вы не понимаете, что мы можем либо ухватиться за этот шанс, либо ехать по домам спать?

С этими словами он решительно направился в ресторан. Его спутники последовали за ним, и вскоре они уже сидели за небольшим столиком, поглощали поздний обед и рассматривали отверстие в стекле с другой стороны. Впрочем, ясности от этого не прибавилось.

– У вас, я вижу, окно разбито, – сказал Валантэн официанту, расплачиваясь.

– Да, сэр, – ответил тот, склонился над столом и принялся усердно пересчитывать мелочь. Когда Валантэн молча положил перед ним солидные чаевые, официант не сильно, но заметно оживился. – Да, сэр, – распрямившись, добавил он. – Очень странная история, сэр.

– Да? А что произошло? – как будто из праздного любопытства поинтересовался сыщик.

– Вошли два господина в черных одеждах, – пояснил официант. – Ну, из тех заграничных священников, которых сейчас полно в городе. Перекусили. Потом один из них расплатился и ушел. Второй как раз тоже направился к выходу, когда я еще раз посмотрел на деньги и обнаружил, что он заплатил в три раза больше, чем следовало. «Постойте, – говорю я тогда этому парню, он уже почти вышел за дверь. – Вы заплатили слишком много». – «В самом деле?» – говорит он спокойно так. – «Да», – говорю и беру чек, чтобы показать ему, гляжу на него и ничего не понимаю.

– Что вы имеете в виду?

– Я готов хоть на семи Библиях поклясться, что на счете я писал «4 пенс.», а теперь там совершенно четко было «14 пенс.»!

– Надо же! – негромко воскликнул Валантэн, но глаза его пылали. – И что потом?

– Священник у двери и глазом не моргнул. «Прошу прощения, что спутал ваши счета, – говорит, – но пусть это будет платой за окно». Я ему: – «Какое окно?» А он мне: – «Которое я сейчас разобью». Берет зонтик и пробивает в стекле эту дырку.

Все трое полицейских изумленно воскликнули, а инспектор тихо произнес: «Мы что, за сумасшедшими гонимся?» Официант, похоже, довольный произведенным эффектом, продолжил удивительный рассказ.

– Меня это так удивило, что на несколько секунд я замер как вкопанный, просто не мог сдвинуться с места. Священник преспокойно вышел, присоединился к своему другу, вместе они свернули за угол и там так припустили на Баллок-стрит, что я, хоть и собирался, ни за что бы их не догнал!

– Баллок-стрит! – вскричал сыщик и устремился на эту улицу, должно быть, с не меньшей скоростью, чем странная пара, которую он преследовал.

Погоня продолжалась. Теперь преследователи шли между голых кирпичных стен по похожим на туннели мрачным пустынным улицам; улицам, на которых почти не было не только фонарей, но даже и окон; бесконечно долгим улицам, которые, видимо, состояли сплошь из тыльных сторон самых разнообразных зданий, собранных со всего города. Смеркалось, и даже лондонские полицейские уже с трудом понимали, в каком направлении они шагают. Инспектор все же был почти уверен, что они должны были выйти на какую-то часть Хампстед-хит. Неожиданно фиолетовые сумерки прорезал свет освещенной газовым фонарем круглой выпуклой витрины, похожей на большой иллюминатор. Оказалось, это конди-

терская. Валантэн остановился, постоял пару секунд и вошел в магазин. Походив с серьезным видом между празднично-яркими витринами с пестрым товаром, он тщательно выбрал тринадцать шоколадных трубочек и медленно направился к прилавку. Сыщик явно подыскивал повод завязать разговор, но оказалось, это было излишне.

Нескладную неопределенного возраста продавщицу элегантный француз заинтересовал не больше любого другого покупателя. Лишь профессиональное любопытство заставило ее окинуть его беглым взглядом. Однако, когда в дверях появился инспектор в синей форме, сонная пелена с ее глаз спала.

– Если вы по поводу того пакета, – сказала она, – так я его уже отослала.

– Пакета? – повторил Валантэн; теперь настала его очередь проявить любопытство.

– Ну, того пакета, который оставил джентльмен... Джентльмен-священник.

– Ради всего святого, – весь подавшись вперед, воскликнул Валантэн, впервые проявляя настоящее волнение, – ради всего святого, расскажите подробно, что произошло!

– Ну... – неуверенно начала женщина. – Зашли ко мне два священника, где-то с полчаса назад, купили мятных леденцов, поговорили немного... Ну а потом вышли и пошли в сторону Хампстедхит, но через секунду один из них снова забегает ко мне и говорит, забыл я, мол, тут пакет. Ну, я посмотрела кругом, никакого пакета не нашла. Он тогда и говорит: «Ничего страшного, но если найдется, пошлите его, пожалуйста, по такому-то адресу». Называет мне адрес и дает шиллинг за хлопоты. А потом я, хоть и думала, что везде смотрела, нашла-таки его пакет, в коричневую бумагу завернутый, ну и послала по тому адресу, что он оставил. Адреса я сейчас не вспомню, но это где-то в Вестминстере. Дело-то вроде как важное, вот я и подумала, что за ним полиция пришла.

– Пришла, – коротко согласился Валантэн. – Хампстед-хит далеко отсюда?

– Прямо по улице – пятнадцать минут, – сказала женщина, – и выйдете напрямиком в парк.

Валантэн выскочил из магазина и побежал. Его спутники неохотно припустили трусцой следом за ним.

Улица, по которой они бежали, была узкой и темной, поэтому, неожиданно оказавшись под открытым бескрайним небом, они с удивлением обнаружили, что было еще достаточно светло. Идеальный сине-зеленый, как павлинье перо, купол опускался, отсвечивая позолотой, на темнеющие деревья и чернильные дали. Прозрачные зеленые сумерки сгустились как раз настолько, что позволяли заметить на небе кристаллики первых звезд. Остатки дневного света собрались в золотистое свечение по краю Хампстеда и в той популярной среди лондонцев низины, которая зовется Юдолью здоровья. Отдыхающие, которых всегда полно в этом месте, еще не все разошлись; несколько пар все еще темнели на скамейках бесформенными очертаниями; с далеких невидимых каруселей доносились радостные крики девушек. Величие небес сгущалось в сумерки и окутывало тьмой надменную человеческую пошлость. Стоя на краю склона и окидывая взглядом долину, Валантэн узрел то, что искал.

В этой бескрайней дали среди черных расстающихся пар была одна, особенно черная, которая не расставалась... Пара в церковных одеждах. Хоть они и казались не больше муравьев, Валантэн сумел рассмотреть, что один из них был значительно ниже другого. Несмотря на то что второй сутулился, как ученый человек, прошедший жизнь за книгами, и поведение его совершенно ничем не привлекало к себе внимания, сыщик определил, что рост его значительно выше шести футов. Сжав челюсти, Валантэн двинулся вперед, нетерпеливо поигрывая тростью. Когда расстояние между ними заметно сократилось и черные фигуры увеличились, будто в огромном микроскопе, он увидел нечто такое, что удивило его, хотя и не оказалось для него полной неожиданностью. Кем бы ни был высокий священник, насчет личности низкого у него не осталось ни малейшего сомнения. Это был его попутчик по

хариджскому поезду, неуклюжий маленький кюре из Эссекса, которому он советовал не распространяться о содержимом его коричневых бумажных пакетов.

Итак, наконец-то все сложилось в более-менее понятную картину. Утром, когда Валантэн наводил справки, он узнал, что некий отец Браун из Эссекса везет на конгресс серебряный крест с сапфирами, очень ценную реликвию, чтобы показать его кому-то из зарубежных коллег. Несомненно, это и есть «что-то из чистого серебра с голубыми камнями», а отец Браун – это, несомненно, и есть маленький наивный разиня, который ехал с ним в одном вагоне. Нет ничего удивительного в том, что то, что узнал Валантэн, сумел узнать и Фламбо. Фламбо узнал все. К тому же стоит ли удивляться, что Фламбо, проведая о сапфировом кресте, решил похитить его; это так же естественно, как сама естественная история. И уж точно нечего сомневаться в том, что Фламбо запросто обведет вокруг пальца такую овцу, как человек с зонтом и бумажными свертками. Он из тех людей, кого кто угодно может увести за собой на веревке хоть на Северный полюс. Такому актеру, как Фламбо, ничего не стоило, переодевшись священником, заманить его в Хампстед-хит. Пока что преступный замысел был как будто понятен, и если священник своей беспомощностью вызвал у Валантэна лишь жалость, то к Фламбо, который опустил до обмана такой доверчивой жертвы, сыщик теперь испытывал чуть ли не презрение. Однако когда Валантэн подумал обо всем, что случилось за этот день, обо всем, что привело его к триумфу, он понял, что ему еще предстоит поломать голову, дабы понять, что все это значит и какой в этом смысл. Зачем для похищения серебряного с сапфирами креста понадобилось выливать бульон на стену в ресторане? Какой смысл называть орехи апельсинами или сначала платить за окна, а потом разбивать их? Поиски-то он довел до конца, но каким-то образом пропустил середину. Когда ему случалось попасть впросак (что происходило достаточно редко), это обычно означало, что он имел в руках улики, указывающие на преступника, но самого преступника упускал. Сейчас же он был готов схватить преступника, но улик так до сих пор и не получил.

Фигуры, которые они преследовали, ползли, как две черные мухи, по огромному зеленому склону холма. Они явно были увлечены разговором и, возможно, не задумывались о том, куда их несут ноги, но ноги несли их на холмы Хампстед-хит, где людей не было и было намного тише. Преследователям, следующим за ними по пятам, пришлось как каким-нибудь охотникам на оленей прятаться за деревьями, припадать к земле за кустами и даже ползать в высокой траве. Столь неудобный способ передвижения тем не менее позволил охотникам подойти к дичи настолько близко, что они смогли услышать тихое журчание беседы. Однако слов было не разобрать, отчетливо слышалось лишь одно слово – «разум», которое снова и снова повторялось высоким, почти детским голосом. Один раз на краю обрыва, среди густых и беспорядочных зарослей сыщики потеряли из виду две темные фигуры. Следующие десять минут прошли в агонии поисков, но когда следы снова были найдены, они вывели их к подножию огромного холма, который нависал над залитым светом заходящего солнца пустынным естественным амфитеатром. В этом величественном, но заброшенном месте под деревом стояла старенькая покосившаяся скамеечка. На нее и опустились двое увлеченных серьезным разговором священников. Темнеющий горизонт все еще восхитительно отливало зеленью и золотом, но небесный купол теперь постепенно утрачивал павлинью зелень и все больше набирался павлиньей синевы, а звезды все больше и больше походили на сверкающие бриллианты. Молча делая руками знаки своим помощникам, Валантэн каким-то образом исхитрился подползти к большому ветвистому дереву. Заняв позицию за его стволом, затаив дыхание, он прислушался и впервые смог разобрать разговор странных священников.

После полутора минут подслушивания его охватило жуткое сомнение. Может статься, что он затащил двух английских полицейских на просторы ночного парка ради затеи, в которой смысла было не больше, чем в поисках фиг на ветках чертополоха, заросли которого темнели не так далеко. Дело в том, что священники разговаривали так, как и полагается свя-

щенникам: благочестиво, учено и степенно; обсуждали они бесплотные загадки богословия. Маленький эсекский священник говорил просто и спокойно, подняв круглое лицо к разгорающимся звездам, его спутник отвечал, склонив голову, словно был недостоин на них смотреть. Но более богословской беседы нельзя было услышать ни в белой итальянской церкви, ни в черном испанском соборе.

Первое, что услышал Валантэн, было окончанием замечания отца Брауна, которое звучало так:

– ... что они на самом деле имели в виду в Средние века, говоря о непорочности высших сил.

Высокий священник кивнул и сказал:

– Да, эти современные язычники обращаются к их разуму, но разве может кто-то смотреть на эти миллионы вселенных и не чувствовать, что там наверху могут существовать и такие удивительные миры, в которых разум совершенно неразумен?

– Нет, – ответил другой священник, – разум всегда разумен, даже в самых дальних закоулках лимба и на затерянных границах материального мира. Я знаю, люди ставят в укор Церкви, что она якобы преуменьшает значение разума, но на самом деле все обстоит как раз наоборот. На земле лишь Церковь ставит разум превыше всего остального. На земле лишь Церковь утверждает, что сам Бог ограничен рамками разума.

Его собеседник поднял строгое лицо к звездному небу и произнес:

– Но кто знает, быть может, в этой безграничной вселенной...

– Безграничной только физически! – с большим чувством возразил маленький священник, резко повернувшись к собеседнику. – Не безграничной в смысле отступления от законов истины.

За деревом Валантэн в молчаливой ярости впился ногтями в кору ствола. Ему уже слышались смешки английских сыщиков, которых он, доверившись своему чутью, завел так далеко только ради того, чтобы послушать метафизические рассуждения двух тихих служителей Церкви. В нетерпении он выслушал не менее вдохновенный ответ высокого священника, а когда снова начал прислушиваться, опять говорил отец Браун.

– Разум и справедливость царят и на самой дальней и одинокой звезде. Взгляните на эти звезды. Разве они не похожи на алмазы и сапфиры? Вы можете представить любые, самые безумные ботанические или геологические формы. Каменные леса с бриллиантовыми листьями, луну в виде циклопических размеров сапфира... Но не думайте, что подобная безумная астрономия может иметь хотя бы малейшее значение для разума и чувства справедливости. На опаловых равнинах, под утесами из жемчуга на доске объявлений все равно будет начертано: «Не укради».

Валантэн, сраженный первой по-настоящему большой глупостью, совершенной в своей жизни, как раз поднимался, чтобы как можно незаметнее и быстрее удалиться, но что-то в молчании высокого священника заставило его остановиться, чтобы дождаться его ответа. Когда тот наконец заговорил, голова его была низко наклонена, руки лежали на коленях. Он просто произнес:

– Что ж, возможно, иные миры выше нашего разума. Загадка небес непостижима, и я могу лишь склонить перед ней голову. – А потом, все так же не поднимая головы и не меняя интонации, он добавил: – Просто отдайте мне сапфировый крест. Здесь мы совершенно одни, и я могу разорвать вас на куски, как соломенную куклу.

Совершенно не изменившийся голос и полное спокойствие заставили эти неожиданные слова прозвучать особенно зловеще. Но маленький хранитель реликвии всего лишь повернул голову на какую-то долю градуса. Его простодушное лицо было все так же обращено к звездам. Возможно, он просто не понял. Или понял и окаменел от страха.

– Да, – сказал высокий священник все тем же тихим голосом и не шевелясь, – да, я – Фламбо. – Потом, немного помолчав, произнес: – Так что, отдадите крест?

– Нет. – Односложный ответ прозвучал как-то странно.

Совершенно неожиданно Фламбо сбросил с себя маску скромного служителя Церкви. Великий грабитель запрокинул голову и захохотал. Смеялся он негромко, но долго.

– Нет! – воскликнул он. – Вы, горделивый прелат, не отдадите мне его. Вы, мелкий простофиля в сутане, мне его не отдадите. А сказать вам почему? Потому что он уже лежит у меня за пазухой.

Человечек повернул к нему показавшееся в сумерках застывшим лицо и неуверенным голосом личного секретаря, робеющего перед грозным шефом, произнес:

– Вы... уверены в этом?

Фламбо взвыл от удовольствия.

– Честное слово, вы – интереснейший человек! Наблюдать за вами – одно удовольствие, все равно что смотреть трехактный фарс, – голосил он. – Да, болван вы эдакий, я в этом совершенно уверен. Мне хватило ума приготовить фальшивку, и теперь, друг мой, у вас – подделка, а у меня настоящий крест. Это старый трюк, отец Браун... Очень старый.

– Да-да, – промямлил отец Браун и с трудноопределимым выражением лица пригладил рукой волосы. – Да, я слышал о нем.

Гений преступного мира с неожиданным любопытством чуть подался вперед и пристально всмотрелся в маленького деревенского священника.

– Слышали? – спросил он. – От кого?

– Я не имею права назвать вам его имя, – бесхитростно сказал человечек. – Тайна исповеди, понимаете? Но этот человек двадцать лет жил в полном достатке, зарабатывая подделыванием бумажных свертков и пакетов. И, видите ли, когда я начал подозревать вас, мне сразу вспомнился этот несчастный.

– Начали меня подозревать? – повторил преступник, и в его голосе послышались напряженные нотки. – Неужто вам хватило сообразительности что-то заподозрить, когда я завел вас в это пустынное место?

– Нет-нет, – извиняющимся тоном заверил его Браун. – Видите ли, я начал подозревать вас, как только мы встретились. Все дело в небольшой выпуклости на рукаве, там, где вы носите браслет на шипах.

– Дьявол! – вскричал Фламбо. – Откуда вам известно про браслеты на шипах?

– От паствы! – простодушно ответил отец Браун и несколько удивленно приподнял брови. – Когда я служил куратором в Хартлпуле, у меня было трое прихожан, которые носили такие приспособления. Поэтому, конечно же, когда у меня с самого начала возникли подозрения, я сделал все, чтобы с крестом ничего не случилось. Извините, но, боюсь, что я наблюдал за вами. Поэтому когда вы наконец подменили пакет, я это заметил и подменил его снова. Потом нужный пакет я отправил в надежное место.

– В надежное место? – повторил Фламбо, и в его голосе впервые не было слышно ликования.

– Вот что я сделал, – все так же невозмутимо продолжал маленький священник. – Я вернулся в ту кондитерскую, сказал, что забыл там пакет, и оставил адрес, куда его отослать, если он отыщется. Я-то знал, что на самом деле ничего там не забывал, но, перед тем как уйти, специально оставил его, чтобы за мной не мчались с этим ценным предметом, а отослали его моему другу в Вестминстер. – Потом, сокрушенно вздохнув, он добавил: – Этому я тоже научился у того несчастного в Хартлпуле. Он так делал с сумками, которые воровал на вокзалах. Но сейчас он в монастыре. Понимаете, я же священник, я не могу иначе, – добавил он и виновато потер лоб. – Люди рассказывают мне разные вещи.

Фламбо выхватил из внутреннего кармана завернутый в коричневую бумагу пакет и изорвал его в клочья. Внутри не оказалось ничего, кроме бумаги и пары свинцовых слитков. Он вскочил и возвысился над маленьким священником во весь свой огромный рост.

– Я не верю вам! – завопил он. – Не верю я, что такой неотесанный тюфяк мог это повернуть! Нет, я думаю, эта штука все еще у вас, и если вы мне ее не отдадите... Черт побери, вокруг никого нет! Если не отдадите – я заберу ее силой!

– Нет, – просто произнес отец Браун и тоже встал. – Вы не заберете ее силой. Во-первых, потому что у меня ее уже на самом деле нет. И, во-вторых, потому что мы не одни. Фламбо, который уже двинулся на священника, замер.

– За этим деревом, – указал отец Браун, – двое сильных полицейских и величайший в мире сыщик. Как они сюда попали, спросите вы? Разумеется, это я их сюда привел. Каким образом? Если хотите, могу рассказать. Благослови Господи, работая с преступниками, волей-неволей приходится узнавать такие вещи! Понимаете, я не был полностью уверен, что вы – вор, и меньше всего мне хотелось поднимать шум вокруг ни в чем не повинного служителя Церкви. Поэтому я просто устроил вам проверку: вдруг бы вы себя чем-то выдали? Человек, как правило, возмущается и устраивает небольшую сцену, если вместо сахара в его кофе оказывается соль. Если этого не происходит, следовательно, у него есть причины не привлекать к себе внимания. Я подменил сахар солью, но вы не стали поднимать шум. Человек, как правило, возражает, когда ему дают тройной счет, и если он его оплачивает, это говорит о том, что у него есть повод вести себя так, чтобы на него никто не обращал внимания. Я изменил ваш счет, и вы его оплатили.

Казалось, мир вокруг двух облаченных в сутаны мужчин замер в ожидании тигриного прыжка Фламбо, но он стоял, словно околдованный, и молча, с глубочайшим интересом внимал словам отца Брауна.

– Поэтому, – продолжал маленький сельский священник, – поскольку вы следов для полиции не оставляли, кто-то же должен был это сделать. Во всех местах, куда мы заходили, я делал что-нибудь такое, из-за чего нас потом вспоминали бы там весь день. Большого вреда я не принес – так, пятно на стене, рассыпанные яблоки, разбитое окно, – но крест был спасен, поскольку святой крест всегда будет спасен. Сейчас он уже в Вестминстере. Я, признаться, даже удивлен, что вы не додумались до ослиного свистка.

– Что-что? – не понял Фламбо.

– О, как хорошо, вы не знаете, что это такое! – обрадовался священник. – Это плохая штука. Я уверен, вы – слишком порядочный человек для свистуна. Против свистка я был бы бессилен, даже если бы сам пустил в ход кляксы, – у меня слишком слабые ноги.

– Что вы несете?! – воскликнул его собеседник.

– Я думал, уж про кляксы-то вы знаете! – приятно удивился отец Браун. – Значит, вы еще не совсем испорчены.

– А сами-то вы, черт подери, откуда знаете про всю эту гадость? – вскричал Фламбо.

Тень улыбки скользнула по круглому простоватому лицу церковника.

– Наверное, потому что я – простофиля в сутане, – сказал он. – Неужели вам никогда не приходило в голову, что человек, который почти только тем и занят, что выслушивает рассказы людей об их грехах, должен прекрасно представлять себе зло, на которое способен человек? Но, если честно, не только это помогло мне убедиться, что вы – не настоящий священник.

– А что еще? – обреченно спросил вор.

– Ваши нападки на разум, – сказал отец Браун. – Так себя вести не стал бы ни один богослов.

И когда он повернулся, чтобы собрать свои пакеты, из-за погруженных во тьму деревьев вышли трое полицейских. Фламбо был натурой артистичной и знал правила игры. Сделав шаг назад, он приветствовал Валантэна глубоким поклоном.

– Не кланяйтесь мне, *mon ami*¹⁶, – любезно сказал Валантэн. – Давайте вместе поклонимся тому, кто этого заслуживает.

И оба склонили головы перед маленьким деревенским священником из Эссекса, который в темноте шарил рукой по скамейке в поисках зонтика.

¹⁶ Друг мой (*фр.*).

Таинственный сад

Аристид Валантэн, глава парижской полиции, запаздывал, и некоторые из приглашенных им на обед гостей начали прибывать раньше него. Их встречал его преданный слуга Иван – старик со шрамом на лице, почти таким же белым, как и его усы, – который неизменно сидел за небольшим столом в увешанной оружием прихожей. Усадьба Валантэна была почти так же примечательна и известна, как и его хозяин. Это старое здание с высокими стенами и большими тополями, почти нависающими над Сеной. Но изюминка (а возможно, и главное преимущество, с точки зрения полицейского) архитектуры дома заключалась в следующем: с улицы в него можно было попасть только через парадную дверь, охраняемую Иваном с целым арсеналом под рукой. Несколько дверей из дома вело в большой и густой сад, откуда во внешний мир выходов не было – его окружала высокая гладкая, неприступная стена со специальными острыми выступами наверху. Возможно, неплохой сад для человека, которого клялась убить не одна сотня преступников.

Как Иван объяснял гостям, хозяин сообщил по телефону, что задержится на десять минут. Валантэну нужно было закончить отчеты о последних казнях, дать распоряжения относительно других не менее неприятных дел, и хоть занятия эти всегда вызывали в нем отвращение, он неизменно исполнял их четко и аккуратно. Не щадя себя при розыске преступников, он всегда становился мягким и снисходительным, когда дело доходило до их наказания. Поскольку Валантэн был на голову выше всех французских и почти всех европейских сыщиков, его огромный авторитет служил благородному делу смягчения приговоров и очищению тюрем. Он считался одним из великих французских вольнодумцев-гуманистов, а единственный недостаток таких людей состоит в том, что милосердие их еще холоднее, чем справедливость.

Когда Валантэн прибыл, он был уже в черном вечернем костюме с красной розеткой. Элегантности ему добавляла темная борода с пробивающейся сединой. Он прошел напрямик в свой кабинет, который находился в глубине дома и имел отдельный выход во двор. Дверь в сад была открыта. Тщательно заперев служебный саквояж в сейфе, Валантэн несколько секунд постоял перед открытой дверью, глядя на сад. Яркая луна сражалась с лоскутами и клочьями облаков, которые гонял по небу усиливающийся ветер, и Валантэн смотрел на них с необычным для человека такого научного склада ума томлением. Может быть, люди такого научного склада ума наделены способностью каким-то образом предчувствовать самое большое в жизни испытание, которое готово свалиться им на голову? Как бы то ни было, очень скоро он стряхнул с себя начавшее было охватывать его мистическое настроение, поскольку знал, что опоздал и почти все гости уже собрались. Когда он вошел в гостиную, ему хватило одного взгляда, чтобы понять: главный гость еще не прибыл. Хотя остальные опоры небольшого раута уже собрались: он увидел лорда Галлоуэя, английского посла (желчного старика с лицом красным, как яблоко, и голубой лентой ордена Подвязки). Он увидел леди Галлоуэй, тощую и сухую, с седыми волосами, чувствительным и высокомерным лицом. Он увидел ее дочь, леди Маргарет Грэм, молодую привлекательную особу с чистым торжественным лицом и медно-золотистыми волосами. Он увидел герцогиню Мон Сен Мишель, черноглазую и пышную, а рядом с ней – двух ее дочерей, таких же черноглазых и пышных. Он увидел доктора Симона, типичного французского ученого, в пенсне, с коричневой бородкой клинышком и лбом, изборожденным теми параллельными морщинами, которые возникают в наказание за надменность, поскольку появляются от частого поднимания бровей. Увидел он и отца Брауна из эссекского Кобхоула, с которым недавно познакомился в Англии. Впрочем, возможно, с самым большим интересом он посмотрел на высокого мужчину в военной форме, который поклонился Галлоуэям, но не удостоился

сколько-нибудь приветливого ответа и теперь направлялся к хозяину засвидетельствовать почтение. Это был майор О'Брайен из французского Иностранного легиона, подтянутый, но несколько развязный мужчина, чисто выбритый, темноволосый и голубоглазый. Как подобает офицеру этого славного полка, знаменитого своими победоносными поражениями и успешными самоубийствами, вид у него был одновременно блестящий и унылый. Происходил он из благородной ирландской семьи и в молодости был знаком с Галлоуэями, особенно с Маргарет Грэм, но, наделав долгов, покинул родину и теперь выражал полную свободу от британской чопорности, слоняясь по комнате в форме при сабле и шпорах. Когда он поклонился семейству посла, лорд и леди Галлоуэй лишь сухо кивнули, а леди Маргарет отвернулась.

Однако какими бы ни были взаимоотношения этих людей, их славного хозяина они мало занимали. Никто в его глазах не был главным гостем вечера. Валантэн по какой-то известной ему одному причине с наибольшим нетерпением ждал прибытия еще одного гостя, человека всемирно известного, человека, с которым он свел близкое знакомство в Соединенных Штатах. Он ожидал Джулиуса К. Брейна, мультимиллионера, чьи колоссальные, порой ошеломляющие пожертвования небольшим религиозным общинам столько раз служили поводом для легкой иронии и еще более легкого пиетета американских и английских газет. Никто не мог понять, кем был мистер Брейн, – атеистом, мормоном или приверженцем научного христианства, но он с готовностью снабжал деньгами любое средоточие мысли, лишь бы в нем было что-то новое. Одним из его любимых занятий было ожидание появления американского Шекспира. Впрочем, на это занятие тратилось больше выдержки, чем труда. Он искренне восхищался Уолтом Уитменом, но полагал, что Люк П. Таннер из пенсильванского Парижа более «прогрессивен». Он любил все, что казалось ему «прогрессивным». Валантэна он считал «прогрессивным» и не мог быть более несправедливым в своей оценке.

Появление в комнате такой фигуры, как Джулиус К. Брейн, было событием столь же значительным, как звонок к обеду. Он обладал тем редким качеством, которым мало кто из нас может похвастаться: его присутствие было таким же важным, как и его отсутствие. Этот огромного роста толстяк (полнота его поражала не меньше, чем рост) был одет во все черное. Он не носил даже часовой цепочки или перстня, которые могли бы оживить черноту фрака. Его седые волосы на немецкий манер были гладко зачесаны назад. Красное, энергичное и одухотворенное лицо миллионера могло бы показаться детским, если бы не эспаньолка, которая придавала ему вид театральный, даже мефистофельский. Однако недолго собравшиеся в салоне созерцали знаменитого американца, его непунктуальность давно уже стала привычной, поэтому высокого гостя сразу же направили в столовую в сопровождении леди Галлоуэй.

В целом чета Галлоуэев держалась благодушно и открыто, но у них имелся повод и для беспокойства. Когда леди Маргарет не взяла под руку этого проходимца О'Брайена, а благопристойно вошла в столовую с доктором Симоном, отец ее облегченно вздохнул. И все же старый лорд Галлоуэй чувствовал себя не в своей тарелке, а порой едва не срывался на грубость. Во время обеда выдержка не изменяла ему, но, когда после сигар трое молодых мужчин (доктор Симон, священник Браун и этот ужасный О'Брайен, изгой в иностранной форме) исчезли, чтобы поговорить с леди или покурить в оранжерее, английский дипломат совершенно утратил дипломатичность. Каждые шестьдесят секунд его пронзала мысль о том, что проходимец О'Брайен каким-то образом подает Маргарет знаки. Он даже не пытался представить себе какие. За кофе его оставили с Брейнсом, седовласым янки, который верил всем религиям, и Валантэном, седоватым французом, который не верил ни одной. Они могли спорить друг с другом, но ни тот, ни другой не видели в нем сторонника. Через какое-то время, когда их «прогрессивный» спор перерос в скучные словопрения, лорд Галлоуэй тоже

встал и вышел из столовой, намереваясь направиться в гостиную, однако по дороге сбился с пути и минут пять-шесть бродил по длинным коридорам, пока не услышал наконец высокий наставнический голос доктора, потом приглушенный голос священника и взрыв всеобщего смеха. «Наверное, тоже спорят о науке и религии», – со злостью подумал лорд. Однако, едва открыв дверь в салон, он увидел лишь одно – то, чего там не было. Он увидел, что в салоне нет майора О'Брайена и леди Маргарет.

Выйдя из гостиной с тем же нетерпеливым волнением, с каким покинул столовую, лорд Галлоуэй снова прошел по коридору. Желание защитить дочь от этого ирландско-алжирского кривляки стало для него назойливой, даже болезненно-навязчивой идеей. Оказавшись в гостиной дома, рядом с кабинетом Валантэна, он удивился, встретив дочь, которая быстро прошла мимо него с бледным лицом и насмешливой улыбкой. Новая загадка! Если она была с О'Брайеном, где сам О'Брайен? Если она была не с О'Брайеном, то где она была? Снедаемый страстным стариковским подозрением, лорд, держась за стену, на ощупь двинулся дальше, в глубину дома, где свет не горел и царил мрак. Наконец он нашел коридор, ведущий в сад. Ятаган луны уже изрубил и разогнал по небу остатки облаков. Сад был освещен призрачным сиянием. Высокая фигура в синем быстро шагала через лужайку к двери в кабинет, и серебристый отсвет на отделке мундира обличил майора О'Брайена.

Он скрылся в доме через стеклянную дверь, оставив лорда Галлоуэя в неопишуемой ярости и в то же время неопределенности. Изумрудно-синий сад, похожий на театральную декорацию, словно улыбался ему с той безжалостной нежностью, с которой его мирская власть находилась в состоянии войны. Длина и грациозность шагов ирландца взбесили лорда, будто он был не отцом, а соперником; свет луны сводил его с ума. Словно по волшебству, он попал в сад трубадуров, в сказочную страну Ватто, и, решив, что разговор поможет отделаться от чар всей этой любовной глупости, устремился вслед за врагом. По пути он зацепился ногой за какую-то ветку или камень в траве, раздраженно посмотрел вниз, потом посмотрел еще раз, внимательнее, и в следующий миг луна и высокие тополя увидели необычную картину: престарелый английский дипломат, словно обезумев, со всех ног помчался к дому, оглашая сад отчаянными криками.

На его хриплые вопли из двери кабинета выглянуло бледное лицо. Поблескивающие стекла пенсне, обеспокоенно сдвинутые брови – это был доктор Симон. Он и услышал первые членораздельные слова аристократа. Лорд Галлоуэй кричал:

– Труп! В саду труп! В траве!.. Окровавленный!

Наконец-то О'Брайен полностью вышел у него из головы.

– Нужно немедленно сообщить Валантэну, – сказал доктор, когда старик сбивчиво и задыхаясь описал ему все, что осмелился осмотреть в саду. – Какое счастье, что он здесь. – И как только он это произнес, в кабинет вошел сам великий сыщик, привлеченный шумом. Было даже интересно наблюдать за его преображением. Вошел он с видом хозяина и джентльмена, обеспокоенного мыслью о том, что кому-то из гостей или слуг стало плохо. Но узнав о случившемся, сделался серьезен и инициативен. Что поделать, как бы страшно и грустно это ни звучало, иметь дело с окровавленными трупами было его работой.

– Однако странно, господа, – сказал он, когда они устремились в сад. – Я по всему миру выискиваю загадки, а сейчас обнаруживаю одну из них в своем собственном дворе. Но где это место?

По лужайке они пошли уже не так быстро, поскольку с реки начал подниматься легкий туман, но под руководством потрясенного Галлоуэя вскоре нашли в высокой траве тело... Тело очень плотного и высокого широкоплечего мужчины. Человек лежал ничком, и они могли лишь рассмотреть, что широкая фигура его облачена в черное и что у него большая, почти лысая голова, лишь несколько клочков каштановых волос приклеились к голому

черепу, как мокрые пучки морских водорослей. Алая струйка крови змейкой вытекала из-под его лица.

– По крайней мере, – значительно протянул Симон, – он не из нашей компании.

– Осмотрите его, доктор! – довольно резко воскликнул Валантэн. – Может быть, он еще жив.

Доктор склонился над трупом.

– Тело еще не остыло, но, боюсь, он мертв, – констатировал он. – Ну-ка, помогите мне повернуть его.

Они осторожно приподняли тело на дюйм, и подозрение доктора подтвердилось самым однозначным и страшным образом. Голова трупа отпала. Она была полностью отделена от тела: тот, кто перерезал ему горло, сумел перерубить и шейные позвонки. Даже Валантэн был потрясен.

– Для этого нужна сила гориллы, – пробормотал он.

Не без содрогания, хоть и привычный к анатомическим исследованиям, доктор Симон поднял голову. На шее и челюсти имелось несколько порезов, но в целом лицо почти не пострадало. Это было желтое лицо, крупное и худое, с орлиным носом и тяжелыми веками – лицо развращенного римского императора с, возможно, отдаленным сходством с императором китайским. Похоже, никому из присутствующих оно не было знакомо. Больше о трупе нельзя было сказать ничего примечательного, кроме того, что, когда его подняли, на земле осталась окровавленная белая манишка. Как верно заметил доктор Симон, этот человек был не из их компании, но вполне вероятно, собирался к ней присоединиться, поскольку явно был одет для такого случая.

Валантэн опустил на четвереньки и с профессиональной дотошностью осмотрел траву и землю в радиусе двадцати шагов от тела. Доктор, хоть и не так умело, и английский лорд, совсем уж вяло, помогли ему в этом. Однако ползая в траве, они почти ничего не обнаружили, кроме нескольких веточек, поломанных или порубленных на очень мелкие кусочки, которые Валантэн поднял и после секундного осмотра отбросил в сторону.

– Ветки, – мрачно произнес он. – Ветки и неизвестный человек с отрубленной головой – это все, что есть на этом лугу.

Наступила почти зловещая тишина, но тут окончательно лишившийся присутствия духа Галлоуэй закричал пронзительным голосом:

– Что это? Там, возле стены, там кто-то есть!

Маленькая фигура с несуразно большой головой, покачиваясь, медленно приближалась к ним сквозь подсвеченную луной туманную дымку. На короткий миг она показалась им похожей на какого-то духа природы, но это оказался всего лишь безобидный маленький священник, которого они оставили в гостинной.

– Надо же! – со смиренным видом произнес он. – А в саду нет ни одной калитки.

Черные брови Валантэна недовольно сошлись над переносицей, что при виде сутаны случалось с ним постоянно. Но он был достаточно справедливым человеком, чтобы отрицать важность этого замечания в данных обстоятельствах.

– Вы правы, – сказал он. – Прежде чем выяснить, что тут произошло, нам придется понять, как этот человек сюда попал. Послушайте, господа. Если вы не посчитаете это несовместимым с моим положением и долгом, я думаю, все мы согласимся, что совершенно незачем впутывать в это дело определенных высокопоставленных лиц. В доме есть дамы, есть известные люди, иностранный посол. Раз уж мы имеем дело с преступлением, то и отнестись к нему нужно соответственно. До того как начнется официальное расследование, я волен поступать так, как считаю нужным. Я – начальник полиции, лицо настолько официальное, что могу позволить себе действовать частным образом. Сначала я сам проверю всех своих личных гостей, а уж потом вызову людей из управления, чтобы искать кого-то посто-

роннего. Господа, взываю к вашей чести. До завтра вы все должны остаться здесь. Спален на всех хватит. Симон, думаю, вы знаете, где найти моего слугу Ивана, – он в прихожей. Это надежный человек; скажите ему, чтобы он кого-нибудь оставил вместо себя и срочно шел ко мне. Лорд Галлоуэй, я уверен, вы сумеете сообщить леди, что произошло, но так, чтобы не вызвать паники. Им тоже придется задержаться. Мы с отцом Брауном пока остаемся у тела.

Голос начальника, заговоривший в Валантэне, подействовал на всех, как звук охотничьего рожка на собак. Все тут же бросились исполнять его поручения. Доктор Симон направился напрямик в арсенал и вызвал Ивана, частного сыщика на службе у сыщика официального. Галлоуэй прошел в гостиную и поведал леди страшную новость достаточно тактично, так что, когда компания вновь была в сборе, всех уже успели привести в чувство. Тем временем добрый священник и добрый безбожник молча и неподвижно стояли в лунном свете над головой и телом мертвеца, словно статуи, олицетворяющие два различных взгляда на смерть.

Иван, надежный человек со шрамом и усами, вылетел из дома, как пушечное ядро, и бросился через лужайку, как верный пес, к хозяину. Лицо его так и сияло от того, что детективная история разыгралась прямо у них в доме. То нетерпение, с которым он попросил у хозяина разрешения осмотреть труп, могло даже показаться неприятным.

– Да, смотрите, если хотите, – сказал Валантэн, – только недолго. Нужно занести его в дом и заняться делом.

Иван поднял голову и чуть не выронил ее.

– О Боже, – задохнулся он, – это же... Нет, не он. Не может быть. Вы знаете, кто это, сударь?

– Нет, – безразлично произнес Валантэн. – Берите его под руки.

Вдвоем они занесли труп в дом и положили на диван, после чего направились в гостиную.

Сыщик занял место за письменным столом. Он был спокоен, даже умиротворен, только взгляд у него сделался стальным, как у судьи. Он стал что-то быстро писать на бумаге, потом, не поднимая глаз, коротко спросил:

– Все здесь?

– Нет мистера Брейна, – сказала герцогиня Мон Сен Мишель, посмотрев по сторонам.

– Да, – хриплым голосом резко добавил лорд Галлоуэй. – Мистера Нила О'Брайена, я вижу, тоже нет. Я видел этого господина в саду, когда труп был еще теплым.

– Иван, – сказал сыщик, – сходите за майором О'Брайеном и мистером Брейном. Мистер Брейн, должно быть, в столовой докуривает сигару, а майор О'Брайен, скорее всего, в оранжерее, ходит туда-сюда. Если нет – поищите его.

Преданный слуга бросился из комнаты, и, прежде чем кто-нибудь успел пошевелиться или сказать хоть слово, Валантэн продолжил с той же военной четкостью и сухостью:

– Все собравшиеся знают, что в саду обнаружен труп с отрубленной головой. Доктор Симон, вы осматривали тело. Как вы считаете, нужно ли обладать большой силой, чтобы так перерезать горло? Или достаточно иметь очень острый нож?

– Я бы сказал, что ножом так голову не отрежешь, – ответил бледный доктор.

– Можете ли вы предположить, – продолжил Валантэн, – каким инструментом это можно сделать?

– Честно говоря, не могу, – сказал доктор, мученически складывая брови. – Шею перерезать очень непросто, даже если орудовать слишком грубо, а там абсолютно ровный разрез. Современным оружием такого и не сделаешь. Тут понадобился бы боевой топор или топор палача... Может, двуручный меч.

– Боже мой! – истерично вскричала герцогиня. – Но откуда тут взяться двуручным мечам и боевым топорам?

Валантэн все так же не поднимал глаз от письма.

– Скажите, – сказал он, продолжая торопливо писать. – Можно ли это сделать длинной французской кавалерийской саблей?

В дверь тихо постучали, и этот негромкий звук каким-то образом заставил всех похолодеть от ужаса, как стук в «Макбете». В наступившей гробовой тишине доктор Симон сумел выдать из себя:

– Саблей... да, думаю, можно.

– Спасибо, – сказал Валантэн. – Входите, Иван.

Надежный Иван открыл дверь и выпустил майора О'Брайена, который в конце концов отыскался в саду.

Ирландский офицер остановился у порога и обвел несколько растерянным взглядом собравшихся.

– Зачем я вам понадобился?! – довольно дерзко воскликнул он.

– Прошу вас, присядьте, – голосом спокойным и вежливым произнес Валантэн. – А почему вы без сабли? Где она?

– В библиотеке оставил, на столе, – волнение заметно усилило грубоватый акцент ирландца. – Мешала она мне, вот я и...

– Иван, – перебил его Валантэн, – сходите, пожалуйста, в библиотеку и принесите саблю майора. – Когда слуга исчез, он снова обратился к военному: – Лорд Галлоуэй утверждает, что видел, как вы уходили из сада, перед тем как обнаружил труп. Что вы делали в саду?

Майор плюхнулся на стул.

– Оу! – воскликнул он совсем уж по-ирландски. – На луну глядел, матушкой-природой любовался.

Слова его растаяли в тяжелой тишине, которая вновь оборвалась жутким стуком. Опять появился Иван с пустыми ножами в руках.

– Вот. Все, что нашел, – сказал он.

– Положите на стол, – приказал Валантэн, не поднимая глаз.

И снова в комнате наступила мертвая тишина, подобная той безбрежной мертвой тишине, которая окружает преступника на скамье подсудимых во время вынесения приговора. Слабые восклицания герцогини давно стихли. Безудержная ненависть лорда Галлоуэя была удовлетворена и даже начала остывать. Раздавшийся голос стал для всех неожиданностью.

– Я могу вам сказать, – громко заговорила леди Маргарет тем чистым дрожащим голосом, которым храбрые женщины разговаривают перед людьми, – что делал в саду мистер О'Брайен, потому что сам он ничего не скажет. Мистер О'Брайен делал мне предложение. Я отказала. Я сказала ему, что по семейным обстоятельствам не могу ему ответить ничем, кроме уважения. Его это немного рассердило, кажется, до уважения моего ему не было дела. Интересно, – добавила она со слабой улыбкой, – так ли безразлично оно ему сейчас? Я готова подтвердить где угодно, что он этого не делал.

Лорд Галлоуэй придвинулся к дочери и стал увещевать ее голосом, который, должно быть, представлялся ему шепотом.

– Замолчи, Мэгги, – громогласно зашипел он. – Зачем тебе защищать его? Где его сабля? Где его чертова кавалерийская...

Он не договорил, потому что вдруг увидел взгляд, которым посмотрела на него дочь. Тот огненный взгляд, который словно магнит приковал к себе внимание всех присутствующих.

– Старый дурак! – вполголоса произнесла она тоном, лишенным всякого намека на почтительность. – Что вы хотите доказать? Вы что не поняли? Этот человек не мог этого

совершить, когда был рядом со мной. Даже если он виновен, мы ведь были рядом. Если он убил того человека в саду, я, по-вашему, могла этого не заметить?... Я, по-вашему, могла об этом не знать? Вы настолько ненавидите Нила, что готовы собственную дочь...

Леди Галлоуэй вскрикнула. Все остальные с замиранием сердца вдруг ощутили, что перед ними приоткрылась завеса, скрывающая дьявольские хитросплетения в скорбной судьбе двух любовников. Они увидели гордое бледное лицо шотландской аристократки и ее возлюбленного – ирландского проходимца так, словно это были лики на старинных портретах в заброшенном доме. Долгая тишина наполнилась смутными мыслями об убитых мужьях, отравленных кубках и коварных любовницах.

И в самый жуткий миг стгутившейся замогильной тишины как гром среди ясного неба прозвучал невинный голос:

– А что, сигара была очень длинной?

Вопрос был настолько не связан с тем, о чем только что говорилось, что все начали крутить головами, пытаясь понять, кто это сказал.

– Я имею в виду, – донесся из дальнего угла голос маленького священника, – я имею в виду ту сигару, которую докуривает мистер Брейн. Похоже, она длинная, как трость.

Несмотря на неуместность этого замечания, во взгляде поднявшего голову Валантэна было заметно не только раздражение, но и согласие.

– Верно, – резко произнес он. – Иван, сходите еще раз к мистеру Брейну и немедленно приведите его.

Как только за расторопным слугой закрылась дверь, Валантэн обратился к девушке изменившимся голосом.

– Леди Маргарет, – сказал он, – я уверен, все мы вам благодарны и восхищаемся тем, что вы сумели переступить через чувство собственного достоинства, чтобы объяснить поведение майора, но вопрос остается открытым. Насколько я понимаю, лорд Галлоуэй встретил вас в коридоре между кабинетом и гостиной, и прошло какое-то время, прежде чем он выглянул в сад и увидел там майора.

– Не забывайте, – ответила Маргарет с легкой иронией в голосе, – я только что ответила ему отказом, и вряд ли мы могли возвращаться в дом, взявшись за руки. Он же все-таки джентльмен, поэтому чуть-чуть задержался... И попал под обвинение в убийстве.

– Но за те несколько секунд, – рассудительно произнес Валантэн, – он вполне мог...

Снова раздался стук, и в двери появилось испуганное лицо Ивана.

– Прошу простить, – сказал он, – но мистер Брейн покинул дом.

– Покинул! – вскричал Валантэн и впервые за время разговора поднялся со стула.

– Ушел. Удрал. Испарился, – пояснил Иван, смешно подбирая французские слова. – Его шляпа и пальто тоже исчезли, но и это еще не все. Я выбежал на улицу посмотреть, может, там следы какие остались, и нашел один след. Да и не маленький.

– Объясните, – сказал Валантэн.

– Я лучше покажу. – Иван скрылся за дверью и появился вновь со сверкающей кавалерийской саблей, запачканной кровью на конце и на лезвии. Все посмотрели на оружие, словно в комнате сверкнула молния, но бывалый слуга продолжил вполне спокойно: – Я заметил ее в кустах у дороги, – сказал он, – шагах в пятидесяти от дома, как в Париж ехать. Короче говоря, там, куда ваш уважаемый мистер Брейн зашвырнул ее, когда убежал.

Вновь наступила тишина, но на этот раз иного рода. Валантэн взял саблю, осмотрел, ненадолго, но глубоко задумался, после чего повернулся к О'Брайену и с уважением произнес:

– Майор, я надеюсь, если это оружие понадобится полиции для осмотра, вы предоставите его. А пока, – добавил он, со звоном вогнав саблю в ножны, – позвольте вернуть вам вашу саблю.

Сказано и сделано это было с таким военным благородством, что присутствующие с трудом воздержались от аплодисментов.

Для самого Нила О'Брайена этот символический жест стал поворотной точкой его существования. К тому времени, когда он снова вышел в раскрашенный утренними красками таинственный сад, привычная трагическая пустота слетела с его лица, теперь это был человек, у которого было множество поводов для счастья. Лорд Галлоуэй оказался джентльменом и извинился перед ним. Леди Маргарет – больше, чем леди... по крайней мере, обычная женщина, и, когда они перед завтраком прогуливались между старых клумб, принесла ему нечто лучшее, чем извинения. Он не мог не чувствовать, что отношение всей компании к нему переменилось, стало более человечным, поскольку тень подозрения, снятая с него, улетела в Париж вслед за странным миллионером, человеком, которого они почти не знали. Дьявол изгнан из этого дома... Вернее, сбежал сам.

И все же загадка оставалась не разгаданной, и когда О'Брайен уселся на садовую скамейку рядом с доктором Симоном, этот человек науки тут же снова заговорил о ней. Однако О'Брайен в ту минуту был плохим собеседником, потому что мысли его были заняты вещами куда более приятными.

– Меня это не очень интересует, – честно признался ирландец. – Особенно сейчас, когда все, кажется, стало понятно. Очевидно, Брейн по какой-то причине ненавидел этого незнакомца. Он заманил его в сад и убил там моей саблей. Потом дал деру в город, а саблю по дороге просто выбросил, вот и все. К слову, Иван мне сказал, что в кармане убитого нашли американский доллар, так что, выходит, он был земляком Брейна, а значит, все сходится. По моему, никаких загадок.

– В этом деле – пять огромнейших загадок, – спокойным голосом произнес доктор. – Что-то вроде внутренних тайных комнат в одной большой тайной комнате. Поймите правильно, я не сомневаюсь, что это дело рук Брейна. К тому же его бегство доказывает это. Я говорю о том, как он это сделал. Первая загадка: зачем одному человеку понадобилось убивать другого человека огромной саблей, если он мог сделать это простым ножом, который потом легко можно спрятать в карман? Вторая загадка: почему не было ни шума, ни криков? Неужели человек, видя, что к нему кто-то приближается, размахивая длинной саблей, ничего не произнес и вообще не издал ни звука? Третья загадка: у входа в дом весь вечер дежурил слуга, а сад Валантэна так защищен, что в него и мышь не проскочит. Как туда попал убитый? Четвертая загадка: опять же, как Брейну удалось покинуть дом?

– А пятая? – спросил Нил, не отрывая взгляда от английского священника, который медленно приближался к ним по дорожке.

– Ну, это мелочь, – сказал доктор, – и все же довольно странная. Когда я впервые увидел голову, мне показалось, что убийца отрубил ее несколькими ударами. Но, осмотрев ее внимательнее, я обнаружил много порезов рядом с основным разрезом. Другими словами, они появились там после того, как голова была отсечена. Неужели Брейн так люто ненавидел своего врага, что кромсал его тело в лунном свете, когда в любую секунду его могли заметить?

– Ужасно! – произнес О'Брайен и поежился.

Маленький священник, отец Браун, уже успел подойти и теперь скромно стоял поодаль, дожидаясь, пока они закончат разговор. Потом смущенно сказал:

– Прошу прощения, извините, что прерываю, но меня послали сообщить вам новость.

– Новость? – повторил Симон и боязливо посмотрел на гонца через пенсне.

– Прошу прощения, да, – тихо сказал отец Браун. – Видите ли, произошло еще одно убийство.

Оба мужчины вскочили со скамейки, чуть не опрокинув ее.

– Но самое странное то, – продолжил священник, поглядывая на рододендроны, – что оно совершено тем же отвратительным способом. Отрублена голова. Ее обнаружили в нескольких ярдах от дома рядом с дорогой, по которой Брейн должен был идти в Париж. Она лежала на берегу реки, кровь стекала в воду. Поэтому посчитали, что...

– Черт побери! – воскликнул О'Брайен. – Да что этот Брейн, маньяк, что ли?

– И в Америке знают, что такое вендетта, – бесстрастно произнес священник, а потом добавил: – Вас просят зайти в библиотеку для осмотра.

Майор О'Брайен последовал за остальными в дом, ощущая дурноту. Ему как солдату была отвратительна эта таинственная резня. И когда уже закончатся эти нелепые ампутации? Сначала отрубили одну голову, теперь вторую. Это не тот случай (про себя горько пошутил он), когда одна голова хорошо, а две лучше. Когда он проходил через кабинет, его поразило жуткое совпадение. На столе Валантэна лежало цветное изображение третьей окровавленной головы, и это была голова самого Валантэна. Присмотревшись внимательнее, майор понял, что это всего лишь обложка «Гильотины», газеты партии националистов, которая каждую неделю изображала одного из своих политических противников с закатившимися глазами и искривившимся лицом, так, как бы они выглядели сразу после казни, а Валантэн – известный противник Церкви. Но О'Брайен был ирландцем и даже когда грешил, оставался существом чистым и невинным, поэтому у него вызвала отвращение та врожденная крайняя жестокость, которая отличает французов от всех остальных наций. В этот миг он ощутил весь Париж целиком, от величественно-нелепых готических церквей до неприличных картинок в газетах. Он вспомнил вакханалию веселья Великой революции. Весь огромный город показался ему одним уродливым сгустком отвратительной энергии, от кровожадной карикатуры на столе Валантэна до той высоты, где над скопищем горгулий сам дьявол, улыбаясь, смотрит с собора Парижской Богоматери.

Библиотека оказалась вытянутой темной комнатой с низким потолком; единственный свет, который в нее проникал, шел из-под низко опущенных штор и был все еще по-утреннему розоватым. Валантэн и его слуга Иван ждали их за дальним концом длинного письменного стола с немного наклонной крышкой, на котором лежали бранные останки, в полутьме казавшиеся огромными. Большая черная фигура и желтое лицо человека, найденного в саду, выглядели почти так же, как раньше. Вторая голова, которую этим утром выловили среди камышей, лежала рядом. Вода все еще стекала с нее и собиралась в лужицы на столе. Люди Валантэна разыскивали второй труп, который, как предполагалось, должен был плавать в реке. Отец Браун, который, кажется, вовсе не был подвержен чувствительности, подошел ко второй голове и, часто моргая, внимательно ее осмотрел. Копне белых мокрых беспорядочно спутанных волос ровный красноватый утренний свет придавал некоторое сходство с серебряным огненным ореолом; уродливое лиловое, возможно, даже злодейское лицо, пострадало, пока вода носила голову между камнями и корнями деревьев.

– Доброе утро, майор О'Брайен, – спокойно и приветливо поздоровался Валантэн. – Я полагаю, вы уже слышали о последнем упражнении Брейна в отрезании голов?

Отец Браун, все еще склоненный над светловолосой головой, не отрывая от нее глаз, произнес:

– Я полагаю, уже точно установлено, что именно Брейн отрезал эту голову.

– Все указывает на него, – сказал Валантэн, который стоял, засунув руки в карманы. – Способ убийства тот же. Тела нашли почти рядом. К тому же этому бедняге он отрубил голову тем оружием, которое, как мы знаем, унес с собой.

– Да-да, я знаю, – послушно согласился клирик. – И все же, знаете ли, я сомневаюсь, что эту голову мог отрезать Брейн.

– Почему же? – деловито поинтересовался доктор Симон.

– Скажите, доктор, – священник, не разгибаясь, поднял на него взгляд. – Человек может сам себе отрезать голову? Не думаю.

О’Брайену показалось, что сошедшая с ума вселенная обрушилась рядом с ним, но практичный доктор порывисто подскочил к голове на столе и откинул назад мокрые белые волосы.

– Сомнений нет, это Брейн, – спокойно констатировал священник. – У него на левом ухе была точно такая же неровность.

Сыщик, который смотрел на служителя Церкви внимательными блестящими глазами, разжал плотно стиснутые зубы и резко произнес:

– Вам, отец Браун, похоже, много чего о нем известно.

– Да, – просто ответил невысокий человек. – Я провел рядом с ним несколько недель. Он подумывал присоединиться к нашей Церкви.

Фанатичные искорки сверкнули в глазах Валантэна. Сцепив кулаки, он одним большим шагом приблизился к священнику.

– А может быть, – с насмешливой улыбкой выкрикнул он, – может быть, он подумывал еще и о том, чтобы все свои деньги оставить вашей Церкви?

– Может быть, – ничуть не смутился Браун. – Это вполне возможно.

– В таком случае, – вскричал Валантэн, страшно улыбаясь, – вы и впрямь можете много чего о нем знать. О его образе жизни, о его...

Майор О’Брайен положил ладонь на руку Валантэна.

– Хватит нести бред, Валантэн, – сказал он. – А то в ход опять пойдут сабли.

Но Валантэн под спокойным скромным взглядом священника уже совладал с собой.

– Что ж, – коротко сказал он, – личные мнения могут и подождать. Господа, напоминаю, вы дали слово не покидать дом. Прошу вас не нарушать его... И проследить, чтобы его не нарушили другие. Если вы что-то хотите узнать, обращайтесь к Ивану, он все расскажет. Я пока займусь делом и напишу доклад начальству. Мы больше не имеем права скрывать, что произошло. Будут новости – я у себя в кабинете.

– Есть что-то такое, чего мы не знаем? – обратился к Ивану доктор Симон, когда шеф полиции широкими шагами вышел из библиотеки.

– Думаю, только одно, сударь, – ответил Иван, морща бледное старческое лицо. – Но это тоже по-своему важно. Этот старый черт, которого вы нашли на лугу... – Слуга безо всякого почтения указал на большое черное тело и желтую голову на столе. – Мы выяснили, кто это.

– В самом деле? – изумился доктор. – Кто же это?

– Звали его Арнольд Беккер, – сказал заместитель сыщика, – хотя у него было много кличек и вымышленных имен. Этот мошенник ездил из страны в страну, и в последний раз его видели в Америке, там-то, видать, чего-то они с Брейном и не поделили. Мы им особо не занимались, потому что он больше в Германии орудовал, но с немецкой полицией связь у нас, само собой, имеется. Но самое странное то, что у этого Арнольда был брат-близнец, Луи Беккер. Вот этот нам был хорошо знаком. Только вчера мы решили его гильотинировать. Вы не поверите, господа, но когда я увидел этого парня в саду на траве, у меня чуть сердце из груди не выскочило. Если бы я собственными глазами не видел, как Луи отрубили голову на гильотине, я бы решил, что это он, Луи Беккер, и есть, лежит у нас перед домом. Потому что я, ясное дело, вспомнил о его немецком близнеце и, сопоставив одно с другим...

Увлеченный рассказом Иван замолчал, так как вдруг заметил, что его совершенно никто не слушает. И майор, и доктор смотрели на отца Брауна, который встал и крепко прижал к вискам ладони, как человек, испытывавший резкую и нестерпимую боль.

– Хватит, хватит, хватит! – закричал он. – Я так не могу! Замолчите хоть на минуту, я понимаю только половину! Господи, придай мне силы. Сумею ли я понять все это? Святые

небеса, помогите мне! Когда-то я умел думать, и неплохо. Я ведь даже когда-то мог пересказать любую страницу из Фомы Аквинского. Выдержит ли моя голова... или расколется? Я понимаю только половину... Только половину.

Он уткнулся лицом в ладони и неподвижно замер, будто мысль (а может, молитва) сейчас была для него настоящей пыткой. Остальные трое ошеломленно смотрели на новую загадку, которую принесли им последние двенадцать сумасшедших часов.

Когда руки отца Брауна опустились, показавшееся лицо было свежим и серьезным. Он набрал полную грудь воздуха, выдохнул и сказал:

– Давайте покончим с этим как можно скорее. Поговорим – это самый быстрый способ донести до вас истину. – Он повернулся к доктору. – Доктор Симон, – сказал он, – у вас светлая голова, и сегодня утром я слышал, как вы перечисляли пять самых сложных вопросов, которые имеют отношение к этому делу. Если вы зададите их снова, я на них отвечу.

Доктор в сомнении и удивлении так поднял брови, что пенсне свалилось с его носа, но ответил сразу.

– Ну, первый вопрос – это, э-э-э... Зачем понадобилось совершать убийство таким неудобным орудием, как сабля, если убить человека можно каким-нибудь простым шилом?

– Шилом обезглавить человека невозможно, – хладнокровно ответил Браун, – а в данном случае это было необходимым условием.

– А почему? – поинтересовался О’Брайен, но на этот вопрос отец Браун отвечать не стал, а только сказал:

– Следующий вопрос.

– Почему этот человек не закричал и не позвал на помощь? – спросил доктор. – Человек с саблей в саду – явление все-таки не самое привычное.

– Ветки, – хмуро произнес священник и повернулся к окну, выходившему на место преступления. – Никто не понял значения веток. Как они оказались на этом газоне (взгляните), так далеко от деревьев? Их не отломали, а отрубили. Убийца занял жертву какими-то трюками с саблей, скажем, стал показывать, как он может перерубить подкинутую в воздух веточку или что-нибудь в этом роде. Потом, когда его враг нагнулся, чтобы проверить результат, молча нанес удар саблей, и голова была отрублена.

– М-да, – протянул доктор, – звучит правдоподобно. Но посмотрим, справитесь ли вы с двумя моими следующими вопросами.

Священник в ожидании серьезно смотрел в окно.

– Каким образом, если весь сад был закупорен, как воздухо непроницаемый сосуд, – продолжил доктор, – каким образом туда попал посторонний человек?

Не поворачивая головы, маленький священник ответил:

– Никакого постороннего человека в саду не было.

Комната погрузилась в молчание, но неожиданный заливистый, почти детский смех Ивана разрядил обстановку. Абсурдность замечания отца Брауна заставила старого слугу насмешливо поинтересоваться:

– Значит, не было, говорите?! – воскликнул он. – Значит, и жирного безголового здоровяка мы вчера вечером не тащили на диван? Он, выходит, и в сад не забирался?

– Нет, – задумчиво произнес Браун. – Вернее, не совсем.

– Постойте-ка! – вскричал Симон. – Но человек либо есть в саду, либо его там нет.

– Не обязательно, – священник слегка улыбнулся. – Следующий вопрос, доктор.

– Знаете что, мне кажется, вы нездоровы! – с жаром воскликнул доктор Симон. – Но, если хотите, пожалуйста, следующий вопрос: как Брейн сумел уйти из сада?

– Он не уходил из сада, – ответил священник, по-прежнему глядя в окно.

– Не уходил? – Симон уже не мог сдерживать раздражение.

– Не полностью.

Французская логика Симона не вынесла подобного надругательства, он в бешенстве потряс в воздухе кулаками.

– Человек либо уходит из сада, либо нет! – завопил он.

– Не всегда, – сказал отец Браун.

Доктор Симон порывисто вскочил.

– У меня нет времени выслушивать подобные бредни, – дрожащим от гнева голосом бросил он. – Если вы не понимаете разницы между двумя сторонами забора, мне с вами разговаривать не о чем.

– Доктор, – голос клирика прозвучал очень мягко. – Мы с вами всегда прекрасно понимали друг друга. Хотя бы ради нашей былой дружбы задержитесь, чтобы задать пятый вопрос.

Порывистый Симон опустил на стоящий у двери стул и быстро произнес:

– Голова и плечи были странным образом изрезаны. Похоже, это было сделано после смерти. Почему?

– Вот! – сказал неподвижно стоящий священник. – Это сделано нарочно, чтобы заставить вас прийти к простому ложному выводу, к которому вы и пришли. Это сделано для того, чтобы у вас не возникло сомнения, что голова эта принадлежит именно этому телу.

Та граница разума, за которой обитают все чудовища, с невероятной скоростью выехала на передний план в гэльском сознании О'Брайена. Он вдруг почувствовал близкое присутствие мужчин-коней, женщин-рыб и всех прочих фантастических существ, которых породило необузданное человеческое воображение. Голос, более древний, чем его праотцы, как будто прошептал ему на ухо: «Не ходи в сад, где растет дерево разноплодное. Избегай нечестивого сада, где умер человек о двух головах». Однако, пока эти постыдные символические образы проносились в древнем зеркале его ирландской души, офранцузенный интеллект офицера оставался настороже. О'Брайен смотрел на странного священника не менее внимательно и недоверчиво, чем все остальные.

Отец Браун наконец повернулся, но остался у окна. Даже через густую тень, скрывающую его лицо, было видно, что оно белое как мел. Тем не менее, когда он заговорил, голос его звучал ровно и уверенно, словно никаких гэльских душ на земле не существовало.

– Господа, – сказал он, – в саду вы не находили странного тела Беккера. В саду не было странных тел. Невзирая на рационализм доктора Симона, я по-прежнему утверждаю, что Беккер присутствовал там лишь частично. Посмотрите! – Он указал на черную громадину загадочного трупа. – Вы считаете, что никогда в жизни не видели этого человека. Так ли это?

Он быстрым движением откатил лысую желтую голову незнакомца, на ее место положил голову с гривой белых волос, и все совершенно ясно увидели, что перед ними лежит не кто иной, как Джулиус К. Брейн собственной персоной.

– Убийца, – спокойно продолжил Браун, – отрубил голову своему врагу, а саблю забросил за стену. Но он был слишком умен и избавился не только от сабли, но и (таким же образом) от головы. После этого ему оставалось всего лишь приставить к телу другую голову, и все решили, что перед ними новый человек.

– Приставить другую голову! – удивился О'Брайен. – Какую другую? Головы, знаете ли, не растут в саду на кустах, не так ли?

– Да, – хрипловатым голосом, глядя себе под ноги, сказал отец Браун. – Есть только одно место, где они растут. Они растут в корзине под гильотиной, рядом с которой шеф полиции Аристид Валантэн находился менее чем за час до того, как было совершено убийство. Друзья мои, прошу вас, послушайте еще одну минуту, прежде чем разорвать меня на части. Валантэн – честный человек, если приступы бешенства при решении спорных вопросов можно назвать честностью. Но, глядя в его серые стальные глаза, вам никогда не приходило в голову, что он безумен? Он готов пойти на все, на все, чтобы разрушить то, что он называет

«христианским суеверием». Ради этой цели он сражался, страдал, а теперь пошел на убийство. Сумасшедшие миллионы Брейна до сих пор расходились по многочисленным сектам, поэтому не могли нарушить общее равновесие. Но до Валантэна дошли слухи, что Брейн, как и большинство мечущихся скептиков, стал сблизиться с нами, а это уже было намного серьезнее. Брейн сделал бы огромные вливания в обнищавшую, но воинственно настроенную французскую Церковь, он поддержал бы шесть таких националистических газет, как «Гильотина». Это могло перевесить чашу весов, и его битва была бы проиграна. Поэтому фанатик пошел на риск. Он решил уничтожить миллионера, и сделал это так, как можно ожидать от величайшего в мире сыщика, решившегося на единственное в своей жизни преступление. Он взял отрубленную голову Беккера, сославшись на какую-нибудь криминологическую надобность, и принес домой в служебном саквояже. Он в последний раз попытался переубедить Брейна (при этом разговоре присутствовал лорд Галлоуэй, однако окончания его он не дождался), но, когда ему это не удалось, вывел его в сад и завязал разговор об искусстве вести словесную дуэль, использовал для примера веточки и саблю и...

Иван вскочил.

– Вы с ума сошли! – завопил он. – Сейчас же идем к хозяину, и если выяснится, что вы...

– Я и сам к нему собирался, – горько вздохнул Браун. – Я должен просить его сознаться.

Пропихнув вперед несчастного отца Брауна, то ли прикрываясь им, как щитом, то ли собираясь принести его в жертву, они все вместе ворвались в неожиданно тихий кабинет Валантэна.

Великий сыщик сидел за письменным столом, очевидно, слишком поглощенный делами, чтобы услышать их шумное появление. На миг они остановились в нерешительности, но потом что-то в виде этой выпрямленной изящной спины заставило доктора броситься вперед. Оказавшись у стола, он увидел, что рядом с локтем Валантэна стоит маленькая коробочка с пилюлями, а сам Валантэн мертв, и взгляд остекленевших глаз самоубийцы исполнен непреклонностью большей, чем Катон¹⁷.

¹⁷ Марк Порций Катон Старший (234 до н. э. – 149 до н. э.) – римский политический деятель и писатель, известен своей враждой ко всяким новшествам; непреклонный враг Карфагена. Был защитником староримских начал в идеологии, выступал против распространения греческой образованности. Марк Порций Катон Младший (95 до н. э. – 46 до н. э.) – римский политический деятель, противник Юлия Цезаря. Покончил с собой, узнав о победе Цезаря при Тапсе.

Грехи принца Сарадина

Когда Фламбо взял ежемесячный отпуск, чтобы отдохнуть от своей конторы в Вестминстере, он решил провести его на небольшой парусной лодке, которая была до того мала, что большую часть времени шла на гребном ходу. Более того, он намеревался провести отпуск на небольших реках восточных графств, реках таких маленьких, что со стороны казалось, будто волшебная лодочка плывет через луга и поля. Больше двух человек в это суденышко не поместилось бы, да и места в нем хватало только для самого необходимого, поэтому Фламбо и заполнил его теми вещами, которыми его своеобразный разум посчитал необходимыми для подобного путешествия. Если составить их список, он ограничился бы четырьмя пунктами: консервы с лососиной – на тот случай, если ему в пути захочется есть; заряженные револьверы – на тот случай, если у него в пути возникнет желание повоевать; бутылка бренди – вероятно, на тот случай, если в пути ему доведется упасть в обморок; и священник – очевидно, на тот случай, если в пути его настигнет смерть. С этим легким грузом он и отправился потихоньку по мелким норфолкским речушкам, намереваясь добраться до озер и по дороге насладиться прелестью прибрежных садов и лугов, чудесными отражениями подступающих к самой воде особняков или деревень, останавливаясь для тихой рыбалки в прудах и заводях и, в определенном смысле, прижимаясь к берегу.

Как всякий истинный философ, Фламбо, отправляясь в путь, не ставил перед собой какой-то конкретной цели, но как всякий истинный философ, имел для этого повод. У него была своего рода «получель», к которой он относился достаточно серьезно, чтобы, в случае, если ему будет сопутствовать успех, она стала достойным завершением всего отпуска, но в то же время настолько легкомысленно, чтобы неудача не испортила впечатления от отдыха. Много лет назад, когда Фламбо был королем воров и самым известным человеком в Париже, он получал множество писем, в которых ему пели дифирамбы, слали проклятия и даже признавались в любви, но лишь одно из них запомнилось ему. Это была всего лишь визитная карточка в конверте с английской маркой. На обратной стороне карточки по-французски зелеными чернилами было написано: «Если вы когда-нибудь уйдете на покой и образумитесь, приезжайте. Я бы хотел с вами встретиться, потому что со всеми остальными великими современниками я уже встречался. Ваша проделка с двумя сыщиками, когда вы заставили одного арестовать другого, – лучшее, что происходило за всю историю Франции». На лицевой стороне карточки четкими буквами было напечатано: «Принц Сарадин, Рид-Хаус¹⁸, Рид-Айленд, Норфолк».

Тогда Фламбо не стал задумываться над приглашением, выяснил только, что принц в свое время был одной из известнейших фигур светского общества Южной Италии и блистал в самых высоких кругах. Поговаривали, что в юности он сбежал с одной знатной замужней женщиной. Это не бог весть какая невидаль для тех кругов, и об этой выходке вскоре бы забыли, но дело осложнилось неожиданным и трагическим обстоятельством: последовавшим самоубийством мужа, который, судя по всему, бросился в пропасть в Сицилии. Какое-то время принц жил в Вене, но последние годы, похоже, проводил в постоянных и непрерывных путешествиях. Но когда Фламбо, как и принц, решив отдалиться от славы, покинул Европу и обосновался в Англии, ему пришло в голову, что он может как-нибудь нагрнуть с неожиданным визитом к именитому изгнаннику, живущему у Норфолкских озер. Он не имел понятия, удастся ли ему разыскать поместье принца, настолько оно было небольшим и уединенным. Но случилось так, что нашел он его намного раньше, чем ожидал.

¹⁸ Reed – по-английски тростник или камыш, поэтому Рид-Айленд (Reed Island) – это тростниковый или камышовый остров, а Рид-Хаус (Reed House) – тростниковый дом.

Однажды вечером их лодка причалила к поросшему густой высокой травой берегу с низкими деревьями. Сон после напряженной работы веслами пришел к ним быстро, и, соответственно, проснулись путешественники рано, еще затемно. Вернее сказать, до того как начался день, поскольку большая лимонная луна проглядывала через лес высокой травы над их головами, а чистое фиалковое небо было хоть и ночным, но светлым. Обоим мужчинам одновременно пришли на ум воспоминания детства, этого сказочного времени, когда в лесу можно встретить настоящего эльфа, когда каждый день сулит новые приключения, а заросли тростника кажутся настоящими джунглями. Если вот так снизу вверх смотреть на ромашки на фоне большой низкой луны, они кажутся гигантскими ромашками, а одуванчики – гигантскими одуванчиками. Каким-то образом это напомнило им узоры на обоях в детской комнате.

Откос берега позволял им видеть корни кустов и трав над собой.

– Боже, – тихо произнес Фламбо. – Как в сказке. Прямо страна фей какая-то.

Отец Браун вдруг сел, выпрямив спину, и перекрестился. Движение его было таким резким, что его друг не без удивления спросил, что случилось.

– Люди, которые сочиняли средневековые баллады, – ответил священник, – знали о сказках и феях больше вас. В сказках происходят не только приятные вещи.

– Ерунда, – сказал Фламбо. – Вы посмотрите, разве может под такой луной происходить что-то плохое? Я предлагаю плыть дальше и посмотреть, что из этого выйдет. Мы можем умереть и сгнить, прежде чем еще раз увидим такую луну и почувствуем такое настроение.

– Хорошо, – согласился отец Браун. – Я не говорил, что нельзя входить в страну фей, я сказал только, что это опасно.

И они медленно поплыли по серебристой реке. Глубокий пурпур неба и бледное золото луны начали увядать и постепенно превратились в ту обесцвеченную бескрайнюю гармонию, на смену которой приходят краски рассвета. Когда первые легкие красные, золотые и серые полосы прорезали горизонт от края до края, их единообразие нарушил черный силуэт какого-то городка или деревни, наседаящий на реку прямо впереди. Предрассветный полумрак уже позволял различать предметы на расстоянии, когда они доплыли до нависающих крыш и мостов этого прибрежного поселения. Дома, с их длинными низкими, горбатыми крышами, словно собрались здесь, чтобы напиться из реки, как огромные рыжие и серые коровы. Лишь когда расширившийся и просветлевший рассвет превратился в настоящий день, на пристанях и мостах этого молчаливого городка они заметили первое живое существо. Вскоре они смогли рассмотреть безмятежного цветущего мужчину с лицом круглым, как недавно скрывшаяся луна, и лучиками рыжей бороды вокруг нижнего его полукружия. Он стоял в одной рубашке, прислонясь к столбу, и смотрел на сонное течение реки. Поддавшись какому-то внутреннему побуждению (анализировать которое мы не станем), Фламбо поднялся на качающейся лодке в полный рост и крикнул мужчине, не знает ли он, где находится Рид-Айленд или Рид-Хаус. Цветущая улыбка мужчины слегка увяла, он молча указал на следующий поворот реки. Без дальнейших расспросов Фламбо поплыл дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.